

41/08 СК
ТК
(ОК)
ISSN 0201-7245

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЗАКОННОСТИ

7

СОДЕРЖАНИЕ

Черниченко С. А., В. И. Ленин и развитие советского законодательства в первые годы нэпа	3
Шерстюк И. Н., Гриценко Е. А. Соотношение экономического и правового в хозяйственном механизме развитого социализма	10
Темнов И. Е. Взаимодействие норм права и морали (исторические аспекты)	17
Борисов Г. А. О понятии принципов, действующих в правовой сфере	24
Лайтман В. И. О стадиях правотворческой и правоприменительной деятельности общественных организаций	30
Крупин В. Г. Общая характеристика ленинских идей о кадровой политике в советском государственном аппарате	36
Ольховский Б. И. Закрепление роли общественных организаций трудящихся в Конституции СССР 1977 г.	40
Бурлака А. С. Демократический централизм — конституционная основа взаимоотношений местных Советов народных депутатов	46
Рыбальченко Р. К. Личная жизнь граждан и некоторые вопросы ее конституционной охраны в СССР	53
Процевский В. А. Право на труд и содержание трудового договора	59
Стависский П. Р. Возмещение вреда, понесенного работником при исполнении обязанности по предотвращению ущерба, угрожающего предприятию, по советскому трудовому праву	67
Барабаш А. Т., Быканов Н. А. Доплаты за профессиональное мастерство на промышленном предприятии и повышение эффективности производства	74
Губарь Т. Н. Некоторые вопросы законной силы судебного решения	80
Красько И. Е. К истории науки хозяйственного права в СССР	84
Чушков В. А. Некоторые вопросы применения судами законодательства об охране природы	91
Иванов Н. И. Оценочные понятия и их применение в уголовно	99
Иванов В. Д. Значение нормы закона о добровольном в практике органов, ведущих борьбу с преступностью	107
Баулин Ю. В. К вопросу о месте действия по задержанию ступника в системе обстоятельств, исключающих уголовную ответственность	109
Т... В. П. Специальный вид освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный ч. 2 ст. 222 УК УССР	114
... И. М. Содержание прогрессивной системы исполнения наказания	119
С... А. Я. Спорные вопросы квалификации взяточничества	121
Хотенец В. М. Значение и содержание мотивировки кассационных определений по уголовным делам	127
Глибко В. Н., Ратманов Н. Г. Социально-психологические особенности обыска	135

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
научный сборник

ВЫПУСК
7

Основан в 1976 г.

код экземпляра

290199

Національна юридична академія
України імені Ярослава Мудрого
ФУНДАМЕНТАЛЬНА
БІБЛІОТЕКА

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения „Вища школа“
1981

67.99(2)

П78

Проблемы социалистической законности, вып. 7. — Респ. межвед. науч. сборник. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. — 141 с.

В сборнике большое внимание уделяется взаимодействию норм права и морали, личной жизни граждан СССР и ее конституционной охране, применению судами норм об охране природы, проблемам трудового и хозяйственного права. Освещаются актуальные вопросы уголовного права и процесса: система наказаний, исполнение наказания и освобождение от него, кассационное производство.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: В. Я. Таций (отв. ред.), М. И. Бару (зам. отв. ред.), Ю. М. Грошевой (отв. секр.), М. И. Бажанов, В. М. Горшенев, Л. Я. Носко, Р. С. Павловский, А. А. Пушкин, И. Е. Середа, Н. Н. Страхов, В. В. Штерн.

Адрес редакционной коллегии: 310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Выпуск 7

Редактор *К. К. Гулый*

Художественный редактор *В. Б. Мартыняк*

Технический редактор *Г. П. Александрова*

Корректор *Л. А. Федоренко*

Информ. бланк. № 5813.

Сдано в набор 6.06.80. Подп. в печать 25.12.80. БЦ 09077. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печ. 8,75 усл. печ. л. 10,3 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 853. Зак. 984. Цена 1 р. 40 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Харьковская городская типография № 16 Областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16.

© Издательское
объединение
«Вища школа»,
1981.

П $\frac{11001-002}{М 226 (04) - 81}$ 1203000000

С. А. Черниченко, канд. ист. наук

Харьковский юридический институт

В. И. ЛЕНИН И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

Успешное решение практических задач коммунистического строительства в нашей стране неразрывно связано со всемерным укреплением социалистической законности, сущность которой заключается в том, чтобы «соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми» [2, т. 39, с. 155]. Для обеспечения в стране режима законности необходимо развитое и систематизированное законодательство, отвечающее потребностям общества.

Создание и развитие советского законодательства, укрепление социалистической законности было предметом неустанного внимания и заботы основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина. Под его руководством были разработаны декреты Советской власти, которые легли в основу советского права. Важнейшие из них — Декрет о мире, Декрет о земле, Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и др. — писал сам В. И. Ленин.

В законодательной работе, кодификации советского права В. И. Ленин исходил из высказываний К. Маркса о том, что законодатель «должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует...» [1, с. 162]. Советским законам В. И. Ленин отводил важнейшую роль в осуществлении политики Коммунистической партии. «Закон есть мера политическая, есть политика» [2, т. 30, с. 99]. В обобщенной, концентрированной форме советские законы выражают волю народа, волю партии и государства. Воля, если она государственная, подчеркивал В. И. Ленин, «должна быть выражена как закон, установленный *властью*; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком» [2, т. 32, с. 340].

Работа по созданию первых кодексов в Советской республике была начата в 1918 г. В октябре был принят кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, который высоко оценил В. И. Ленин [2, т. 37, с. 186], в декабре — кодекс законов о труде. Однако в тяжелых условиях периода иностранной военной интервенции

и гражданской войны кодификация советского законодательства не была завершена.

К весне 1921 г. иностранные интервенты и внутренняя контрреволюция были в основном разгромлены и изгнаны из пределов нашей страны. X съезд РКП(б), состоявшийся в марте того же года, принял решение о переходе к новой экономической политике. Осуществление нэпа потребовало усиления регулирующей роли права в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, укрепления социалистической законности. XI Всероссийская конференция РКП(б) (декабрь 1921 г.) в резолюции «Об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства» подчеркнула: «Поскольку победа трудящихся обеспечила Советской России хотя бы временный и неустойчивый мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности» [3, с. 306]. А это выдвигало требование кодификации права и создания единой правовой системы. «Если мы будем только говорить о революционной законности, а законов не будет, это будет весьма эффективное слово, но не больше, — отмечал Д. И. Курский в своем докладе на IV Всероссийском съезде деятелей юстиции в 1922 г. — Необходимо иметь твердую и в достаточной степени разработанную систему норм, чтобы не только говорить о революционной законности, но и проводить ее в жизнь» [5, с. 74].

На XI съезде РКП(б) В. И. Ленин выдвинул задачу повышения роли законодательных органов. Для того чтобы законодательная работа проходила более успешно, говорил он, «надо добиться, чтобы ВЦИК работал более энергично и правильно собирался на сессиях, которые должны быть более длительными. Сессии должны обсуждать проекты законов, которые иногда наспех вносятся в Совнарком без обязательной надобности. Лучше отложить и дать местным работникам внимательно обдумать и строже требовать от составителей законов, чего у нас не делается» [2, т. 45, с. 115].

Подготовка нового законодательства проходила в борьбе против буржуазных элементов, которые видели в нэпе возврат к старому порядку и добивались восстановления полной неприкосновенности частной собственности, неограниченной свободы частнокапиталистических отношений в Советском государстве [7]. Эта борьба осложнялась тем, что в партии, в советском государственном аппарате нашли место нигилистические настроения в отношении к законности. Так, один из видных экономистов того периода В. Сарабьянов докладывал, что разрабатывать законодательство нет смысла, так как суд должен руководствоваться не законом, а «голосом революционной совести» [6, с. 19]. Нигилизм части работников государственного аппара-

та по отношению к законности был обусловлен тем, что законность они связывали исключительно с товарно-денежными отношениями, которые, по их убеждению, присущи только капитализму. Споры шли по вопросу о предоставлении правовых гарантий развитию товарно-денежных отношений, о пределах их допустимости в условиях нэпа. Вместе с тем это был спор о пределах контроля Советского государства за тем, чтобы мелкотоварный и в особенности частнокапиталистический секторы экономики не выходили за определенные рамки. Наиболее острая борьба развернулась при подготовке Гражданского кодекса РСФСР. Об этом свидетельствуют письма В. И. Ленина Д. И. Курскому, выступления В. И. Ленина на сессиях ВЦИК, постановления Политбюро ЦК РКП(б) [2, т. 44, с. 397—398, 401, 412; т. 54, с. 165—166; 4, с. 129].

Партия, В. И. Ленин добивались того, чтобы гражданское законодательство, закрепляя сосредоточение в руках Советского государства основных средств и орудий производства, было направлено на обеспечение дальнейшего развития, расширения и укрепления государственной общественной собственности как экономической основы советского строя, как основного экономического условия его развития по пути к социализму. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что Наркомюсту нужно не поддаваться «Наркоминделу, который «по должности» тянет линию «приспособления к Европе», а *бороться* с этой линией, выработать *новое* гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т. п.» [2, т. 44, с. 398]. Он требовал решительного вмешательства государства в частнохозяйственные отношения, если страдали общегосударственные интересы. «Мы ничего «частного» не признаем, — указывал В. И. Ленин, — для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм *только* государственный... Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris romanum* к «гражданским правоотношениям», а *наше революционное правосознание...*» [2, т. 44, с. 398]. В целях совершенствования советского гражданского законодательства В. И. Ленин советовал, «все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно», но не ограничиваться этим, «*не угождать «Европе», а продвинуться дальше в усилении вмешательства государства в «частноправовые отношения», в гражданские дела.*» Он выражал глубокую озабоченность, что в этой области молодому Советскому государству грозила опасность «*не доделать* (а не опасность «переделать»)... Именно перед Генуей не сфальшивить, не смалодушничать, не выпустить из своих рук ни малейшей возможности *расширить* вмешательство государства в «гражданские» отношения» [2, т. 44, с. 412].

Узнав о том, что Совнаркомом из проекта Гражданского кодекса было исключено право государства вмешиваться в частноправовые отношения, В. И. Ленин в феврале 1922 г. написал письмо в Политбюро ЦК РКП(б): «Обращаю внимание на то, что вчера в Совнаркоме совершенно изгадили, как мне сообщает тов. Горбунов, гражданский кодекс». Он потребовал создать комиссию и поручить ей представить в Политбюро проект изменений и дополнений. «Главной задачей комиссии признать: полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы. Не рабское подражание буржуазному гражданскому праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы» [2, т. 44, с. 401].

Ленинская линия на решительное вторжение государства в частнохозяйственные отношения, когда это касается интересов государства, определение четких и ясных пределов допустимости договора в условиях нэпа нашла свое полное выражение в Гражданском кодексе РСФСР (в частности в ст. 1, 4, 33 и др.), принятом IV сессией ВЦИК IX созыва в октябре 1922 г. Выступая на этой сессии, В. И. Ленин так охарактеризовал основное направление Гражданского кодекса: «...Мы и здесь старались соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляют собой злоупотребления нэпом, которые во всех государствах легальны и которые мы легализовать не хотим» [2, т. 45, с. 248].

Коренным вопросом для Коммунистической партии и Советской власти, неоднократно отмечал В. И. Ленин, является вопрос о земле, об устройстве жизни и быта огромного большинства населения страны — трудящегося крестьянства [2, т. 45, с. 247]. После победы над внутренней и внешней контрреволюцией, достигнутой советским народом на фронтах гражданской войны, особенно актуальными стали задачи восстановления сельского хозяйства страны. XI партийная конференция подчеркнула, что поднятие сельского хозяйства является задачей огромнейшего значения, и в основе работы в этой области должно быть: незыблемое сохранение национализации земли, упрочение крестьянского землепользования, создание всех условий для всестороннего развития крестьянского хозяйства, поддержка маломощных крестьянских хозяйств путем предоставления льгот, энергичное вовлечение сельской бедноты в сельскохозяйственную кооперацию как с целью хозяйственной взаимопомощи, так и для сплочения ее против возможного засилья кулацких элементов [3, с. 303].

Огромную роль в обеспечении дела восстановления и поднятия сельского хозяйства призван был сыграть Земельный кодекс РСФСР, созданию которого неослабное внимание уделял В. И. Ленин. До принятия этого кодекса советское земельное законодательство запрещало аренду в земледелии. Однако переход к нэпу, интересы возрождения сельского хозяйства и оказания помощи крестьянским хозяйствам требовали введения аренды надельной земли. В. И. Ленин в этой связи писал наркому юстиции РСФСР Д. И. Курскому: «Надо вникнуть в вопрос об *аренде и концессии* в земледелии.

Вникли недостаточно.

Принципиальное недопущение аренды имеет громадное значение. Кто обрабатывает, тот владеет.

Аренды быть не должно.

Но аренда *совхоза* или «необрабатываемой земли»?

Это надо выделить.

Это особый вид.

Кто обрабатывает, тот владеет и тут. Государство — собственник, арендатор совхоза обрабатывает. Это, собственно, не арендатор, и это не аренда в собственном смысле.

Это, скорее, — передача *управления*» [2, т. 53, с. 303—304]. Ленинские указания об аренде земли нашли отражение в Земельном кодексе РСФСР, принятом в октябре 1922 г. По этому кодексу, маломощные крестьянские хозяйства, временно ослабленные стихийными бедствиями либо недостатком рабочей силы (вследствие смерти, по случаю мобилизации и т. п.), имели право сдавать во временную аренду полностью или частично пользование своей надельной землей.

Земельный кодекс закрепил основные принципы земельных отношений, установленные ленинским Декретом о земле. В. И. Ленин в речи на IV сессии ВЦИК отметил значение принятия Земельного кодекса РСФСР: «В этом отношении, вы знаете, наши законы с первого же дня после знаменитого 25 октября 1917 года сразу, в отличие от всех и всяких законов, выступили с положением о земле, которое... все существенное, что для крестьянина абсолютно необходимо, что обеспечивало ему союз с рабочим, — дало. И начиная с этого времени, как ни трудно нам было прожить текущие пять лет в непрерывных войнах, мы своих забот о том, чтобы крестьянин получил наибольшее удовлетворение от земли, не оставляли» [2, т. 45, с. 247].

Непосредственное участие В. И. Ленин принимал и в разработке Уголовного кодекса РСФСР, который был призван служить в борьбе не только с преступностью, но и с подрывной деятельностью классовых врагов Советской власти. Уже в апреле 1921 г. в работе «О продовольственном налоге» он в связи с разрешением свободы торговли отмечал необходимость усилить борьбу со спекуляцией. «Надо пересмотреть и переработать

все законы о спекуляции, объявив наказуемым (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета» [2, т. 43, с. 237].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что революционная законность, обеспечивающая охрану прав и интересов трудящихся, защиту завоеваний рабочего класса и трудового крестьянства, достигнутых под руководством Коммунистической партии, должна быть орудием беспощадного подавления сопротивления эксплуататорских классов на основе советских уголовных законов. Он указал на необходимость в Уголовном кодексе «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы» [2, т. 45, с. 190]. В мае 1922 г. В. И. Ленин написал письмо Д. И. Курскому, в котором сформулировал понятие контрреволюционного преступления с учетом новых форм контрреволюционной деятельности врагов Советской власти. Он же определил ряд составов контрреволюционных преступлений. Ленинские формулировки и предложения вошли, в частности, в ст. 57, 58, 61 и 70 Уголовного кодекса РСФСР [2, т. 45, с. 190—191]. Кроме того, В. И. Ленин дополнил проект вводного закона к Уголовному кодексу, предложив расширить применение высшей меры наказания (с заменой высылкой за границу) за все виды контрреволюционной деятельности меньшевиков, эсеров и других антисоветских партий, а также «найти формулировку, ставящую эти деяния *в связь с международной буржуазией* и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)» [2, т. 45, с. 189].

Ленинские указания легли в основу Уголовного кодекса РСФСР, принятого III сессией ВЦИК IX созыва в мае 1922 г. В их числе было и положение о том, «что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым» [2, т. 4, с. 412]. Уголовный кодекс установил, что наказание является мерой оборонительной и поэтому должно быть целесообразным.

Этот кодекс явился действенным правовым средством Советского государства в борьбе с классовыми врагами трудящихся, за укрепление социалистической законности и правопорядка.

Принципиальные положения В. И. Ленина легли также в основу Уголовно-процессуального, Исправительно-трудового и других кодексов, которые все вместе обеспечили правовое регулирование и правовые гарантии, которые были необходимы для развития экономики и строительства социализма в нашей стране.

С гордостью отмечая демократизм и гуманность советского законодательства, В. И. Ленин указывал на необходимость привлечения каждого представителя трудящихся масс, каждого гражданина ставить «в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь» [2, с. 36, с. 157].

В. И. Ленин высоко ценил оперативность законодательства в Советском государстве, подчеркивал, что подобного «другие державы, к сожалению, не знают» [2, т. 45, с. 248]. Вместе с тем он был решительным противником поспешности в нормотворческой деятельности. «...Законодательствовать надо с тройной оглядкой. *Семь раз примеры!*» — требовал В. И. Ленин от Наркомюста [2, т. 54, с. 191].

Большое внимание В. И. Ленин обращал на форму, качество законов, ибо тщательно отшлифованный закон полнее выполняет поставленную перед ним задачу и позволяет с наибольшим успехом достигать цели. В письме Малому Совнаркому в августе 1921 г. он отмечал: «Препровождая резолюцию президиума Московского Совдепа, прошу и председателя и всех членов Малого Совнаркома, *особенно тов. Гойхбарга* как юриста, обратить сугубое внимание на необходимость *более осторожной, тщательной и обдуманной подготовки* текста декретов. Бесконечные поправки нетерпимы» [2, т. 53, с. 143].

Просмотрев один из сборников законодательных актов, В. И. Ленин писал Д. И. Курскому: «...Кто это так плохо издает?

Хаос. Даже заглавие неясно.

Сбор и мелочей — и прокламаций.

— Неумный человек или саботажник редактировал?» [2, т. 51, с. 258].

Принимаемые законы должны непрерывно совершенствоваться с учетом назревших потребностей общественного развития, учил В. И. Ленин. «И если тот закон, который теперь вами принят (речь идет о Земельном кодексе. — С. Ч.), тоже окажется в тех или иных отношениях заслуживающим поправок, мы без всякого затруднения эти дальнейшие поправки, дальнейшие улучшения будем принимать так же, как вы вот сию минуту принимали поправки и улучшения к нашему Уголовному кодексу» [2, т. 45, с. 247—248].

Таким образом, всей правотворческой деятельностью Советского государства в первые годы нэпа непосредственно руководил В. И. Ленин, принимая личное участие в написании или редактировании важнейших законов Советской власти.

Список литературы: 1. Маркс К. Проект закона о разводе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 161—164. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, 30, 32, 36, 37, 39, 43—45, 51, 53, 54. 3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1970. М., Политиздат, 1970, т. 2. 1917—

1924, 543 с. 4. История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти т. Т. 4. Кн. 1. М., Политиздат, 1970. 662 с. 5. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., Госюриздат, 1948. 196 с. 6. Сарабьянов В. Диктатура пролетариата, право и революционная законность. — Нар. хоз-во, 1921, № 8—9, с. 18—23. 7. Правда, 1922, 7 марта.

И. Н. Шерстюк, канд. экон. наук, Е. А. Гриценко

Харьковский юридический институт

СООТНОШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО В ХОЗЯЙСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В решениях XXV съезда КПСС подчеркнута необходимость более полной реализации всех преимуществ социализма. Одним из важнейших направлений рационального использования его возможностей и достижений является совершенствование хозяйственного механизма, определяющего функционирование и прогрессивное развитие социалистического общества на этапе зрелого социализма. Новые возможности дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма открывают постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г., решение октябрьского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС и проект «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», в которых поставлена задача и предусмотрена комплексная система мер по приведению планирования и хозяйствования в соответствие с требованиями развитого социализма [8].

Хозяйственный механизм, будучи многоплановой сложной категорией, требует теоретических исследований в области целого ряда смежных наук. В числе важных проблем еще мало изученными остаются вопросы соотношения экономического и правового в самом хозяйственном механизме, содержания тех элементов правовых отношений, которые включаются в механизм хозяйствования.

В. И. Ленин подчеркивал определяющее воздействие производственных отношений и выражающих те или иные их стороны экономических законов на функционирование хозяйственного механизма [2, т. 33, с. 50; т. 36, с. 7, 156]. В основе системы функционирования социалистической экономики находится объективный механизм действия экономических законов, представляющий собой способ осуществления и движения всей совокупности экономических причинно-следственных связей и отношений. Этот механизм определяет главные направления движения и развития всего общественного организма и в то же время — содержание и основные критерии социалистического хозяйствования. Вместе с тем неправомерно отождествление механизма действия экономических законов и хозяйственного

механизма, поскольку они выражают разные уровни функционирования хозяйственного организма.

Объективный механизм действия экономических законов в конкретных условиях по-разному проявляет свое действие. По отношению к самому закону его формы становятся, по словам К. Маркса, «более развитыми конкретными отношениями» [1, т. 26, ч. III, с. 85]. То, что формы проявления законов составляют более многообразную систему связей и зависимостей, объясняется тем, что они включают в себя такую совокупность внешних экономических явлений и отношений, в которых наряду с существенными прочными связями обнаруживаются также подвижные случайные отношения. Формы проявления экономических законов могут адекватно отражать и проявлять существенные связи, или выступать как превращенные формы, маскирующие и искажающие сущность производственных отношений, как это имеет место при капитализме. В ходе хозяйственной деятельности люди познают и используют прежде всего именно формы проявления законов и только через них воздействуют на сущностный механизм их действия. Вот почему в исследовании способа функционирования хозяйственного механизма нельзя абстрагироваться от анализа реальных конкретных форм экономических законов.

Превращение механизма действия экономических законов в механизм их использования осуществляется через познание форм проявления законов и практическую деятельность людей. От того, насколько полно познаны объективные формы экономических законов, зависит как познание самого их действия, так и возможность его использования в интересах всего общества.

Экономические законы социализма реализуются в сознательной целенаправленной хозяйственной деятельности субъектов. Поэтому создается иллюзия полного совпадения механизма действия и механизма использования экономических законов. Следует отметить, что методологической основой их разграничения служит раскрытие соотношения между объективным и субъективным факторами в сфере экономических процессов. Механизм действия представляет собой объективный, не зависящий от воли и сознания людей процесс. Но только посредством хозяйственной практики происходит реализация объективного механизма действия законов в соответствии с интересами участников экономических отношений. Хозяйственная деятельность людей обязательно включает их сознание, волю, желания и стремления, поэтому в механизм использования законов наряду с объективным характером его осуществления обязательно входит и субъективный момент. Связующими звеньями между объективной обусловленностью механизма использования законов и субъективной стороной, выраженной

в познании и характере практических действий, выступают экономические потребности и интересы, которые, по словам В. И. Ленина, «двигают жизнью народов» [2, т. 29, с. 82]. Для этапа развитого социализма характерно усиление роли субъективного фактора, проявляющееся в возрастании сознательной планомерной деятельности социалистического государства в сфере экономических отношений.

Использование экономических законов представляет собой сознательное действие хозяйствующего субъекта, его активное воздействие, направленное на преобразование реально существующих форм проявления экономических законов с целью реализации общественных потребностей и интересов. Механизм использования экономических законов полностью не совпадает с механизмом хозяйствования. Каждый из них обладает специфическими чертами, характеристиками. Хотя они взаимосвязаны друг с другом, тем не менее хозяйственный механизм выражает лишь особый способ использования экономических законов, а именно посредством сознательно вырабатываемых конкретных хозяйственно-организационных форм и методов.

Наряду с ними можно выделить целый ряд таких неосознанных форм, которые выключены из планомерно организованного процесса воздействия.

Хозяйственный механизм необходимо рассматривать прежде всего как систему организационно-хозяйственных методов. В. И. Ленин говорил, что «организация учета; контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи» [2, т. 36, с. 7].

Хозяйственный механизм в общей системе хозяйственного организма общества выступает как объективная подсистема конкретных форм производственных отношений. Хотя хозяйственный механизм вырастает из последних, тем не менее он не охватывает всю их совокупность, а включает в себя лишь объективные вторичные формы производственных отношений, например экономические методы хозяйствования, которые ближе всего расположены к надстроечным отношениям. Это означает, что сам хозяйственный механизм, находясь на стыке базисных и надстроечных отношений, соединяет элементы и тех, и других [3, с. 35]. Именно через механизм хозяйствования происходит обратный процесс воздействия надстройки на экономической базис.

Являясь по своей природе объективным, хозяйственный механизм тем не менее представляет собой действия людей, наделенных волей, сознанием. В силу этого объективные возможности, заложенные в хозяйственном механизме, осуществляются

через субъективную деятельность людей, а именно через экономическую политику и право. Поэтому в определенном аспекте можно рассматривать хозяйственный механизм как взаимообусловленную систему экономико-правовых методов и инструментов, направленных на реализацию объективных целей в ходе хозяйственной деятельности.

Исследование диалектики экономических и правовых отношений основывается на важнейших марксистско-ленинских методологических принципах. Общеизвестны положения классиков о том, что юридическое отношение является лишь волевым проявлением, отражением экономического отношения [1, т. 23, с. 94]. Как политическое, так и гражданское законодательство, по словам К. Маркса, всего лишь выражает, протоколирует требование экономических отношений [1, т. 4, с. 112]. Но в то же время классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на то, что право, содержание которого определяется производственными отношениями, обладает относительной самостоятельностью, являясь качественно своеобразным социальным явлением, имеющим свои собственные закономерности [1, т. 37, с. 417—418; т. 39, с. 82—84].

Раскрыть ряд характерных черт соотношения экономического и правового в хозяйственном механизме позволяет системный подход, в частности такие его категории, как целевая функция, системообразующие связи и др. [6; 7].

Определяющим моментом взаимосвязи экономического и правового является то, что правовые отношения — одна из форм функционирования хозяйственного механизма. В данном случае экономические формы становятся содержанием правовых отношений. Соотношение экономического и правового в хозяйственном механизме противоречиво. Возникновение противоречия между экономическим содержанием и правовой формой в хозяйственном механизме обусловлено фиксированностью последней и, следовательно, ее отставанием от развивающегося содержания [5, с. 45]. Противоречия между интересами хозяйствующих субъектов и их правовым положением свидетельствуют, с одной стороны, о появлении новых явлений в самой сфере экономических отношений, а с другой — о необходимости их отражения в тех или иных формах правоотношений. Но тем не менее это не приводит к разрушению или уничтожению всей системы экономико-правовых форм хозяйственного механизма, поскольку она обладает свойством самосохранения. Для хозяйственного механизма развитого социализма характерна динамичность функционирования экономических процессов, которые требуют столь же динамичных правоотношений. Динамичность экономико-правовых форм хозяйственного механизма является одним из важнейших его свойств, которое обуславливает жизнедеятельность механизма хозяйствования в целом, его жизнеспособность, а следовательно, самосохранение

системы как органической целостности. Такая система способна противостоять всем тем влияниям, которые могут нарушить ее функционирование, потому что в ее собственном механизме движения вырабатываются необходимые формы противодействия. Функции самосохранения подчинено действие всех подсистем хозяйственного механизма. Целесообразно выделить следующие основные подсистемы: стимулирования, планирования, управления, правового обеспечения. Как и во всякой системе, в хозяйственном механизме подсистемы не являются однозначно определенными и между ними не существует жестких разграничительных линий. Наряду с подсистемами, которые можно определить как сложные элементы, в механизме хозяйствования существуют также простые элементы, которыми являются заработная плата, цена, прибыль, фонды и др., имеющие экономическое содержание; акты, нормы и их виды, выражающие правовые отношения; системообразующие связи как внутри экономических и правовых отношений в отдельности, так и отражающие взаимосвязи тех и других.

Хотя каждая подсистема и простые элементы обладают своим собственным направлением движения и специфической целью, тем не менее в интегративной системе, которой как раз и является хозяйственный механизм, не происходит «расползание» ее элементов, поскольку цель отдельной подсистемы и всех ее элементов может быть реализована лишь в пределах, которые соответствуют целевой функции — ее самосохранению и саморегуляции.

Самосохранение системы хозяйственного механизма не означает ее неизменности, напротив, оно состоит в ее развитии, в переходе к новым степеням сложности, т. е. усложнении. То, что хозяйственный механизм выступает как подсистема более сложной органической системы (хозяйственный организм в целом), означает, что законы ее функционирования подчинены общим закономерностям движения более сложной системы. Единство системы обусловлено наличием системообразующих связей, которые складываются как внутри каждой подсистемы, так и между ними. Особенностью системообразующих связей подсистемы правового обеспечения является то, что они обладают регулятивными и охранительными механизмами. Основные методы, посредством которых реализуются функции правового обеспечения в хозяйственном механизме, заключаются в регламентации новых хозяйственно-организационных форм и процессов, а также в устранении «правового вакуума», в регулировании тех или иных подсистем и их взаимодействий.

Подсистема правового обеспечения выполняет значительную роль в приспособлении хозяйственного механизма к изменяющимся объективным экономическим условиям, что, однако, не отрицает выполнения этой роли и другими подсистемами.

Факторы, способные изменить систему механизма хозяйствования, возникают как извне, со стороны более сложной системы, которой является хозяйственный организм, или отдельных ее элементов, так и изнутри, со стороны собственных элементов самой системы, например в результате противоречия между правовыми и экономическими отношениями. Это вынуждает систему хозяйствования обладать свойством адаптации к изменяющимся условиям. Эта способность реализуется с помощью модификации системы и разрешения имеющихся противоречий. И тот и другой процесс осуществляется посредством так называемых сохраняющих реакций, которые являются атрибутивным свойством органической системы, в том числе и механизма хозяйствования. Сохраняющие реакции всегда специфичны для каждой системы и обеспечивают единство цели ее движения и соответствующих ей средств. Хозяйственный механизм как совокупность взаимосвязанных экономических и правовых форм и методов направлен на реализацию объективно возникающих общественных интересов и потребностей людей. Этому подчинены специфические цели отдельных подсистем и элементов. Именно сохраняющие реакции упорядочивают цели каждой подсистемы и их элементов и подчиняют их единому направлению движения и развития.

Функцию сохраняющих реакций могут выполнять системообразующие связи, которые возникают между всеми подсистемами хозяйственного механизма. Особенность сохраняющих реакций правового обеспечения заключается в том, что для каждой экономической подсистемы складывается особый специфический режим регулирования, т. е. имеется свой механизм юридического воздействия, особый «набор» правовых инструментов. В хозяйственном механизме, таким образом, происходит взаимопереплетение различных отраслей права — гражданского, административного, трудового и др. Однако единство экономических подсистем хозяйственного механизма, обусловленное единством системы производственных отношений, требует единого метода правового регулирования, основанного на общности правовых принципов, обеспечивающих комплексное, внутренне согласованное воздействие на систему хозяйственных форм. Только как органическое целое правовое обеспечение предстает действенным, стабильным и в то же время динамичным организмом, обладающим значительными регулятивными и охранительными возможностями и способным оказывать глубокое и многостороннее влияние на экономические отношения хозяйственного механизма.

Закономерностями правового обеспечения хозяйственного механизма в новых условиях развития являются комплексное и всестороннее воздействие правовых элементов на экономические отношения, своевременное устранение возникающих диспропорций в развитии правоотношений. Это требует системности

и планомерности в процессе правотворчества, упорядочения последовательности издаваемых нормативных актов, документов. В юридической практике встречаются факты «наложения» отдельных правовых актов.

Существенной закономерностью является также более полное соответствие правовых форм возникающим экономическим потребностям. Причем появление новых правовых форм хозяйственного механизма должно не пассивно следовать за новыми экономическими отношениями, а стремиться к их опережению. Отставание с обновлением системы правовых актов, а также с введением новых правовых норм приводит к тому, что вновь возникающие экономические формы не имеют своей собственной правовой регламентации. В частности это имеет место по отношению к практике программно-целевого управления. Комплексные программы содержат взаимосвязанную систему мероприятий, обеспеченную ресурсами и нацеленную на достижение конкретного конечного народнохозяйственного результата, что требует создания такой организационной системы, которая обеспечила бы перераспределение прав и ответственности всех связанных с их выполнением участников процесса. Но в действующих нормативных актах, положениях и т. д. особенности организации и управления программно-целевыми задачами еще не отражены. Все это значительно снижает эффект функционирования правовой подсистемы в хозяйственном механизме и тормозит экономическое развитие.

Изложенное ставит важную задачу перед правоведами в области разработки таких принципов законодательства, которые бы определили содержание не только действующих, но и в значительной степени будущих норм [4, с. 51]. Это, несомненно, повысит адаптационное свойство правового механизма в динамично изменяющихся экономических условиях, а также степень использования всех его возможностей.

Таким образом, соотношение экономического и правового в хозяйственном механизме нельзя рассматривать как механическую совокупность тех и других отношений. Оно представляет собой существенную определенность хозяйственного механизма, без которого он не может существовать как органическая целостность. Успешное функционирование механизма хозяйствования возможно лишь путем совершенствования взаимосвязи экономических и правовых форм при условии полной реализации внутренних закономерностей как собственно экономических, так и правовых отношений.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, 23, 26, ч. III, 37, 39. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, 33, 36. 3. Абалкин Л. Сущность, структура и актуальные проблемы совершенствования хозяйственного механизма. — Экон. науки, 1978, № 8, с. 33—44. 4. Поленина С. В., Колдаева Н. П. О долгосрочном планировании развития законодательства. — Сов. государство и право, 1979, № 6, с. 51—67. 5. Черняк В. Управление развитием экономических отношений. — Экон. науки, 1978, № 9, с. 37—48. 6. Системные исследования, Ежегодник, 1969 г. 7. Системные исследования. Ежегодник, 1972 г. 8. Экон. газета, 1979, № 32.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Вопрос о соотношении и взаимодействии права и морали занимает важное место в истории общественно-политической мысли. Уже в глубокой древности эта проблема привлекала к себе внимание мыслителей, ставивших и решавших ее в соответствии с идеологическими запросами времени и интересами представленных ими общественных сил. Так, социально-политическая мысль античности вне зависимости от специфики школ и направлений, как правило, характеризуется слиянием моральных и правовых представлений, проистекающим из полисной системы, соединявшей воедино государство и общество, горожанина и гражданина. Господствующим было убеждение, что нравственная деятельность выделяет человека из мира животных, что уровень нравственного развития есть причина раскола людей на классы (особенно на свободных и рабов), что способность к осуществлению нравственного идеала должна быть критерием классификации государств и форм правления. Как нравственность, так и право в античности отличались суровостью. Достаточно вспомнить «морально оправданное» право главы семьи распоряжаться жизнью и смертью детей или долговое обязательство под гарантию личной свободы (*nexum*).

Взаимодействие и взаимопроникновение моральных и правовых норм было столь глубоким, что юридическое оформление получали прежде всего этические ценности. В понимании законодателя той эпохи законом должны были быть прежде всего справедливость, добро, истина. В свою очередь основные проблемы этики рассматривались под углом зрения права. Известная формула (*juris praescripta*) корифея римской юриспруденции Ульпиана: честно жить, не вредить другому, воздавать каждому свое, — по существу определяла содержание главных этических добродетелей. Например, одна из центральных проблем античной этики: имеют ли нравственные нормы общеобязательный характер или они относительны, существуют ли они от природы или представляют собой человеческие установления, — также решалась с правовых позиций. В максимально кратком и, следовательно, упрощенном виде проблема может быть сформулирована так: вне зависимости от того, считал ли Аристотель нравственные понятия относительными, установленными людьми или они рассматривались безусловными, «данными от века» (Сократ, Платон), во всех случаях подразумевалось их императивное общественное значение. Наконец, кардинальная этическая проблема: в чем счастье жизни, каковы пути его достижения, — решалась не в последнюю очередь с помощью

правового регулирования, государственного механизма, политических средств. Государство возникает, по Аристотелю, ради блаженной и добродетельной жизни его граждан. «Идеальное» государство-воспитатель, где правят мудрецы, создавало, по мнению Платона, наилучшие условия для счастья. Предпосылкой счастливого существования индивида в обществе Демокрит считал гражданскую свободу, возможную лишь при демократическом строе. Сократ принял яд, считая нравственно неприемлемой возможность избежать закон. Гераклит также полагал непреложным требованием морали соблюдать закон: «Народ должен сражаться за закон, как за свои стены» [10, с. 45].

Идентичность права и морали отражали существовавшие правовые системы, в которых нормы положительного права, принятые и одобренные государственной властью, согласовывались с требованиями естественного права — нравственной природой человеческого общежития. Так, римское право, несмотря на отмеченный Р. Иерингом переход из субъективной сферы «души и чувства» в область «рассчитывающего разума» [9, с. 281] и детальную разработку всей системы, основывалось на праве естественном (*jus naturale*). Именно естественное право регулировало основные институты этого общества: рабство, рабовладельческую собственность, политику войн с варварами для захвата новых рабов. Тот факт, что одна из главных нравственных категорий — справедливость рассматривалась древнеримским правосознанием и юридической практикой как сугубо правовая категория, виден не только из социально-экономического и политико-правового анализа, но и из лексических данных: на латыни справедливость и правосудие были синонимами.

На Востоке также не отличали морали от права. В юридическом памятнике «Законы Ману», дошедшем до нас в редакции, относящейся ко II в. н. э., правовые предписания, санкционирующие индийскую кастовую систему, перемешаны с нормами нравственности. Конфуцианство — официальная идеология императорского Китая — в течение тысячелетий рассматривало этику как часть политической науки, которая помогает понять «предписания неба», как управлять людьми. У мусульманских народов обычное право (адат), основанное на вековых правилах религиозной морали, широко распространено и действует наряду с писаным правом (шириат).

Сменивший рабовладельческий строй феодализм привнес существенную новизну в экономико-производственную сферу, положение угнетенного, эксплуатируемого класса (рабы уступили место крепостным), переиначил весь комплекс социально-политических и государственно-правовых отношений. Однако при всей радикальности указанных изменений феодализм в принципе не изменил античных представлений о взаимоотношениях права и нравственности (как, впрочем, он не изменил и принципиального взгляда на частную собственность), средневековые

лишь окружило ореолом святости эти представления. Характеризуя общественное сознание средних веков, Ф. Энгельс подчеркивал «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности» [1, т. 8, с. 360]. Политическая наука, право, этика, как и другие области человеческого знания, были простыми отраслями теологии.

Вопросы сугубо практической жизни, решение конкретных дел, разработка действующего законодательства — все шло под знаком господства религии. «Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона» [1, т. 7, с. 360]. Вне церкви не существовало правопорядка, гражданин превратился в прихожанина, правомерность стала синонимом праведности. Только с образованием широкого сословия юристов, обслуживавших развивавшиеся буржуазные экономические отношения — торговые, финансовые, производственные, — право постепенно приобретает известную автономию, но еще долгое время юриспруденция оставалась под опекой богословия. Интересно, что совпадение норм морали (в данном случае церковной) и норм права было не только фактическим, но и формальным, структурным: и те и другие имели общую санкцию. Сама церковь выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» [1, т. 7, с. 361].

Процесс сакрализации права и нравственности начался еще в глубокой древности. В. Вундт пишет, что «обычай, право и религиозный культ первоначально слиты самым тесным образом. Почти везде поэтому законодательство и охранение нравственности составляют функции духовенства...» [7, с. 110]. Античная идеология, сливаясь с религиозным мировоззрением, полагала нравственным и правомерным все, что было угодно богам. Еще Р. Иеринг отмечал, что в Риме наиболее тяжкие преступления были преступлениями против веры, дача клятвы (*juramentum*) означала «обязываться», «основывать право», смертная казнь (*supplicium*) этимологически восходит к *supplicare* — «умилостивить, смягчить богов» [9, с. 259].

Эта линия чрезвычайно усилилась в средние века. Один из крупнейших церковных теоретиков Блаженный Августин использовал церковную мораль, «божественные установления» для обоснования частной собственности, имущественного неравенства, социального угнетения, политического бесправия. По Августину, *justitia* — это «правда божья». Справедливость и право, формально включившиеся в это понятие, фактически сводились на нет из-за отсутствия человеческой свободы и выбора. Свобода воли как злое, греховное начало «Града земного» было заменено противоположным принципом божественной благодати «Града божьего». Фома Аквинский — другой виднейший католический мыслитель — во главу обширной классификации законов ставил «вечные законы божественного разума,

управляющего миром», а «человеческий» (положительный) закон, т. е. действовавшее феодальное право, рассматривал как выражение требований закона естественного, т. е. совокупности нравственных правил общежития.

Указанное положение, при котором право было «растворено» в нравственности или подчинено ей, радикально изменяется только в результате революционного вклада науки Нового времени. Из целой плеяды выдающихся мыслителей той эпохи Никколо Макиавелли внес, пожалуй, наиболее значительный вклад, так как именно «начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и других мыслителей Нового времени... сила начинает изображаться как основа права» [1, т. 3, с. 314]. Макиавелли отделил право от нравственности, государство от общества и тем самым сделал возможным разработку кардинальных принципов буржуазной правовой науки и одной из ее важнейших отраслей — государственного права.

Разработки Макиавелли легли в основание сугубо светского направления буржуазной идеологии, получившего наименование «юридического мировоззрения». «Экономические и общественные отношения, которые ранее, будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством» [1, т. 21, с. 496]. Теоретики капиталистического строя начали с противопоставления права и нравственности. Молодая буржуазия стремилась развязать себе руки и вывести новый экономический быт из-под опеки феодального государства. Во Франции XVIII в. недовольство прогрессивных сил вылилось в весьма острую критику абсолютистской политической системы, в доказательство ее неразумности и безнравственности. Существовавшие государство и право представляли перед судом разума, судящего с позиций вечной и абсолютной в своих источниках и требованиях морали. «Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам, — характеризовал эту эпоху Ф. Энгельс. — ... Отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека» [1, т. 20, с. 17]. Французские просветители, выдававшие интересы поднимающейся буржуазии за интересы всего общества в его настоящем и будущем, предложили решение проблемы «мораль — право» в духе, признанном удовлетворить социальные потребности своего класса.

Однако, как только право перестало нуждаться в критике со стороны утвердившего свою власть класса, начинается сближение права с нравственностью. Именно так ставил вопрос Фихте в своей «Системе правоведения». Шопенгауэр считал право частью нравственности, ее внешней сферой. Гегель начинает этическое учение с анализа абстрактного права; мораль,

право и нравственность составляют у него ступени развития единого «объективного духа», «снятое частное право равняется морали» [2, с. 635]. Русские юристы Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев считали, что нравственный идеал должен определять собой развитие права. В 70-х годах XIX в. известное распространение получили теории этического минимума (Еллинек, В. Соловьев, Н. Коркунов), согласно которым право выступало «низшим пределом нравственности», «наименьшим проявлением, требуемым от каждого члена общества».

Интересная попытка проанализировать с позиций исторического материализма причину теоретической переориентации буржуазных мыслителей была предпринята еще в начале XX в. харьковским юристом Д. Дембским [8, с. 51—60]. Он писал, что по мере превращения «класса в себе» в «класс для себя» в его среде рождаются более высокие нравственные представления. Новые этические критерии постоянно «размывают» мораль класса-антагониста, ее сфера уменьшается вплоть до границ господствующего класса, где она выступает как внутриклассовый социальный регулятор, как отношения межличностные. Если внутри господствующего класса нет необходимости к принуждению норм права, то вне его принуждение необходимо. Правотворящий класс делает правом то, что позволяет его нравственная платформа, но подчиненный класс принуждается к действию нравственно отрицаемому, уступая насилию, обремененному в букву закона: «Нравственные нормы господствующего класса адресуются принудительно всем под именем права» [8, с. 58].

Следует согласиться с автором, что нравственность — могучее средство социального обновления. «Для того чтобы развить свою революционную энергию ... объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем...» [1, т. 7, с. 378]. Моральный протест стимулирует борьбу трудящихся масс, он показывает, что данные общественные отношения изжили себя. К. Маркс писал, что «стыд, испытываемый целой нацией, — это уже своего рода революция...» [1, т. 1, с. 371]. Детерминированные исторической необходимостью моральные взгляды, представления и суждения людей, сформировавшись, способствуют утверждению нового, более прогрессивного социально-экономического строя. Критическая настроенность морали, ее устремленность в будущее — отличительная черта марксистской этической теории. Ф. Энгельс выступал за «мораль, которая в настоящем выступает за его ниспровержение, которая в настоящем представляет интересы будущего...» [1, т. 20, с. 94—95]. В. И. Ленин, определяя роль нравственности в обществе, писал: «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда» [3, т. 41, с. 313]. Вместе с тем выделение строгой

цикличности замены права моралью, абсолютизация и некритическое применение конструкции к разным эпохам не дают адекватного результата. При всех достоинствах решение, указанное Д. Дембским, а затем Т. Гурвичем и другими юристами, страдает известным схематизмом, оно «не работает» в условиях рабовладельческого общества уже потому, что раб стоял вне правового общения. Но, будучи изъятым из-под юрисдикции рабовладельческого права, невольник оставался объектом нравственного регулирования. Подобно тому, как в экономическом отношении раб, по словам К. Маркса, «не продавался, а был продан раз и навсегда», так и в духовном отношении он был «навсегда» интегрирован в господствующую систему ценностей. Воздействие преобладавшей морали было столь мощным, что выступавшие самостоятельно рабы считали естественным предоставлять свободу лишь тем, кто примыкал к восстанию. У идеологов восставших не было ясной перспективы ликвидации рабства как главного этико-правового принципа тогдашнего общества, поэтому рабы «всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» [3, т. 39, с. 82].

Слитность нравственно-правового фронта в рабовладельческую эпоху есть отголосок единства первобытно-общинной архаики, характерным проявлением которой была, например, синкретичность талиона. Но отличие рабовладения от родового строя — в степени слитности морали и права. Оно не так прочно, ведь донаучное мифологическое мышление не знало различия не только права и нравственности, но и между природным и социальным, естественным и сверхъестественным, моральным и материальным. Из нерасчлененного общественного сознания родовой эпохи нравственность и право, качественно обособленные, вышли вместе при появлении частной собственности и классовых антагонизмов. Эта качественная обособленность морали вытекает, как указывал Ф. Энгельс, «в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен» [1, т. 20, с. 95]. Предложенная схема нуждается в известной корректировке и в применении ее к средним векам, ибо нравственные требования трудящихся масс высказывались в форме религиозных ересей, по существу представляя собой идеи первоначального христианства. Бунты крепостных против помещиков, характерные для эпохи развитого и угасающего феодализма, санкционировались моральным сознанием, ссылками на библейские сказания об Адаме и Еве.

В капиталистическом обществе реальная картина социально-политических и этических отношений весьма сложна. Достаточно упомянуть о двух направлениях в культуре, идеологии, выделенных В. И. Лениным, или трех нравственных системах: христианско-феодальной, буржуазной и пролетарской, отмеченных Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге». Абсолютизированная

схема последовательной смены морали и права слабо согласуется с тем фактом, что на империалистическом этапе сама буржуазия пытается «избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности» [3, т. 20, с. 16], а демократические силы борются за ее использование.

По сравнению с эксплуататорскими типами государства социализм создает объективные основы для действительного единства нравственности и права, — ведь он ликвидирует разрыв между правосознанием законодателя и его моралью, с одной стороны, и моралью широких народных масс — с другой. Принципы социалистического права совпадают с требованиями социальной справедливости и передовой морали, выработанными народными массами в тысячелетней борьбе против угнетения [4, с. 119]. Социалистическое право в отличие от предыдущих исторических типов права обеспечивается высоким моральным авторитетом его норм, разделяемым большинством населения, крепнущим единством интересов гражданина и государства, личности и общества.

В условиях развитого социализма происходит усиление нравственных начал в жизни общества, что обуславливает углубление взаимосвязей морали и права. Уважение к праву, закону все больше становится личным убеждением каждого [6, с. 284]. В общенародном государстве содержанием права стала воля всего народа, отсюда — всемерное расширение демократических начал в правотворчестве и правоприменении, насыщение права нравственным содержанием и наряду с этим усиление нормативности моральных правил. «Чем выше поднимается в своем развитии наше общество, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности [5, с. 78].

Очевидно, что взаимодействие морали и права в социалистическом обществе представляет собой широкую общественно-политическую проблему, правильное решение которой имеет важное значение для укрепления социалистической законности, совершенствования всей нормативной системы зрелого социализма, для дальнейшего развития социалистической демократии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, 3, 7, 20, 21. 2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, 39, 41. 4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1974. 144 с. 5. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 6. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М., Политиздат, 1972. 535 с. 7. Вундт В. Этика. Исследование фактов и законов нравственной жизни. СПб, 1887. 8. Дембский Д. Право и нравственность с точки зрения исторического материализма. Харьков, 1909. 9. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб, 1875. 10. Материалы Древней Греции. М., Госполитиздат, 1955.

О ПОНЯТИИ ПРИНЦИПОВ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Особенность Конституции СССР 1977 г. состоит в том, что в ее нормах последовательно воплощены требования всей системы общих принципов социалистического строя. Закрепляются также иные группы действующих в правовой жизни развитого социализма принципов. Это обуславливает возрастание актуальности ряда проблем теории принципов, получающих выражение в праве, в частности вопроса об их понятии. Отсутствие четкого и стабильного понятия принципа часто приводит к его растворению в других явлениях и категориях, таких как «идея», «норма», «закономерность», «свойство» и т. д.¹ Значение формулирования понятия «принцип» состоит в том, что оно способствовало бы последовательному осуществлению социалистической законности как в процессе правового закрепления принципов (применительно к формам и способам их воплощения в правовые предписания), так и в ходе реализации вытекающих из закономерностей общественного развития требований, предъявляемых различными по уровню и значению для права принципами.

Для характеристики юридически значимых аспектов понятия «принцип» необходимо выяснить, является он объективным фактором развития соответствующих явлений либо это феномен чисто субъективного порядка. Исходить здесь следует из того, что «...не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [1, с. 34]. Истинность, действительность принципа, следовательно, заключается в его соответствии закономерностям развития реальных явлений и отношений. Раскрывая закономерности развития последних, принципы, объективно заложенные в них, характеризуют природу, вытекают из самой сущности этих явлений, в том числе и правовых. Вот почему отступление от принципов, присущих, например, всему социалистическому строю, чревато перерождением сущности социалистического государства и права. Ярким примером этому служат события, связанные с противоречивым развитием современного Китая.

Применительно к праву С. С. Алексеев правильно отмечает, что принципы существуют объективно, они как бы «растворены» в праве, независимо от того, сформулированы ли они в научном

¹ Впервые вопрос о соотношении принципа со смежными категориями и явлениями в целях обозначения его специфики был поставлен М. В. Цвигом [16, с. 130—136].

понятии [4, с. 151]. Свидетельством этому служит продолжающийся, в том числе и в юридической науке, процесс «открытия» новых принципов, которые и ранее были свойственны правовой материи, но для формулирования которых потребовались специальные научные исследования. Это дает повод не согласиться с широко распространенным в юридической литературе, но недостаточно, по нашему мнению, убедительным определением принципов как «научных идей», «руководящих идей» [14, с. 20]. Но идея — продукт творческой активности субъекта, идея — категория общественного, а в праве — правового сознания, и поэтому в её содержании превалирующее значение имеют элементы субъективного порядка. Идея может правильно отражать сущность исследуемых явлений, процессов, но все-таки это идеализированное отражение. Едва ли в связи с этим до конца точным (особенно это важно для правовой науки) в качестве родового признака определения понятия «принцип» (последний объективен по содержанию, воплощен уже в общественных явлениях и отношениях, т. е. проверен практикой) будет считать идею, хотя бы и руководящую.

Вместе с тем между идеями и принципами в общественной жизни нет непроходимых граней. Общие принципы социалистического строя, например, в качестве непосредственного идейного источника имеют воплощенные в теории научного коммунизма марксистско-ленинские идеи. Идея союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, идея демократического централизма и др. возникли еще в недрах капитализма на базе предпосылок формирования новых социалистических отношений. По мере все более позитивного воздействия на ход исторического развития эти идеи воплощаются в общественные отношения, получая при этом свое первоначальное формулирование в качестве принципов в документах коммунистических и рабочих партий. Создание на базе последовательного осуществления социалистических принципов политической системы социалистического общества обуславливает правовое закрепление требований данных принципов и связанное с этим их особо активное воздействие на общественные отношения. Принципы, следовательно, несут немалую идеологическую нагрузку. Однако указанное обстоятельство едва ли может служить поводом для их определения как абстрактных идей (хотя бы и основополагающих), в том числе в правовой науке. Принципы в праве, по нашему мнению, следует рассматривать конкретизированно, в связи с теми сферами общественных отношений, в которых воплощаются их требования, закономерно вытекающие из природы соответствующих явлений. Определяющее значение требований общих принципов социалистического строя для права в частности заключается в том, что каждая его норма отражает действие соответствующего принципа, создает его конкретную модель. Идеи в праве, таким образом, специфичны для

правосознания, выражают отношение к действующему и желаемому праву; принципы объективно заложены в праве и, вытекающая из сущности всего социалистического строя, определяют направленность правового регулирования в социалистическом обществе, его содержание.

Выводы, связанные с доказательством объективной природы принципов в плане обоснования недостаточной характеристики последних как идей, значимы в том отношении, что позволяют избежать их произвольного формулирования, направлены против «изобретения», «выдумывания» принципов, объективно не вытекающих из исследуемого явления. Необходимо в этой связи отметить недостаточную четкость определения принципов как «основных начал» [18, с. 30]. Чрезмерная общность такой характеристики в праве (исходя из семантического значения термина) обуславливает такое положение вещей, когда возводится в ранг принципа любая общая норма, в том числе нормы, содержащие понятия, презумпции и т. д. [18, с. 39—41, 186—187]. Поэтому особо важным в юридическом исследовании представляется разрешение дискуссионного в литературе вопроса о соотношении принципа и нормы. Не совсем точным, по нашему мнению, является фактическое отождествление принципов и норм общего характера, проводимое как в отдельных философских [11, с. 54], так и в юридических источниках [10, с. 145].

Принципы — это не нормы, хотя в ряде случаев в праве можно видеть их более или менее полное воплощение в отдельно взятых нормах. Само существование системы действующих в праве принципов (общих принципов социалистического строя, принципов правового регулирования, специфических принципов права, его отраслей и институтов) обусловлено специфическим характером проявления наиболее общих закономерностей развития социализма применительно к правовой жизни общества. Непосредственно отражающие эти закономерности требования общих принципов социалистического строя трансформируются в нижестоящие по уровню принципы, а также нормы, наполняя сферу правового регулирования социалистическим содержанием. Подобным образом дело обстоит и в других сферах, например, нравственного регулирования. Отсюда вытекает повод говорить лишь о взаимодействии принципов и норм. Последние (наряду с программами, целями, идеями, правосознанием) необходимо рассматривать как одну из форм воздействия принципов на общественные отношения. Содержание принципа поэтому не может исчерпать отдельно взятая норма права. На недопустимость сведения принципа к норме права указывает В. П. Грибанов: «Отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще» [7, с. 12].

Вместе с тем, не относясь ни к одному из известных видов социальных норм, принцип тем не менее представляет собой

нормативную категорию. При рассмотрении характера нормативности принципов следует исходить из того, что последний относится к наиболее общим социальным ориентирам, определяющим «направление общественного поведения» [11, с. 132]. Отсюда специфика нормативности принципов по сравнению с нормативностью правовых норм, характеризующихся указанием не только общего поведения, но и созданием его конкретной модели, установлением определенных прав и обязанностей, заключается: в особой непререкаемости принципов, составляющих основу всей правовой системы, недопустимости отступления от них даже в порядке изъятия; в наивысшей стабильности принципов, неизменных в своей основе для социалистического строя на весь период его существования; в возможности принципов определять общую линию поведения как непосредственно, так и через нормы права.

Особый характер нормативности принципов как социального ориентира показывает недостаточную убедительность позиции ученых-юристов, объявляющих в отдельных случаях нормы права принципами. К числу отраслевых принципов советского трудового права, в частности, относят обязанность администрации государственных предприятий содействовать развитию социалистического соревнования и коммунистического отношения к труду, что по существу является воспроизведением ст. 230 КЗоТ РСФСР [12, с. 74]. Принцип, как уже отмечалось, несводим к норме права. Формулирование специфического принципа отрасли права связано с обнаружением закономерных взаимосвязей между всем строем социалистических общественных отношений и системой урегулированных правом трудовых (в нашем примере) отношений. Причем закономерными они являются в силу того, что без таких взаимосвязей существование единого комплекса норм права (данной отрасли социалистического права) представляется немыслимым. Едва ли сформулированное в ст. 230 КЗоТ РСФСР положение определяет само существование отрасли советского трудового права.

Важным для определения специфики принципов в соотношении с категориями и законами, в том числе в праве, является доказательство их гносеологической природы. Характеризуя гносеологический аспект принципа, Ф. Энгельс подчеркивал: «...принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат...» [1, с. 34]. Ленинская характеристика процесса познания [2, с. 163—164], а также рассмотрение категорий, законов, принципов как этапов процесса познания в философской литературе [9, с. 83—84; 8, с. 20] дают основание для вывода о том, что принципы шире категорий и законов, относящихся к соответствующему явлению, по предмету отражения.

Обоснование гносеологической природы принципов свидетельствуют о неприемлемости позиции тех философов и юристов,

которые сужают принцип по содержанию и сводят эту научную абстракцию к свойству, качественной особенности, черте [15, с. 134; 6, с. 49]. Последние, как известно, характеризуют лишь отдельные, хотя порой и существенные стороны явлений и процессов. Определяя таким образом принципы (в том числе в праве), авторы акцентируют внимание лишь на внешней, онтологической стороне проявления принципов, упуская их наиболее важный гносеологический аспект.

Вывод о гносеологической природе принципов определяет методологически правильный подход к решению вопроса об их отграничении от законов, закономерностей, поскольку в юридической литературе они иногда отождествляются [5, с. 48]. Это возможно только с учетом роли и значения данных категорий для процесса познания. Завершающий весь процесс познания принцип опирается на познанные законы (закономерность) как на этапы этого процесса. Поэтому в гносеологическом аспекте принцип рассматривается как научная абстракция, которая имеет предметом отражения закономерности развития соответствующих явлений. Отсюда следует, что методологическая функция принципа обладает более широкой (чем у закона) основой и сферой приложения. Это проявляется в том, что познанный и сформулированный принцип зачастую не ограничен в своем действии только рамками той сферы, для которой он формулируется теорией. Принцип как социальный ориентир применим и в других общественных системах. Так, принцип вины как условия ответственности в праве раскрывает закономерности развития социалистического права, познан и сформулирован в сфере правовой жизни общества. Одновременно он имеет определенное методологическое значение для сферы морали, для деятельности общественных организаций и т. д.

Таким образом, принципы на одном уровне не могут отождествляться с законом и закономерностью. Между тем подобное отождествление можно видеть, например, тогда, когда в качестве принципа Советской конституции называется «всестороннее развитие социалистических форм хозяйства и социалистической собственности» [17, с. 141] или когда ряд общих закономерностей развития социалистического строя и его отдельных элементов называется в качестве принципов демократии [13, с. 9].

Но важнейшим моментом отграничения принципа от иных категорий и законов является то, что выведенный, а затем сформулированный в процессе познания принцип обретает характер требования к системе относящихся к определенному явлению категорий и законов. В общественной жизни принцип как «готовое» знание намечает основные пути и средства социального ориентирования. Важность такого аспекта принципа для правовой сферы определяется тем, что все правовые явления вытекают из требований, предъявляемых общими принципами социалистического строя к общественным отношениям. Будучи пере-

несенными в правовую сферу, эти требования приобретают характер исходящих от государства велений. Последние определяют направленность и содержание правового регулирования при социализме.

Итак, принципы в общественной жизни выступают как мощный фактор, направляющий поведение людей. Это такие социальные ориентиры, которым свойственно указывать в наиболее общей форме направления поведения людей в обществе. Воздействие принципов на поведение людей осуществляется при этом по двум основным направлениям. Во-первых, принципы, овладевая сознанием людей, непосредственно определяют общую линию их поведения. Принципы как руководство для достижения целей воспринимаются людьми в виде предъявляемых к их поведению особых требований, характеризующихся по своей природе непререкаемостью. Именно это имел в виду Л. И. Брежнев, когда применительно к прогрессивным принципам взаимоотношений государств выражал пожелания, «чтобы эти принципы вошли в повседневную практику европейской жизни, в психологию европейских народов как святые, непререкаемые начала... чтобы претвориться в жизнь» [3, с. 327].

Во-вторых, принципы способны воздействовать на поведение людей, а также на общественные отношения и через социальные (правовые) нормы, в которых они получают свое более или менее адекватное выражение. «Общество,— как правильно отмечает Е. М. Пеньков,— формулирует определенные идеалы, цели, принципы и на их основе нормы поведения» [11, с. 12]. В этом случае имеет место несколько опосредствованное воздействие принципов. Непосредственным регулятором поведения выступают социальные (правовые) нормы, но содержание их полностью подчинено тому или иному принципу, определяется требованием принципа. Из этого вытекает ряд особенностей подобных норм: их особая категоричность, стабильность и т. п.

Отмеченные характеристики понятия «принцип» применительно к праву не исчерпывают его содержания. Однако их, по нашему мнению, достаточно для того, чтобы в правовом аспекте нашего исследования подвести итог рассмотрения такого понятия в его кратком определении.

Действующий в правовой сфере принцип — это социальный ориентир, выступающий как непререкаемое по своей природе требование к системе регулируемых правом общественных отношений, вытекающее из самой сущности правового регулирования в условиях развитого социализма и являющееся преобразованной формой отражения закономерностей его развития, служащее руководством для достижения стоящих перед обществом целей.

Данное определение носит общий характер и может служить основой для характеристики различных по уровню и значению получающих выражение в праве принципов.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. 827 с. 2. *Ленин В. И.* Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29. 782 с. 3. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., Политиздат, 1975. 488 с. 4. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963. 264 с. 5. *Братусь С. Н.* Принципы советского гражданского права. — Правоведение, 1960, № 1, с. 47—52. 6. *Гордиенко А. А.* Сущность советского права и его роль в социалистическом обществе. Ташкент, 1967. 147 с. 7. *Грибанов В. П.* Принципы осуществления гражданских прав. — Вестн. МГУ. Сер. XII, право. 1966, № 3, с. 10—23. 8. *Жбанкова И. И.* Философские принципы в научном познании. Минск, Наука и техника, 1974. 248 с. 9. *Копнин П. В.* Идеи как формы мышления. Изд-во Киевск. ун-та, 1963. 108 с. 10. *Мицкевич А. В.* Акты высших органов Советского государства. М., Юрид. лит., 1967. 175 с. 11. *Пеньков Е. М.* Социальные нормы — регулятор поведения личности. М., Мысль, 1972. 198 с. 12. Советское трудовое право/Под ред. *Н. Г. Александрова.* М., Юрид. лит.,

1972. 576 с. 13. Социализм и демократия/Отв. ред. *Б. Н. Топорнин*. М., Юрид. лит., 1976. 432 с. 14. *Смирнов О. В.* Основные принципы советского трудового права. М., Юрид. лит., 1977. 215 с. 15. *Тугаринов В. П.* Законы объективного мира, их познание и использование. Изд-во ЛГУ, 1955. 196 с. 16. *Цвик М. В., Пинаев А. А.* Некоторые методологические вопросы исследования правовой охраны социалистической собственности СССР. — В кн.: Государство, право, законность. Вып. IV. Пермь, 1973, с. 130—147. 17. *Щетинин Б. В.* Проблемы теории советского государственного права. М., Юрид. лит., 1969. 199 с. 18. *Явич Л. С.* Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., Юрид. лит., 1978. 223 с.

В. И. Лайтман

Ярославский госуниверситет

О СТАДИЯХ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В последние годы внимание ученых-юристов сосредоточено на исследовании существа и назначения процедурно-процессуальных форм правотворческой и правоприменительной деятельности органов Советского государства. Известно также и то, что правотворчество и правоприменительная деятельность общественных организаций протекает в присущих им процедурно-процессуальных формах, имеющих свои особенности. Из всех элементов процессуальной формы в данной статье предполагается рассмотреть процедурно-процессуальные стадии правотворческой и правоприменительной деятельности общественных организаций.

По вопросу о стадиях правотворческого процесса в юридической науке до сих пор отсутствует единство взглядов, имеются самые различные научные конструкции. Так, *А. С. Пиголкин* полагает, что в правотворческом процессе необходимо выделить две ясно различимые основные стадии. Первая — предварительное формирование государственной воли, выражающееся в составлении проекта нормативного акта. Вторая — официальное возведение воли народа в закон, закрепление государственной воли в нормах права, в результате которой проект нормативного акта превращается в правовой акт, имеющий общеобязательный характер [6, с. 93]. Сходной по существу является позиция *С. С. Алексеева*, который также выделяет в правотворческом процессе два этапа: а) подготовка проекта нормативного акта и б) официальное возведение воли народа в закон, каждый из которых имеет свои отдельные стадии [1, с. 14].

Иной позиции придерживается *Д. А. Ковачев*, полагающий, что подготовка проекта нормативного акта и введение принятого акта в действие не являются собственно стадиями правотворческого процесса [4, с. 82—89]. Существуют и другие точки зрения по данному вопросу.

Наиболее конструктивной, научно обоснованной представляется позиция тех авторов, которые считают, что правотворческий процесс состоит из трех основных этапов (стадий): 1) подготовка проекта нормативного акта (предварительная стадия); 2) обсуждение и принятие нормативного акта (основная стадия); 3) введение в действие нормативного акта (решающая стадия) [2, с. 156]. Данная конструкция стадий правотворческого процесса отличается от всех других тем, что в ней учитываются не только различия в самом комплексе правотворческих действий, но и такие важные обстоятельства, как порождаемые определенными правотворческими действиями юридические последствия, а также изменение круга участников правотворческого процесса и их правового положения на том или ином этапе проекта нормативного акта. Именно по этим моментам стадии различаются между собой.

Анализ предписаний нормативных актов, регламентирующих порядок правотворческой деятельности общественных организаций, позволяет сделать вывод о том, что все указанные стадии характерны и для предварительного санкционированного правотворчества. Так, если обратиться к Типовой инструкции по делопроизводству в райпотребсоюзах и районных потребительских обществах, утвержденной постановлением правления Центросоюза от 3 июля 1978 г., то можно выделить три основные стадии в правотворческой деятельности правления райпотребсоюза: 1) подготовка проекта постановления райпо; 2) обсуждение и принятие постановления на заседании правления райпо; 3) введение принятого постановления в действие.

Аналогичные стадии предварительного санкционированного правотворчества закреплены также в Регламенте работы аппарата Харьковского областного Совета профсоюзов, утвержденном постановлением Президиума Харьковского областного Совета профсоюзов от 15 февраля 1979 г. [8], и в ряде других нормативных актов, регулирующих нормотворческую деятельность общественных организаций.

Рассмотрим более подробно содержание этих стадий. Подготовка проекта нормативного акта — начальная, подготовительная стадия предварительного санкционированного правотворчества. Ее содержание определяется таким комплексом правотворческих действий, которые связаны с решением вопроса о необходимости принятия того или иного нормативного акта, сбором и исследованием материалов, необходимых для составления проекта акта, составлением проекта уполномоченными субъектами, согласованием или визированием проекта нормативного акта соответствующими структурными подразделениями общественной организации и другими заинтересованными органами и организациями, а также с юридической службой данной общественной организации, и, наконец, с доработкой проекта

нормативного акта с учетом высказанных замечаний и предложений.

Для данного этапа характерен особый круг участников. В качестве первого определяющего участника выступает руководящий орган общественной организации, наделенный правотворческими полномочиями. Он выносит решение о необходимости принятия того или иного нормативного акта и осуществляет общее руководство деятельностью по подготовке его проекта. Непосредственную работу по составлению проекта нормативного акта проводит второй участник — соответствующее структурное подразделение данного органа. Так, в соответствии с п. 3.3.1 Типовой инструкции по делопроизводству в райпотребсоюзах и районных потребительских обществах проекты постановлений правления райпо готовятся отделами с учетом их компетенции по вопросам, относящимся к деятельности райпотребсоюза и организаций, входящих в его систему.

Третьим участником выступают структурные подразделения и другие заинтересованные в содержании подготовленного проекта нормативного акта органы и организации, которые дают соответствующие визы, выражая тем самым свое согласие с представленным проектом, или мотивируют возражения против тех или иных его положений. Юридическим последствием данной стадии является подготовленный проект нормативного акта.

Стадия обсуждения и принятия нормативного акта — основная, определяющая стадия предварительного санкционированного правотворчества. Ее содержание определяется совокупностью комплекса действий, связанных с обсуждением представленного на рассмотрение проекта и принятием нормативного акта. Основными участниками этой стадии выступают члены руководящего органа общественной организации, осуществляющие свои полномочия на принципах коллегиальности и полного равенства. К числу других участников можно отнести руководителей данного органа и иных работников, участвующих в подготовке обсуждаемого проекта, которые могут давать пояснения по его существу. Решающим голосом они не обладают. Юридическое последствие этой стадии — принятие (простым или квалифицированным большинством голосов) решения о признании рассмотренного проекта нормативного акта в качестве официального документа, содержащего в себе общеобязательные нормативные предписания — нормы права.

Решающей, заключительной стадией правотворчества общественных организаций является введение в действие принятого нормативного акта. Содержание данной стадии составляют действия, связанные с подписанием принятого нормативного акта, его опубликованием либо размножением и рассылкой непосредственным адресатам, а также установлением порядка введения акта в действие. Участники этой стадии — руководители органа общественной организации, принявшего норматив-

ный акт, на которых возложено осуществление указанных действий (председатель или лицо, его замещающее). Последствием данного этапа правотворчества является доведение содержания нормативного акта до его непосредственных исполнителей¹.

Такова в основных чертах характеристика структуры стадий предварительного санкционированного правотворчества общественных организаций.

Для последующего санкционирования правотворчества характерны лишь первые две стадии, т. е. в данном случае имеет место «усеченный» правотворческий процесс, когда принятый общественной организацией нормативный акт утверждается и вводится в действие соответствующим органом государства, в компетенцию которого входит принятие окончательного решения по затронутому этим актом вопросу. На основании изложенного представляется возможным определить стадию правотворческого процесса как совокупность требований, предъявляемых и участникам правотворческого процесса и обеспечивающих последовательность совершения ими правотворческих действий, направленных на достижение конечного материально-правового результата, создание нормативного акта.

Вопрос о стадиях правоприменительного процесса в юридической литературе рассматривается в двух аспектах: с одной стороны, различают стадии, отражающие общелогическую последовательность учинения правоприменительных действий (характерно для общей теории права), с другой — стадии, отражающие функциональный характер решения конкретного дела в зависимости от его особенностей, представляющие собой последовательные процессуальные действия, которые закрепляются в разнообразных правоприменительных актах и имеют целью достижение результата, предусмотренного применяемой нормой материального права (специфично для процессуальных наук) [6, с. 19]. В первом случае речь идет о стадиях исключительно процедурного характера, во втором — о стадиях функционального характера, стадиях всего юридического процесса, значительно больших по своему объему.

В общетеоретическом плане наиболее правильное решение вопроса о стадиях правоприменительной деятельности, по нашему мнению, дано С. С. Алексеевым, который подразделяет все правоприменительные действия на три основные стадии: 1) установление фактических обстоятельств дела, куда относят-

¹ Существует два основных способа доведения содержания нормативных актов, принятых общественными организациями, до сведения непосредственных исполнителей. Первый — оперативный способ, суть которого заключается в том, что принятые акты в строго установленный срок размножаются и рассылаются всем, кому они адресованы. Второй способ состоит в опубликовании нормативных актов высших руководящих органов некоторых общественных организаций в периодических официальных изданиях. Так, постановления Президиума и Секретариата ВЦСПС публикуются в ежеквартально издаваемом «Сборнике постановлений ВЦСПС».

ся действия, касающиеся анализа фактов, доказательства их полноты и достоверности; 2) выбор и анализ норм права, где действия связаны с нахождением точного текста нормативного акта, проверкой его юридической силы, толкованием; 3) решение дела, выраженное в акте применения [1, с. 233—234]. Полностью поддерживают эту позицию В. М. Горшенев [2, с. 191—192], И. Я. Дюрягин [3, с. 48—132] и др. Если первые две стадии носят в значительной степени подготовительный характер, то последняя представляет собой решающий, заключительный момент, поскольку именно здесь осуществляется акт применения права. Следует, однако, иметь в виду, что наряду с общими стадиями, выражающими логику применения права, в правоприменительном процессе различают стадии функционального назначения, более емкие этапы, объединяющие в себе различные комплексы правоприменительных действий. Например, в уголовном процессе выделяются стадии предварительного следствия, судебного разбирательства уголовного дела, кассационного обжалования и исполнения приговора. В этой связи мы не можем согласиться с позицией А. П. Коренева, который к числу основных общелогических стадий применения права относит стадию по обеспечению практического исполнения решения по административному делу [5, с. 83—84]. Данная стадия, по нашему мнению, носит функциональный характер, является завершающей стадией всего административного процесса, имеющей собственную логическую последовательность правоприменительных действий. Непосредственное содержание указанных стадий составляют стадии общелогической последовательности, которые систематически повторяются при осуществлении соответствующих правоприменительных действий [6, с. 20—21].

Правоприменительной деятельности общественных организаций присущи свои процедурно-процессуальные формы, отличающиеся друг от друга содержанием и структурой стадий. Одной из таких форм является, например, производство по рассмотрению трудовых споров в ФЗМК, содержание которого обуславливается совокупностью комплексов правоприменительных действий по принятию трудового спора к рассмотрению, его разрешению, вынесению решения по существу спора и его исполнению. Для данного правоприменительного производства характерна и своя структура стадий. Анализ Положения о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. [7], дает возможность вычленить пять стадий функционального назначения этого вида правоприменительного процесса: 1) принятие спора к рассмотрению (п. 21, 23, 24); 2) рассмотрение трудового спора (п. 27); 3) вынесение решения по существу спора (п. 25, 28, 29); 4) обжалование решения (п. 30, 32); 5) исполнение решения (п. 26—29).

Проанализируем названные стадии более подробно. Стадия принятия спора к рассмотрению носит вспомогательный, подготовительный характер. Ее содержание обуславливается комплексом действий, связанных с предварительным рассмотрением ФЗМК трудового спора с целью определения его подведомственности, принятием данного спора к своему рассмотрению. Стадия рассмотрения трудового спора — основная для этого вида правоприменительного процесса. Ее содержание определяется комплексом действий, которые связаны с выяснением фактических обстоятельств спора, их юридической оценкой и квалификацией. Решающей стадией является вынесение ФЗМК решения по существу спора, поскольку именно здесь осуществляется собственно акт применения права. Ее содержание составляют действия, связанные с анализом фактов и норм трудового права и вынесением решения по существу трудового спора. Стадия обжалования решения носит неординарный характер, так как имеет место лишь в случае несогласия работника или администрации с решением ФЗМК по трудовому спору. Значительная стадия — исполнение решения ФЗМК по трудовому спору. Ее содержание составляет комплекс действий по реализации решения ФЗМК.

Говоря о содержании указанных стадий функционального характера, следует отметить то важное обстоятельство, что в пределах каждой из них можно выделить стадии логической последовательности осуществления правоприменительных действий, т. е. стадии процедурного характера. Например, в стадии принятия ФЗМК трудового спора к своему рассмотрению обнаруживаются все три стадии логической последовательности: 1) предварительного изучения существа спора (выяснение фактической основы); 2) установление подведомственности данного спора ФЗМК (определение юридической основы); 3) применение нормы трудового права — принятие решения о включении вопроса о рассмотрении трудового спора в повестку дня заседания ФЗМК. В этом случае повестка дня заседания выступает в качестве правоприменительного акта вспомогательного значения. Аналогичным образом выглядит процесс и на других стадиях рассмотрения трудового спора.

Таким образом, стадия является важным структурным элементом процедурно-процессуальных форм правотворческой и правоприменительной деятельности общественных организаций.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х т. Т. 2. Свердловск, 1973. 403 с. 2. *Горшенев В. М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., Юрид. лит., 1972. 260 с. 3. *Дюрягин И. Я.* Применение норм советского права. Свердловск, 1973. 325 с. 4. *Ковачев Д. А.* Механизм правотворчества социалистического государства. М., Юрид. лит., 1977. 114 с. 5. *Коренев В. М.* Нормы административного права и их применение. М., Юрид. лит., 1978. 144 с. 6. Юридическая процессуальная форма: теория и практика/Под ред. П. Е. Недбалю и В. М. Горшенева. М., Юрид. лит. 1976. 280 с. 7. Ведомости Верховного Совета СССР, 1974, № 22, ст. 325. 8. Текущий архив Харьк. обл. Совета профсоюзов. Харьков, 1979.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, возникновение нового общественного строя predetermined объективные условия для успешного решения проблем кадровой политики молодого социалистического государства, проблем научной организации управления. Необходимо было проделать большую организаторскую работу по созданию нового государственного аппарата, «по преобразованию и развитию на социалистических началах всех сфер общественной жизни» [11, с. 18]. Огромная заслуга в решении этих задач принадлежит В. И. Ленину, который теоретически разработал и практически осуществил важнейшие положения кадровой политики в советском государственном аппарате. Вопросы подбора, подготовки квалифицированных кадров, способных обеспечить успешное решение насущных задач, распределения кадров и контроля за их деятельностью постоянно находились в центре внимания В. И. Ленина и были изложены им применительно ко всем сферам государственной и общественной жизни в многочисленных работах, статьях, письмах и публичных выступлениях [1, т. 33, с. 50—116; т. 35, с. 66—198; т. 36, с. 198—203].

Нельзя сказать, что в советской юридической литературе отсутствуют монографические исследования, посвященные анализу ленинских идей о кадровой политике в советском государственном аппарате. Однако внимание ученых в основном было сосредоточено на вопросах совершенствования структуры государственного аппарата, отдельных аспектах методов и стиля работы, а ленинские идеи о кадровой политике оставались как бы в стороне или затрагивались частично [4—11]. Проблемы повышения эффективности советского государственного аппарата в условиях научно-технической революции, усложнение общественных и производственных связей объективно усилили значение организаторских функций, выдвинули новые, более высокие требования к управленческим кадрам, заставили вновь обратиться к ленинскому теоретическому наследию по вопросам кадровой политики.

С первых же дней победы социалистической революции начался бурный процесс привлечения широких слоев трудящегося народа к участию в управлении делами советского государства. Обращаясь к населению победившего Петрограда в ноябре 1917 г., В. И. Ленин призывал: «Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства

в свои руки. Ваши Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы» [1, т. 35, с. 66]. Он стремился внушить трудящимся, что они могут и должны решительно взяться за управление государством.

Проникнутый великой верой в неисчерпаемые силы народа, в его творческие способности, В. И. Ленин самым решительным образом разоблачал лживые теории об управлении как уделе только господствующих классов, «казенных людей», интеллигентов и специалистов, которые утешаются тем, что «без нас не обойтись», думают, что «рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической в всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера» [1, т. 35, с. 198], теории о неспособности «серой массы», «простонародия», «молчаливого большинства» к решению задач государственного управления. «Во что бы то ни стало, — писал он по этому поводу, — надо разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто вестись организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов» [1, с. 35, с. 198]. В. И. Ленин был глубоко уверен в том, что «организаторская работа подильна и рядовому рабочему, и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом» [1, т. 35, с. 198]. Выступая с докладом «О деятельности Советов Народных Комиссаров» на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в январе 1918 г., В. И. Ленин подчеркивал: «...Мы убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин. Может и научится, если возьмется управлять!» [1, т. 35, с. 276]. И как бы подводя итог этому вопросу, В. И. Ленин указывал: «Не боги горшки обжигают» — эту истину должны крепче всего зарубить у себя рабочие и крестьяне» [1, т. 35, с. 202].

В. И. Ленин обращал внимание и на основной источник кадров для строительства и совершенствования государственного аппарата. «Организаторских талантов в «народе», т. е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал...» [1, т. 36, с. 193]. «Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник» [1, т. 35, с. 198—199]. «Среди них очень много организаторских и администраторских талантов, которым капитализм не давал ходу...» [1, т. 39, с. 225]. «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью» [1, т. 39, с. 235]. «...Эти таланты

только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества.

Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой *организационной* работы» [1, т. 35, с. 198]. В докладе на III Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин считал необходимым признать, что «организационной задачей... будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было Советской власти, отцеживающего аппарата, который может выдвигать людей» [1, т. 35, с. 276]. «Чудесным средством», которое позволяет удесятить силы нашего государственного аппарата, называл В. И. Ленин привлечение масс к управлению. Он считал это явлением поистине великим и отмечал, что «...впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимается до *самостоятельного* участия не только в голосовании и выборах, но и в *повседневном управлении*» [1, т. 33, с. 116].

Вместе с тем в ряде работ В. И. Ленина акцентирует внимание на том, что с одной стороны, «найти эти новые, скромные, невидные таланты нелегко. Нелегко привлечь к государственной работе рядовых рабочих и крестьян, которых веками подавляли и запугивали помещики и капиталисты» [1, т. 39, с. 225], с другой — «их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть — мы» [1, т. 36, с. 193]. И поэтому «наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе» [1, т. 39, с. 235]. В. И. Ленин приходит к твердому выводу, что «именно эту нелегкую работу нам надо, обязательно надо производить, чтобы глубже черпать новые силы из рабочего класса, из трудящегося крестьянства» [1, т. 39, с. 226].

В то же время В. И. Ленин хорошо понимал, что создание нового государственного аппарата — это в первую очередь даже не перестройка его структуры, а прежде всего кадры — выделение из народных масс руководителей и организаторов, сосредоточение в государственном аппарате «лучших партийных сил», «лучших элементов, которые есть в нашем социальном строе» [1, т. 45, с. 391]. Развивая ленинские положения о кадрах как решающей силе руководства, Л. И. Брежнев в книге «Возрождение» указывал, что «вопрос о руководстве — это вопрос о кадрах» [2, с. 45]. «В этой сжатой, емкой формуле, — отметил В. В. Щербицкий, — выражено существо ленинского понимания роли кадров в строительстве нового общества [3, с. 1—3]. Но это задача не только номер один, но и задача не одного дня, месяца и даже года. «Нужны, разумеется, не недели, — писал В. И. Ленин, — а долгие месяцы и годы, чтобы

новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов» [1, т. 36, с. 192—193]. Выступая на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г., он говорил: «...Мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы» [1, с. 45, с. 290]. В работе «Лучше меньше, да лучше», продолжая эту мысль, В. И. Ленин обосновывает положение о том, что «мы должны помнить, что для создания его (государственного аппарата — В. К.) не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет» [1, т. 45, с. 390]. И здесь же учит, что «надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал» [1, т. 45, с. 392].

Создание и совершенствование государственного аппарата, укрепление кадрового потенциала в целом В. И. Ленин рассматривал как важнейшую задачу, без которой невозможно строительство социалистического общества. К тому же реальная практика первых лет Советской власти требовала пересмотра некоторых дореволюционных представлений о судьбах аппарата управления [7, с. 12]. И В. И. Ленин сделал вывод: «Жить без этого аппарата мы не можем, всякие отрасли управления создают потребность в таком аппарате» [1, т. 38, с. 169] и подчеркнул, что «вопрос о нашем госаппарате и его улучшении представляется очень трудным, далеко не решенным и в то же время чрезвычайно насущным вопросом» [1, т. 45, с. 383]. В 1921 г. он со всей прямотой и откровенностью констатировал: «Без «аппарата» мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма» [1, т. 43, с. 381]. В. И. Ленин призывал «изучать действительно наш аппарат и работать над ним годами и годами», видел в этом «громадное завоевание», считал «обеспечением нашего успеха [1, т. 45, с. 250].

Сердцевину ленинской кадровой политики в советском государственном аппарате, по нашему мнению, составляют три основных организационных звена: во-первых, подбор кадров, во-вторых, их подготовка, в-третьих, расстановка. Являясь самостоятельными, автономными, эти звенья находятся в тесном единстве, взаимосвязи, составляют как бы единый процесс, сущностную сторону ленинской кадровой политики и направлены на достижение определенного материально обусловленного результата — формирования кадров государственного аппарата, отвечающих требованиям социалистического и коммунистического строительства. Ленинской кадровой политике в целом и каждому из ее трех звеньев присущи основные (общие) принципы, характеризующие кадровую политику всех без исключения звеньев государственного аппарата, и специальные (частные) принципы, отражающие особенность данной политики применительно к тем или иным органам государственного управления. В то же время ленинские принципы работы над кадрами нашли свое законодательное закрепление при регламентации вопросов процесса государственной службы и выражаются в ряде требований,

которые носят общий для всех государственных отношений характер, и требований, действующих в масштабе отрасли или сферы государственного управления либо вида государственной деятельности.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, 35, 36, 38, 39, 43, 45. 2. Брежнев Л. И. Возрождение. М., Политиздат, 1978. 64 с. 3. Щербицкий В. В. Творческое развитие принципов кадровой политики в произведениях Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина». — Комс. знамя, 1978, 27 дек. 4. Аппарат управления социалистического государства. Ч. 2. М., Юрид. лит., 1977. 350 с. 5. Денисов А. И. Общая система социалистической демократии. М., Юрид. лит., 1975. 245 с. 6. Керимов Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., Мысль, 1979. 196 с. 7. Лазарев Б. М. Аппарат управления общенародного государства. М., Юрид. лит., 1978. 86 с. 8. Лебин Б. Д. Перфильев М. Г. Кадры аппарата управления в СССР. Л., Наука, 1970. 193 с. 9. Лунев А. С. Теоретические проблемы государственного управления. М., Наука, 1974. 245 с. 10. Советское административное право. Государственное управление и административное право, М., Юрид. лит., 1978. 360 с. 11. Социальные и государственно-правовые аспекты управления в СССР/Под ред. В. В. Цветкова Киев, Наук. думка, 1978. 426 с.

Б. И. Ольховский, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

ЗАКРЕПЛЕНИЕ РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ТРУДЯЩИХСЯ В КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 г.

Принятие Конституции СССР 1977 г. вызвало новый подъем политической и трудовой активности масс в нашей стране и получило мощный резонанс за ее пределами. Это свидетельствует об огромном международном авторитете КПСС, Советского Союза и является еще одним убедительным доказательством возрастающей роли социализма в современном мире. Главное направление того нового, что закреплено в Основном Законе, — расширение и углубление социалистической демократии. Это определяет историческое значение и общий смысл Конституции СССР 1977 г. С развитием социалистической демократии происходит постепенное перерастание государственности в коммунистическое общественное самоуправление. Чтобы осуществить социалистический демократизм и расширить участие народа в самоуправлении, необходимы многообразные организационные формы, разветвленная сеть массовых организаций трудящихся, которая бы обеспечила их решающее воздействие на весь ход политического, хозяйственного и культурного строительства.

Решение сложнейших задач коммунистического строительства невозможно без единства воли трудящихся, без организационного центра, способного сплотить массы, вооружить их передовыми идеями и мобилизовать на создание новой экономики и культуры. Закрепление в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. руководящей роли Коммунистической партии с особым удовлетворением и энтузиазмом встречено советскими людьми. «Руко-

водящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

«Чем больше размах, — учил В. И. Ленин, — чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует...» [1, т. 42, с. 140]. Партия постоянно заботится о том, чтобы советские люди не только обладали конституционными возможностями для управления обществом, но и фактически, реально участвовали в нем. Усиление роли КПСС в нашем обществе — естественный и закономерный процесс, предполагающий повышение ответственности партийных организаций. Выступая на седьмой внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва, Л. И. Брежнев подчеркивал: «...Вступление в силу новой Конституции означает, что еще больше возрастает ответственность нашей ленинской партии...» [4, с. 59]. Конституционное закрепление руководящей и направляющей роли КПСС не дает никаких привилегий ее членам, а возлагает на них большие обязанности. Коммунистическая партия руководит обществом в соответствии с ленинскими принципами, нашедшими свое отражение в Программе и Уставе КПСС, резолюциях съездов партии, постановлениях ее Центрального Комитета.

Советское социалистическое государство является главным орудием коммунистического строительства. Поэтому руководство КПСС государственными организациями — решающий фактор ее деятельности. Особое внимание партия уделяет дальнейшему совершенствованию работы Советов народных депутатов. «Свою линию по вопросам государственной жизни, — говорил Л. И. Брежнев, — партия проводит прежде всего через коммунистов, избранных народом в Советы и работающих в государственных органах. Она считает одной из своих важнейших задач всемерно укреплять и совершенствовать власть Советов, заботиться о дальнейшем развитии социалистической демократии» [4, с. 41].

Важнейшую роль в осуществлении полномочия народа играет Советское государство. Однако в условиях развитого социализма общность интересов трудящихся вовсе не исключает наличия специфических интересов различных социальных групп и коллективов. Поэтому в нашем обществе наряду с государством, выражающим интересы всего народа, функционируют профсоюзные, кооперативные, молодежные организации, а также

научные, культурные и иные добровольные общества, объединяющие людей с учетом их личных склонностей, способностей и стремлений. Эти организации и объединения трудящихся играют важную роль в руководстве различными областями жизни страны. Предусмотренное Конституцией СССР 1977 г. всемерное развитие исторического творчества народных масс, повышение их активности партия рассматривает как неперемное условие совершенствования социалистической демократии.

В соответствии со своими уставными задачами профсоюзные, комсомольские, кооперативные и другие общественные организации «участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов». Подчеркивая важную роль общественных организаций на современном этапе, Основной Закон считает необходимым «все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения».

Социалистическое общество создает максимально благоприятные условия для всестороннего развития творческого потенциала, заложенного в профсоюзах, которые с победой Октября стали организацией правящего класса, одним из созидателей строящегося общества. Новое положение профсоюзов получило не только общественное признание, но и правовой характер. В Конституции СССР 1977 г. отражены заслуги профсоюзов в общенародной борьбе за построение коммунистического общества, законодательно закреплено их важное место в политической, экономической, социальной системах, духовной жизни советского общества, намечены перспективы деятельности на будущее. Профсоюз в Основном Законе представлен как влиятельная сила нашего общества, одно из важнейших звеньев социалистической демократии. Повышению его роли в политической системе общества и улучшению деятельности в целом, совместной работе с Советами в огромной мере способствует то, что Советское государство стало общенародным, а профсоюзы — самой массовой организацией трудящихся. В современных условиях неизмеримо расширяется политическая и социально-экономическая база сотрудничества профсоюзов и Советов народных депутатов.

«Главные задачи социалистического общенародного государства: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию междуна-

ного сотрудничества». И государству, и профсоюзам свойственно единство целей. Плодотворная совместная деятельность профсоюзов и Советов народных депутатов в решении поставленных задач становится объективной необходимостью, одной из важнейших предпосылок их успешной работы.

Партия придает важное значение развитию демократических начал в экономической сфере, где профсоюзы используют богатый арсенал форм и средств: вовлечение широчайших масс трудящихся в разработку хозяйственных, социальных и встречных планов, рабочие собрания, постоянно действующие производственные совещания, коллективные договоры и др. Повышению роли профсоюзов в политической жизни страны содействует наделение их законодательной инициативой, предоставление всем гражданам права избирать и быть избранными с 18 лет. Этим Основной Закон проявляет реальную заботу о молодых членах профсоюза.

Конституция СССР 1977 г. обстоятельно определяет место профсоюзов в экономической системе общества. Незыблемым остается принципиальное положение о том, что основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства. Вместе с тем Конституция СССР 1977 г. вносит важное уточнение: «Социалистической собственностью является также имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач». Советские профсоюзы имеют в своем распоряжении солидную материальную базу и большие финансовые ресурсы, а их собственность практически находится в распоряжении всего народа, так как ею пользуются все трудящиеся и члены их семей.

Совместно с государством профсоюзы решают важную задачу по превращению свободного труда советских людей в их первую жизненную необходимость. Они развивают социалистическое соревнование, участвуют в контроле за мерой труда и потреблением. Основной Закон закрепляет за профсоюзами широкие права в вопросах заработной платы, нормирования труда, морального и материального стимулирования, участия в управлении производством, внедрении достижений научно-технического прогресса, повышении производительности труда, эффективности и качества работы, всемерном развитии в этих целях творческой активности членов профсоюза.

Ближайшим помощником партии В. И. Ленин считал комсомол. Во всех огромных, поистине исторических преобразованиях, которые произошли в стране за годы Советской власти, — немалый вклад молодежи, ее передового отряда — Ленинского комсомола. Заметно возросли его роль и авторитет как массовой самодеятельной общественно-политической организации, резерва партии, ее активного помощника в коммунистическом

воспитании подрастающего поколения и строительстве нового общества.

В Основном Законе отражена забота партии о подрастающем поколении. Конституция СССР 1977 г. вобрала в себя широкий диапазон вопросов, затрагивающих основы формирования молодого поколения. Сюда относятся права молодых людей на труд, отдых, охрану здоровья, образование, пользование достижениями культуры, свобода научного, технического и художественного творчества и т. д. Ст. 7 Конституции СССР 1977 г. определяет, что ВЛКСМ, как и другие массовые общественные организации, в соответствии со своими уставными задачами участвует в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов. Ст. 51 Основного Закона гарантирует общественным организациям, в том числе и ВЛКСМ, условия для успешного выполнения ими уставных задач. Эти принципиально важные положения вызывают чувство большого удовлетворения и возлагают на комсомольцев обязанность воспитывать и развивать трудовую активность юношей и девушек, настойчиво совершенствовать формы участия молодежи во всех сферах общественной жизни, так как именно через комсомол наиболее полно и всесторонне реализуется социальная активность молодежи, в значительной мере обеспечивается представительство ее интересов. Советская молодежь, как и все граждане СССР, обладает всей полнотой конституционных прав и несет конституционные обязанности наравне со всеми советскими гражданами.

Разрабатывая свой кооперативный план, В. И. Ленин исходил из того, что именно кооперация способна вовлечь крестьян в строительство нового общества, управление хозяйством, воспитание их в духе социализма. При этом он подчеркивал, что задачи, стоящие перед кооперацией, должны разрешаться в духе согласования с планом общего хозяйственного строительства страны. Государство писал В. И. Ленин, должно оказывать поддержку кооперации, способствовать тому, чтобы в нее были вовлечены действительно широкие массы населения [1, т. 45, с. 371]. Эти ленинские указания нашли свое дальнейшее развитие в ст. 7 Основного Закона СССР.

Важное значение имеет конституционное закрепление роли трудовых коллективов. В процессе обсуждения проекта Конституции по статье о роли трудовых коллективов и их значении на современном этапе развития нашего общества поступило, как подчеркивал Л. И. Брежнев, несколько тысяч предложений [4, с. 34]. В трудовых коллективах отражается вся жизнь общества: экономическая, политическая, духовная. Они являются первичными ячейками не только хозяйственного, но и политического организма. Поэтому статья о трудовом коллективе помещена в главе 1 Конституции СССР 1977 г., посвященной на-

шей политической системе. «Трудовые коллективы, — записано в ст. 8, — участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социально-го развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение. Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование, способствуют распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся, о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации». Конституционное закрепление роли трудовых коллективов плодотворно скажется на успешном осуществлении исторических решений XXV съезда КПСС, построении материально-технической базы коммунизма и воспитании человека нового общества.

В современных условиях принципиальное значение имеют положения об усилении народного контроля как одной из важных форм дальнейшего развертывания социалистической демократии. Это вытекает из ленинских идей о характере контроля в нашем государстве, из самой сути развитого социалистического общества: чем более зрелым оно становится, тем дальше продвигается к коммунизму, тем шире проявляется активность трудящихся в решении государственных и общественных дел, полнее осуществляется народовластие. Однако подлинное народовластие немислимо без сознательной дисциплины и высокой организованности, несовместимо с либеральным отношением к недостаткам, с примиренчеством к тому, что мешает советским людям жить и работать. В силу этого Советское государство заинтересовано в общественном контроле. В ст. 92 Конституции СССР 1977 г. сказано: «Советы народных депутатов образуют органы народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях». Порядок их организации и деятельности определяется законом. Таким образом, обеспечивается единый подлинно демократический принцип образования комитетов народного контроля всех ступеней. Впервые в Основном Законе СССР закреплены положения об органах народного контроля, что свидетельствует об их возрастающем значении на современном этапе развития Советского государства. Среди крупных законодательных актов, которые разработаны и приняты в настоящее время, значится и Закон о народном контроле. Органы народного контроля контролируют выполнение государственных планов и заданий, ведут борьбу с нарушениями государственной дисциплины, проявлениями местничества, ведомственного подхода к делу,

с бесхозяйственностью и расточительством, волокитой и бюрократизмом, способствуют совершенствованию работы государственного аппарата. В Основной Закон включено положение о том, что Комитет народного контроля СССР, образуемый Верховным Советом СССР, возглавляет систему органов народного контроля.

«Наши общественные организации — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — один из важных каналов участия граждан в управлении делами общества» [2, с. 83]. Народные массы в полной мере реализуют право на объединение в общественные организации, закрепленное в ст. 51 Конституции СССР 1977 г. В условиях развитого социализма общественные организации трудящихся приобретают еще более представительный характер. Совершенствуется их структура, расширяются полномочия, права и обязанности их членов. Советское государство устанавливает для общественных организаций демократический правовой режим. Им предоставлены конституционные права и свободы: слова, печати, собраний, демонстраций и митингов, за ними закреплены права юридического лица; имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач, является социалистической собственностью.

«Партия заботится о том, чтобы мелкие и мельчайшие ручейки текущих повседневных дел гармонично сливались в единый могучий поток» [3, с. 136]. Взаимодействие государственных и общественных организаций свидетельствует о единстве и общности их целей и коренных задач, способствует развитию социальной активности народных масс, является необходимым условием успешного продвижения советского общества по пути к коммунизму.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, 45. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 3. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., Политиздат, 1973. 608 с. 4. Брежнев Л. И. О Конституции СССР. Доклады и выступления. М., Политиздат, 1977. 64 с.

А. С. Бурлака

Харьковский юридический институт

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ — КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Важным средством повышения роли местных Советов, эффективности их деятельности является совершенствование отношений, складывающихся между самими местными Советами в соответствии с требованиями демократического централизма¹.

¹ Истории становления принципа демократического централизма, обоснованию и исследованию различных аспектов его проявления посвящена обширная литература. Но лишь в немногих работах этот принцип анализируется применительно к системе Советов как представительных органов государственной власти [9; 6, с. 52—81; 7, с. 7—14].

Объективную обусловленность и историческую необходимость демократического централизма как основополагающего принципа организации и деятельности пролетарского государства с научной обоснованностью доказали классики марксизма-ленинизма. Обобщая опыт Парижской Коммуны, созданного ею государственного аппарата, К. Маркс указывал на совершенно новые принципы взаимоотношений центральных и местных органов государственной власти. Эти взаимоотношения охватывались «коммунальным устройством», в основу которого был положен демократический централизм. «Самое уже существование Коммуны, — подчеркивал К. Маркс, — вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти...» [1, т. 17, с. 345].

Ф. Энгельс, высказываясь за единую, централистски-демократическую республику как наиболее приемлемую форму государственного устройства победившего пролетариата, отмечал, что единство государственной системы снизу доверху должно быть установлено на основе добровольности и обеспечения самого полного местного самоуправления [1, т. 22, с. 238—239]. Вследствие этого в государственном устройстве достигается централизм демократический, который, по выражению В. И. Ленина, «устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно» [2, т. 33, с. 73].

Творчески развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин неоднократно указывал на демократический централизм как на организационную основу построения всего советского государственного аппарата. Определяя свое отношение к будущему государственному устройству России, он подчеркивал: «Мы за демократический централизм, безусловно» [2, т. 48, с. 234]. Позднее, в первые годы Советской власти, он писал: «...Советы свободно объединяются, на началах демократического централизма, в единую, федеральным союзом скрепленную, общегосударственную Советскую власть...» [2, т. 36, с. 481]. Раскрывая социальный смысл демократического централизма, В. И. Ленин указывал, что социалистический демократический централизм означает единство в основном, коренном, в существенном, которое «не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу, в *способах* осуществления контроля...» [2, т. 35, с. 203]. «...Централизм, понятый действительно в демократическом смысле, — подчеркивал он, — предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» [2, т. 36, с. 152]. Решительно выступая

против воззрений анархистов, которые стояли за широкую децентрализацию государственной власти как основное средство ликвидации государства вообще, В. И. Ленин боролся и против сторонников чрезмерной централизации государственной власти. «Советская власть, — отмечал он, — отнюдь не намерена умалять значение местной власти и убивать ее самостоятельность и инициативу» [2, т. 37, с. 22]. Демократический централизм, в его понимании, обеспечивает «полнейшую свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной, и общественной, и экономической жизни» [2, т. 36, с. 152]. Таким образом, в демократическом централизме В. И. Ленин видел то организационно-политическое средство, при помощи которого устанавливаются и обеспечиваются правильные взаимоотношения между центром и местами, вышестоящими и нижестоящими органами государственной власти.

Объективная обусловленность демократического централизма заложена в самой сущности социализма, в его экономической и политической системе. Социалистическая собственность на средства производства, объединив все отрасли народного хозяйства, выдвигает необходимость единого планового государственного руководства экономикой страны. «...Крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма, — указывал В. И. Ленин, — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей» [2, т. 36, с. 200]. Следовательно, принцип демократического централизма носит объективный характер, что исключает возможность его произвольного конструирования. В этой связи уместно напомнить известное положение Ф. Энгельса о том, что принцип выступает как исходное и невы выводимое в данной теоретической системе знание; он не исходный пункт исследования, а его логическое завершение [1, т. 20, с. 34].

Демократический централизм является одним из наиболее общих, универсальных принципов советской государственной системы, поскольку он функционирует в различных сферах государственной, общественной, хозяйственной и культурной жизни страны. Определение содержания и специфики общих принципов имеет весьма существенное значение [2, т. 15, с. 368; т. 41, с. 74].

Раскрывая содержание понятия «демократический централизм», в юридической литературе обычно говорят об органическом сочетании двух взаимосвязанных начал — демократизма и централизма [13, с. 4; 12, с. 78; 16, с. 3—4]. Однако некоторые ученые высказывают иное суждение о структуре демократического централизма. Исследуя особенности проявления принципа демократического централизма в системе Советов, В. И. Ва-

силев, например, полагает необходимым включить сюда третий компонент — децентрализацию. «Децентрализация, — пишет он, — служит самостоятельным признаком в соотношении демократического начала с централизмом...» [9, с. 43]. Представляется, что вряд ли следует считать децентрализацию обязательным структурным элементом принципа демократического централизма. И прежде всего с общефилософской точки зрения. Как уже отмечалось, принцип демократического централизма составляют два основных начала — демократизм и централизм, находящиеся в диалектическом, органическом единстве. Вместе с тем они противоположны. Но это не означает механического единства или метафизически понятого противопоставления их друг другу. Они едины и противоположны, пребывают в динамике, отличаются противоречивостью и взаимовлиянием. «Существование двух взаимно-проникающих сторон, — писал К. Маркс, — их борьба и слияние в новую категорию составляет сущность диалектического движения» [1, т. 4, с. 136].

Демократизм и централизм в конечном счете сливаются в диалектическом единстве, ведущем к появлению качественно новой категории — демократического централизма. Диалектика централизма и демократизма — двух образующих начал общего принципа — заключается в том, что их единство является одним из условий дальнейшей демократизации всех сторон общественной жизни. «Децентрализация, — справедливо замечает И. А. Азовкин, — может быть представлена как сумма мероприятий по устранению излишней централизации там, где она была допущена, т. е. как одно из средств последовательного осуществления демократического централизма» [5, с. 130].

Единое плановое руководство сверху, из одного центра в сочетании с самостоятельностью местных органов в определении и выборе путей и средств достижения общих целей, строгое соблюдение дисциплины, организованность в единстве с инициативой мест, творческой активностью масс, сознательно принимающих участие в управлении государственными и общественными делами, изучение и распространение передового опыта на местах — все это составляет внутреннее содержание принципа демократического централизма. Данный принцип реализуется целенаправленно. Специфика его проявления и функционирования находится в непосредственной зависимости и определяется конкретной сферой применения.

В советском государственном строительстве демократический централизм представляет собой высокоорганизованное народовластие [15, с. 38]. Сущность его состоит в том, что, выступая в органическом единстве, демократизм является непосредственным, а централизм — опосредствованным выражением интересов народа. Внутреннее единство демократизма и централизма, чуждых как бюрократическому концентрированию государственной власти и ограничению демократии, так

и проявлениям анархизма, несовместимых с организованностью и дисциплиной, предполагает подлинный расцвет социалистического народовластия.

Будучи многогранной и сложной системой взаимоотношений между центром и местами, вышестоящими и нижестоящими органами государственной власти, демократический централизм функционирует и специфически проявляется в зависимости от конкретно-исторических условий. Его диалектическая природа, жизненность и необходимость подтвердились всем процессом развития социалистической советской государственности.

Уже в ходе слома старого буржуазно-помещичьего государственного аппарата и установления Советской власти на местах демократический централизм стал непреложным принципом, на основе которого местные Советы строили отношения между собой и с вышестоящими органами государственной власти [14, с. 44—45].

Важное значение для становления и развития принципа демократического централизма имело законодательное закрепление его в качестве основы взаимоотношений между Советами различных звеньев в первые годы Советской власти. В обращении Народного комиссариата внутренних дел к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов «Об организации местного самоуправления» указывалось: «Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собой. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит» [4, с. 94]. Инструкция о правах и обязанностях Советов (24 декабря 1917 г.) предусматривала, что Советы на местах проводят в жизнь все декреты и постановления центральной власти и обязаны о всех предпринимаемых мерах и важнейших событиях местной жизни готовить отчет центральной Советской власти [4, с. 96—97].

Принцип демократического централизма получил свое воплощение и развитие в Конституции РСФСР 1918 г. Хотя в ее тексте сам термин «демократический централизм» не упоминался, все содержание первой Советской Конституции было проникнуто его сущностью и составными элементами. Конституция установила выборность всех органов государственной власти на демократической основе, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих, право контроля вышестоящих Советов над деятельностью нижестоящих. На местные Советы возлагалась функция «объединения всей советской деятельности в пределах данной территории». Оценивая значение первого Основного Закона нашей страны, В. И. Ленин говорил:

«Советская конституция выявила отношение волостной власти к уездной, уездной к губернской и этой последней к центру» [2, т. 37, с. 21].

Важнейшие черты демократического централизма, характеризующие взаимоотношения местных Советов различных уровней, были закреплены и в последующих советских конституциях применительно к новым задачам и функциям Советского государства.

Исходя из марксистско-ленинского учения и опыта строительства социализма и коммунизма в нашей стране, Конституция СССР 1977 г. закрепила принцип демократического централизма в качестве основы построения и деятельности Советского государства. Этот принцип получил свое закрепление и в конституциях союзных и автономных республик, принятых в соответствии с Конституцией СССР. Таким образом, развивая положения ранее действовавших конституций, Конституция СССР всесторонне раскрыла содержание демократического централизма, определила его основные черты. В ст. 3 Основного Закона СССР установлено, что демократический централизм предполагает выборность всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетность их народу, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих. Он сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело. Эти принципиальные положения законодательно выражают ленинские идеи о демократическом централизме применительно к условиям зрелого социализма. Закрепление демократического централизма в Основном законе страны — важная конституционная гарантия последовательного осуществления основополагающего организационно-политического принципа советского государственного строительства.

Определяя наиболее существенные черты демократического централизма, Конституция СССР, конституции республик конкретизируют их в последующих статьях. Так, важным конституционным положением является закрепленная в ст. 146 Конституции СССР обязанность вышестоящих местных Советов руководить деятельностью нижестоящих органов власти¹. Это положение содержится также в действующем законодательстве о местных Советах².

Будучи специфическим проявлением принципа демократического централизма, руководство в системе местных Советов представляет собой разновидность государственно-правовых

¹ О функциях Советов по руководству нижестоящими органами власти см.: 6, с. 52—81; 7—9; 10, с. 92—100; 11.

² См., напр., ст. 10 Закона о районном Совете народных депутатов Украинской ССР; ст. 3, 35 Закона о городском, районном в городе Совете народных депутатов Украинской ССР.

отношений, содержанием которых является осуществление государственной власти на местах [6, с. 57]. Руководство наиболее полно отражает характер взаимоотношений между различными звеньями Советов. Эти отношения складываются на основе единства системы Советов, единства государственной власти и представляют собой государственно-правовую форму реализации принципа демократического централизма.

Являясь важнейшим системообразующим фактором [9, с. 99], отношения руководства выступают в качестве средства поддержания и укрепления единства действий советских представительных органов сверху донизу.

Осуществляемое на демократической основе руководство в системе местных Советов призвано обеспечить оптимальное сочетание общегосударственных и местных интересов, активное участие нижестоящих органов государственной власти в мероприятиях вышестоящих Советов народных депутатов, в проведении единой общегосударственной политики. «Нам, — отмечал на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — предстоит одновременно укрепить оба начала демократического централизма. С одной стороны, следует развивать централизм, ставя тем самым преграду ведомственным и местническим тенденциям. С другой же — надо развивать демократические начала, инициативу мест, разгружать верхние эшелоны руководства от мелких дел, обеспечивать оперативность и гибкость в принятии решений» [3, с. 60].

Последовательная реализация принципа демократического централизма в практике советского государственного строительства подтверждает верность и жизненность марксистско-ленинского учения о демократическом централизме — основополагающем принципе организации и деятельности социалистического государства, всех его органов, в том числе и местных Советов. Сохраняя форму и социальную сущность, обогащая свое содержание, принцип демократического централизма в условиях зрелого социализма приобретает качественно новые особенности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, 17, 20, 22. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, 33, 35—37, 41, 48. 3. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 4. История Советской Конституции в документах. 1917—1956. М., Госюриздат, 1957. 928 с. 5. Азовкин И. А. (Рец. на кн.:) Васильев В. И. Демократический централизм в системе Советов. — Сов. государство и право, 1973, № 12, с. 137—139. 6. Барабашев Г. В. Отношения руководства в системе местных Советов. — В кн.: Правовые проблемы дальнейшего совершенствования представительных органов государственной власти. Изд-во МГУ, 1973. 154 с. 7. Баранчиков В. А. Областной Совет депутатов трудящихся. М., Юрид. лит., 1976. 159 с. 8. Баранчиков В. А. Руководство районного Совета деятельностью сельских и поселковых Советов. Изд-во МГУ, 1975. 92 с. 9. Васильев В. И. Демократический централизм в системе Советов. М., Юрид. лит., 1973. 230 с. 10. Васильев В. И. Развитие Советов как социальной системы. — Сов. государство и право, 1970, № 11, с. 92—100. 11. Григорян Л. А. Советы — органы власти и самоуправления. М., Юрид. лит., 1965. 235 с. 12. Керимов Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., Мысль, 1979. 224 с. 13. Кириченко М. Г. Демократический централизм в советском государственном строительстве. М., Госюриздат, 1960. 158 с. 14. Лепешкин А. И. Советы — власть трудящихся (1917.—

1936). М., Юрид. лит., 1966. 576 с. 15. Павловский Р. С. Конституционные основы деятельности местных Советов народных депутатов. Харьков, Вища школа, 1979. 176 с. 16. Федосеев А. С. Демократический централизм — ленинский принцип организации советского государственного аппарата. М., Госюриздат, 1962. 248 с.

Р. К. Рыбальченко

Харьковский юридический институт

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ГРАЖДАН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОХРАНЫ В СССР

Конституция СССР 1977 г. наряду с социально-экономическими и политическими правами советских граждан гарантирует соблюдение их личных прав и свобод. В отличие от Конституции СССР 1936 г. ныне действующая Конституция в ст. 56 предусматривает, что законом охраняется личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений. Личная жизнь — это новое понятие в Советской Конституции.

Словосочетания «личная жизнь» и близкие к нему по смыслу «частная жизнь», «семейная жизнь», «интимная жизнь» часто встречаются в художественной и социологической литературе, разговорной речи, но первое из них как правовое явление недостаточно исследовано. Интерес к этому понятию возрос в связи с совершенствованием правового регулирования взаимоотношений государства и личности.

В Конституции СССР «личная жизнь» названа в контексте с такими понятиями, как «тайна переписки», «тайна телефонных переговоров и телеграфных сообщений». В связи с этим возникает вопрос, являются ли указанные в ст. 56 объекты однопорядковыми, самостоятельными или одно из них по отношению к другим выступает общим, рядовым. С точки зрения грамматического анализа «личная жизнь», «тайна переписки», «тайна телефонных переговоров и телеграфных сообщений» — понятия различного смысла, но все они внутренне логически связаны. Они объединены в одной статье Основного Закона, которая выражает и закрепляет относительно автономную идею — защиту действий человека сугубо личностного характера. Несомненно и то, что понятие «личная жизнь» по отношению к следующим за ним другими понятиями выступает как самое емкое, масштабное, в котором соединились нравственные, психологические, правовые и другие факторы.

Остановимся на содержании понятия «личная жизнь». Это сложное явление, неотделимое от жизни человека в любом обществе, имеет ряд особенностей, изучение которых важно для совершенствования правового регулирования данной области человеческих отношений. Представляется, что личная жизнь

складывается и протекает обычно вне общественной, трудовой, служебной деятельности, хотя такое разграничение в некоторой мере условно. Нередко человек свое участие в жизни трудового коллектива и особенно в общественной организации расценивает как часть своей личной жизни. Часто это происходит потому, что он получает большое удовлетворение от работы по своей любимой специальности и от благоприятного психологического климата, который царит в коллективе. Л. Н. Толстой говорил, что когда работается с верой в свою работу — это большое счастье. Что касается общественных организаций, то участие в них лиц вызвано исключительно личными желаниями, в основе которых лежат научные, эстетические, спортивные и другие интересы.

Личная жизнь представляет собой определенную автономию индивидуума, который выступает здесь со своим, только ему присущим духовным миром, мыслями, чувствами, переживаниями, надеждами и мечтами. Основой личной жизни является индивидуальная свобода личности, которая реализуется в форме некоторой обособленности ее от общества. Конституция СССР признает за гражданами наличие личных прав и свобод, которые являются реальной правовой базой личной жизни. Свобода в личной жизни и ее реализация заключаются в том, что человек совершает действия, руководствуясь собственной волей, чувствами, желаниями. Так, в силу своего понимания общественного долга и личного блага он определяет выбор профессии и места жительства, вырабатывает и утверждает свой стиль и манеру поведения в обществе, семье и в быту. В соответствии со своими чувствами и личными соображениями человек строит свои отношения с людьми, в основе которых могут быть уважение, любовь, неприязнь, облеченные в различную форму своего проявления. Брачные и интимные отношения также являются важнейшей составной частью личной жизни. В меру своей культуры, образования, воспитания, эстетического вкуса человек решает вопросы своего внешнего вида, отношения к искусству, природе, словом, к окружающему его духовному и материальному миру. Здесь также в большой степени сказывается наличие у граждан личных прав и свобод, которыми они могут распоряжаться.

Посягательство на человеческую автономию личностного характера есть одновременно посягательство и на личность. Вот почему всякое, в любой форме проявляющееся стеснение личной свободы человека почти всегда оборачивается драмой его личной жизни. Эта идея лежит в основе наказаний, которые носят личностный характер, например лишение свободы, административный арест. Они в сочетании с режимом содержания суживают до минимума как личную свободу, так и основанную на ней личную жизнь. В этом — самый значительный эффект кары за совершенные преступления и другие проступки (дисципли-

нарные, административные). Человек не терпит никакого вмешательства в его личную жизнь извне, всегда болезненно и остро реагирует на такого рода действия. Здесь допустимо лишь влияние, проявляющееся в добрых советах, пожеланиях и других действиях, основанных на высокой культуре человеческих отношений.

Свобода в личной жизни и пределы ее использования, разумеется, имеют определенные дозволенные пределы, и многие стороны личной жизни урегулированы правом. Принципиальные положения на этот счет содержатся в Конституции СССР, которая так же, как и основанное на ней законодательство, предоставляет гражданам большие возможности для свободы в различных проявлениях своей личной жизни, но при соблюдении одного неперемennого условия, заключающегося в том, что осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданами своих обязанностей (ст. 59), а их использование не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан (ст. 39).

Признавая за личной жизнью известную автономию, в то же время ее нельзя абсолютизировать и рассматривать как некий исключительный, замкнутый в себе феномен. Личная жизнь — это сложная система социальных отношений, где большое место отведено отношениям личностного, интимного характера, но в конечном счете они имеют выход на общественную среду, связаны с ней. Ленинская формула, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя, раскрывает принципиальную сущность этой взаимосвязи. Личная жизнь является одной из разновидностей сфер общественной жизни и обусловлена качественной природой общества и господствующими в нем формами собственности. В ней, однако, есть много общечеловеческих мотивов, обусловленных биологической и социальной сущностью человека.

Личная жизнь наряду с общественной играет важную роль в жизни человека и от того, насколько она устроена, совершенна и насколько созданы материально-бытовые условия для ее проявлений, зависит личное счастье человека, его удовлетворенность жизнью, собой, окружающим его миром. Это мощный стабилизирующий фактор и физических сил, который предопределяет хорошее настроение человека, положительно влияющее на результативность трудовых процессов, стимулирует на достижение поставленной цели, преодоление препятствий, различных жизненных невзгод.

Гармоническое развитие личности, становление нового человека социалистического общества — важнейшая забота государства, в котором, как сказано в преамбуле Конституции СССР, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. И немалая роль в этом деле отведена личной жизни, которая вместе с общественной средой

формирует человека как личность, способствует задаче его нравственного воспитания, выработке у него активной жизненной позиции, которая, по словам Л. И. Брежнева, возвышает личность [1, с. 77].

В многоликом явлении, каким выступает личная жизнь человека, можно разглядеть два аспекта. Прежде всего это различные проявления физической, духовной, интимной автономии граждан и условия, которые обеспечивают ее, сохраняют, делают содержательной, красивой и богатой. Эти два нерасторжимых фактора и обуславливают личную жизнь как реально существующее явление.

Как правовой институт личная жизнь регламентируется конституционными нормами, которые развиваются, детализируются в различных отраслях советского права. Ими регулируются наиболее важные для человека и общества стороны личной жизни, которые и являются частью правового регулирования субъективных прав граждан СССР. При этом нужно отметить, что многие стороны личной жизни регулируются и защищаются морально-эстетическими, нравственными нормами. В. А. Рясенцев правильно указывает, что в правовой регламентации нуждаются лишь такие личные отношения, которые по своей природе способны подвергаться воздействию права, и регулирование их только правилами социалистической морали не будет достаточно эффективным [2, с. 85—86].

Личная жизнь как правовое понятие — сложный, комплексный институт советского права. Оно охватывается многими правовыми нормами. Несмотря на то что в ст. 56 Конституции личная жизнь названа в контексте с такими понятиями, как тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, представляется, что ее правовые рамки шире.

Личная жизнь человека проявляется в потребности духовного общения между людьми на расстоянии, что и порождает необходимость обмениваться информацией с помощью средств связи. Одной из форм такого проявления личной жизни людей выступают их письма. В них обычно содержится информация, выражаются интимные чувства, признания, мечты и желания, высказываются соображения, мысли, даются оценки различным событиям и поступкам людей. В переписке отражается индивидуальная жизнь людей, письма являются выражением их духовного творчества, личности авторов.

Телеграфные сообщения и телефонные разговоры также нередко носят личностный характер. С развитием средств связи и упорядоченности почтового сообщения письма сделались общедоступным средством информации, но, пересылая и получая их, люди заинтересованы в сохранности тайны. Это и понятно, так как в письмах, а также в телеграммах и телефонных разговорах затрагиваются такие стороны личной жизни, которые не должны становиться достоянием других лиц, сообщают-

ся адресату при доверии к его порядочности и скромности. Средства связи, с помощью которых корреспонденция передается на расстояние, создают нормальные условия для такого рода человеческого общения. Тайна корреспонденции — это правовое требование нормального проявления личной жизни в форме обмена почтовой информацией. Доверие корреспондентов (отправителя и получателя) к работе органов связи является основой деятельности этих органов. Стремление человека оградить свою личную жизнь от постороннего вмешательства и обусловило возникновение правового понятия «тайна переписки», которое стало частью прав и свобод, гарантированных Конституцией СССР. Тайна личной корреспонденции имеет важное значение в общественной и государственной жизни. Ее нарушение подрывает доверие к учреждениям и предприятиям связи, смысл деятельности которых состоит в передаче информации на расстояние, обеспечении ее тайны, своевременности доставки адресатам.

Объектом конституционной охраны в СССР являются различные виды корреспонденции: почтовая, телеграфная, телефонные сообщения. Тайна корреспонденции имеет отношение не только к ее содержанию, она также связана с честью и достоинством граждан, которым Конституцией СССР предоставлено право на судебную защиту от посягательств на эти нравственные категории личных свобод [ст. 57]. Думается в связи с этим, что институт тайны переписки распространяется на сферу нравственной и духовной жизни личности. В связи с этим было бы целесообразным установить правовую ответственность частных лиц за похищение чужих писем, вскрытие и разглашение их тайны.

Одной из гарантий, обеспечивающих сохранение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, является прокурорский надзор за законностью служебной деятельности органов и должностных лиц, которые имеют право вскрывать корреспонденцию и знакомиться с ее содержанием, а также указание в законодательстве на угрозу правовой ответственности за нарушение этой тайны. Нуждается, по нашему мнению, в совершенствовании гарантия тайны телефонных переговоров, поскольку данный вид связи впервые назван в Конституции СССР, причем сказано, что эта тайна охраняется законом. Думается, что в уголовное законодательство необходимо внести дополнение, касающееся ответственности за незаконное подслушивание телефонных переговоров, как это предусмотрено за нарушение тайны переписки, совершенное должностным лицом (ст. 131 УК УССР). Соответственно уголовно-процессуальные кодексы должны предусмотреть порядок такого рода действий. Гарантией законности при этом, как и при вскрытии почтово-телеграфной корреспонденции, должна быть санкция прокурора.

Общая формула ст. 56 Конституции СССР о том, что тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняется законом, конкретизируется в текущем законодательстве. Обязанность сохранять тайну переписки и телеграфных сообщений возлагается на служащих предприятий и учреждений связи, которые в случаях нарушения этой тайны могут нести дисциплинарную и уголовную ответственность [3]. Другие государственные служащие, нарушающие тайну корреспонденции, не имея на то право или без соблюдения установленных правил, подлежат ответственности на общем основании как за превышение власти или служебных полномочий (ст. 166 УК УССР).

Существуют иные гарантии (условия) соблюдения тайны корреспонденции. Так, пересылаемые по почте письма, бандероли, посылки должны быть соответствующим образом упакованы, это само по себе уже служит препятствием для ознакомления с их содержанием посторонними лицами. Всякого рода справки об отправленной почтовой и телеграфной корреспонденции учреждения связи посторонним лицам не выдают. Для приема писем и открыток от населения используются ящики со специальным замковым устройством. Сами же получатели почтовой корреспонденции могут по-разному заботиться об ее сохранности после доставки. Эта область отношений не регулируется, но со стороны государства проявляется забота о сохранности корреспонденции в учреждениях связи и своевременной доставке ее адресату. Для телеграфных и телефонных переговоров устраиваются кабины, телефонные будки, которые создают определенные удобства для абонентов.

Тайна корреспонденции может быть нарушена только при наличии законных оснований. Специально уполномоченные органы имеют право вскрывать почтовые и телеграфные отправления, знакомиться с их содержанием. Ст. 55 Устава связи Союза ССР перечисляет эти случаи: по распоряжению адресата, с санкции прокурора или по определению (постановлению) суда, по указанию руководителя предприятия связи. Почтовые правила детально регламентируют порядок вскрытия ценных писем (бандеролей) (ст. 680), почтовых отправлений и вещей (ст. 565), конфискацию почтовых отправлений (ст. 86). Эти действия органов почтовой связи вытекают из факта нарушения правил учреждений связи, которые могут нанести ущерб интересам государства.

УПК УССР (ст. 187) предусматривает наложение ареста на корреспонденцию и выемку ее в почтово-телеграфных учреждениях. Эти действия производятся только с санкции прокурора или по постановлению суда. Санкция прокурора как должностного лица, осуществляющего высший надзор за законностью решения суда, коллегиального органа, является гарантией от противозаконных действий. Гарантией сохранения тайны будет

и процессуальный порядок самой выемки, которая производится в присутствии специальных понятых — двух представителей почтово-телеграфного учреждения, осуществляющих операции с этим видом корреспонденции. При производстве выемки корреспонденции недопустимо разглашение обстоятельств интимной жизни участников переписки и содержание последней. В случае необходимости у присутствующих может быть взята подписка о неразглашении.

В отношении лиц, которые, движимые любопытством и другими соображениями, вскрывают чужую корреспонденцию (главным образом письма, бандероли) и знакомятся с ее содержанием, правовая ответственность не наступает. Эти действия считаются недостойными, безнравственными и порицаются моралью общества.

Личная жизнь граждан имеет разнообразную сферу своих проявлений. Кроме рассмотренных это, например, брачно-семейные и интимные отношения. Важное место в личной жизни занимают различные условия ее обеспечения. К ним прежде всего относятся жилище, личные вещи.

Советское право регулирует и защищает наиболее существенные с точки зрения государства и личности отношения личного характера, обеспечивает недопустимость незаконного вмешательства в важные стороны личной жизни человека. В этом заключается признание государством личной жизни явлением, расцениваемым как социальная ценность.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 2. *Рясенцев В. А.* Семейное право. М., Юрид. лит., 1971. 286 с. 3. Устав о дисциплине работников связи Союза ССР, п. «ж» ст. 3. — СП СССР, 1972, № 8, ст. 46.

В. А. Процевский

Киевский госуниверситет

ПРАВО НА ТРУД И СОДЕРЖАНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Развитие социализма на своей собственной основе все полнее раскрывает преимущества социалистического образа жизни, при котором трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний. Будучи обществом подлинной демократии, развитое социалистическое общество обеспечивает эффективное сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом.

Диалектика социалистического общества такова, что все общественные богатства и благополучие каждого советского человека создаются трудом; общественное производство развивается для обеспечения *полного* благосостояния и *свободного всестороннего* развития *в с е х* членов общества [1, с. 232]. В качестве высшей цели общественного производства при социализме Конституция СССР провозгласила наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей

людей. Опираясь на творческую активность трудящихся, социалистическое соревнование, достижения научно-технического прогресса, государство обеспечивает рост производительности труда, повышение эффективности производства и качества работы, динамическое, планомерное и пропорциональное развитие народного хозяйства. Устойчивое и динамическое развитие всех отраслей общественного производства дало возможность не только закрепить в Основном Законе СССР широкий комплекс социально-экономических прав, но и обеспечить их реализацию прочными гарантиями [2, с. 71].

Среди всего комплекса социально-экономических прав особое место занимает право на труд. Это объясняется не только тем, что осуществленное право на труд выступает основой приобретения всех других трудовых прав и обязанностей, но и тем, что право на труд, во-первых, означает возможность получения гарантированной государством работы; во-вторых, его реализация обеспечивает благосостояние каждого советского человека и всего общества; в-третьих, оно служит источником проявления трудовой активности, призвания, способности, профессиональной подготовки и определения положения человека в обществе; в-четвертых, в сочетании с обязанностью трудиться право на труд служит базой для осуществления контроля над мерой труда и потребления.

Исходя из значения права на труд в условиях развитого социалистического общества, Конституция СССР определила его как право на получение гарантированной работы с оплатой в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, — включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей (ст. 40).

Конституция СССР 1977 г. в отличие от ранее действовавшей Конституции в качестве элементов права на труд включает право на выбор профессии, рода занятий и работы. Известно, что право на труд есть реально существующее право на получение гарантированной работы. Наряду с этим в его содержание входит право на выбор профессии, рода занятий и работы. Здесь уже речь идет не только о получении работы, а о ее выборе. Как же следует понимать необходимость включения этих элементов в содержание права на труд. В такой редакции права на труд заложен глубочайший смысл, который раскрыт в преамбуле Конституции СССР: развитое социалистическое общество — это общество, в котором складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. Право на труд в СССР как право на получение гарантированной работы закреплено и реально осуществлено еще в 30-х годах, когда была полностью и навсегда ликвидирована безра-

ботица. Этот исторический факт был констатирован в Постановлении ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. С тех пор в СССР обеспечена полная занятость трудоспособного населения: в отдельных районах страны имеет место недостаток рабочей силы [8].

На этапе развитого социалистического общества созданы возможности не только обеспечить всех работой, но, что главное, работой в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием. Получить гарантированную работу для советского гражданина — само собой разумеющийся факт. Теперь он имеет право выбрать такую работу. В этом, по нашему мнению, главная суть новых элементов права на труд.

Право выбора работы, т. е. профессии, рода занятий и работы, которые соответствовали бы призванию, способностям и образованию работника, с одной стороны, повышает гарантии реализации права на труд, а следовательно, и стабильность трудовых правоотношений, с другой — служит стимулом добросовестного труда в избранной области общественно полезной деятельности. Выбор избранной работы в соответствии с призванием вдохновляет работника к творчеству, новаторству, служит не только основой соблюдения трудовой дисциплины, но и способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека. В этом проявляется также соотношение права на труд и обязанности трудиться, которая превращается в потребность человека, в дело чести.

Реализация права на труд обеспечивается путем заключения трудового договора о работе на конкретном предприятии. Трудовой договор — это не только юридический факт, не только правовая форма реализации права на труд, не только основание возникновения трудового правоотношения, но и соглашение о содержании трудового договора и в определенной части трудового правоотношения, для которого он служит основанием для возникновения. В этом состоит особенность трудового договора как юридического факта. Поэтому трудовой договор как соглашение содержит взаимные обязательства сторон. В частности, трудящийся обязуется выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности с подчинением внутреннему трудовому распорядку, а предприятие — выплачивать трудящемуся заработную плату и обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон.

Соотношение права на труд и трудового договора дает основание для утверждения, что в трудовом договоре как правовой форме реализации права на труд проявляются по существу те же элементы, что и в праве на труд. В трудовом договоре они трансформируются в конкретные права и обязанности, т. е.

приобретают характер субъективных прав и субъективных обязанностей. Например, право на труд в качестве элементов содержит право на выбор профессии, рода занятий и работы; реализовав право на труд в трудовом договоре, трудящийся уже обязуется выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности. В трудовом договоре, таким образом, конкретизируется специальность или квалификация в пределах той или иной профессии. Конкретизация содержания трудового договора в дальнейшем играет важную роль, например, при решении вопроса о переводе в случае производственной необходимости или в связи с применением меры дисциплинарного взыскания, при перемещении на другое рабочее место и т. д.

Законодательство о труде запрещает требовать от рабочего или служащего выполнения работы, не обусловленной трудовым договором. Теперь это положение прямо вытекает из нового содержания права на труд, в котором закреплено право рабочих на выбор профессии, рода занятий и работы. Перевод на другую работу, т. е. изменение условий договора или существенных условий труда, допускается только с согласия рабочего или служащего, за исключением случаев временного перевода в связи с производственной необходимостью. Только в случае производственной необходимости допускается перевод на другую работу, не обусловленную трудовым договором, т. е. без соблюдения условий о роде занятий и работы. Поэтому в законодательстве о труде указаны случаи такого перевода. Что же касается перевода в связи с простым или применением меры дисциплинарного взыскания, то он возможен только с соблюдением условия о специальности, квалификации в пределах определенной профессии [6, 1971, № 6; 1974, № 3; 1976, № 5]. В то же время не считается переводом на другую работу перемещение рабочего или служащего на другое рабочее место на том же предприятии без изменения специальности и квалификации в пределах определенной профессии, должности и других существенных условий трудового договора (размера и системы оплаты труда, льгот, преимуществ и т. д.). Вопрос о том, что считается существенными условиями, разрешается в каждом отдельном случае, исходя из конкретных обстоятельств. Само понятие «существенное условие» следует признать оценочным [3, с. 21].

В содержание права на труд включается и оплата труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного минимума. Трудовой договор конкретизирует данный элемент права на труд: предприятие обязуется выплачивать трудящемуся заработную плату.

Таким образом, в трудовом договоре в концентрированной форме выражается воля трудящегося выполнять работу по определенной специальности, квалификации и получать за свой

труд заработную плату в соответствии с его количеством и качеством и воля предприятия предоставить с учетом общественного интереса такую работу, выплачивать заработную плату и обеспечивать надлежащие условия труда. Взаимообусловленность содержания права на труд и трудового договора позволяет говорить о единстве системы гарантий, обеспечивающих как реализацию права на труд, так и заключение трудового договора. Еще с большей силой эти гарантии проявляются в связи с расширением содержания права на труд в новой Конституции СССР. В трудовом договоре важное, решающее значение имеет условие о специальности, квалификации, должности в пределах определенной профессии, а также о роде занятий и работе. Сопоставляя такие понятия, как профессия, специальность, квалификация, род занятий и работы, необходимо указать, что они хотя и содержат общую смысловую основу, но тем не менее имеют различный прикладной характер.

Профессия (*professio* — *лат.*) означает определенный, сложившийся и устоявшийся вид трудовой деятельности, для выполнения которой требуется наличие у трудоспособного работника соответствующего объема знаний, навыков и умения. Профессия в известном смысле есть результат разделения труда. Поэтому дальнейшее развитие и совершенствование труда привело к внутренней классификации, но в пределах данного вида трудовой деятельности. Результатом этой классификации внутри определенной профессии стала специальность.

Специальность — это отдельная область трудовой деятельности, рассматриваемая и как вид определенной профессии, и как комплекс теоретических знаний и практических навыков, необходимых для выполнения того или иного рода занятий или работы. Необходимость внутренней классификации профессий в условиях научно-технического прогресса диктуется стремлением более эффективной работы. Специальность отличается от понятия должности. Должность прежде всего предопределяет границы компетенции работника, т. е. круг его обязанностей, права и ответственность, тогда как специальность характеризует род трудовой деятельности, требующий определенных знаний и навыков, приобретаемых путем специального образования или практического опыта. Поэтому в наименовании должности работника должен отображаться характер выполняемой работы независимо от специализации предприятия, в котором он работает [7, 1967, № 11, с. 10—11]. В ст. 21 КЗоТ УССР, в которой определяются стороны и содержание трудового договора, должность значится в одной плоскости с такими понятиями, как специальность и квалификация. Полагаем, приведенная формулировка статьи объясняется стремлением законодателя разграничить категорию работников на рабочих и служащих, тем более что в данной статье КЗоТ речь идет о трудящемся как стороне трудового договора.

Квалификация (*qualificatio* — лат.) означает степень качества труда, работы. Применительно к трудовому праву квалификацию как и специальность следует рассматривать с двух сторон: с точки зрения самой работы и уровня квалификации работника, его отношения к труду, т. е. объективной и субъективной. Квалификация работы характеризуется определенными требованиями (критериями), для выполнения которых работник должен обладать соответствующими знаниями и навыками. На квалификацию работы влияют степень ее сложности, точности, ответственности, общественное значение и т. п. Квалификация работника — это уровень его подготовки, степень его знаний, которые позволяют ему выполнять работу соответствующей квалификации. Определение этого уровня осуществляется квалифицированными комиссиями. Именно этот этап в установлении квалификации имеет существенное значение для трудового права, как с точки зрения определения соответствия знаний и навыков работника определенной работе, так и последствий повышения или понижения его квалификации.

Что касается понятий «род занятий» и «работы», которые содержатся в ст. 40 Конституции СССР и в законодательстве о труде, то они, с нашей точки зрения, являются обобщающими. «Работа», равно как и «занятие», выражает, с одной стороны, факт, момент и период функционирования трудовой способности по конкретной профессии или специальности. Работа и занятие (синонимы) — равнозначны форме жизнедеятельности рабочего или служащего в период выполнения им своих трудовых обязанностей. С другой стороны, работа и занятие — это и сама деятельность рабочего или служащего. Необходимость выяснения этих понятий диктуется различными причинами. Для нас это объясняется тем, что новое содержание права на труд со значительно повышенными гарантиями его реализации ставит вопрос о повышении гарантий стабильности не только трудового договора в целом как формы реализации права на труд, но и отдельных его условий. В частности, пределы реализации администрацией возможности изменения условий договора о роде работы, в том числе и в виде отстранения от работы.

В трудовом договоре реализуется не только обязанность работника выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности (что равнозначно реализации права на получение гарантированной работы), но и проявляется его воля в выборе профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой и образованием. Это второе условие ставит перед наукой трудового права проблему разработки примерного и в то же время строго ограниченного перечня жизненных обстоятельств (оснований), наступление которых давало бы администрации право ставить вопрос о временном изменении рода занятий или работы.

При этом право на труд остается непоколебимым, изменяется только один из его элементов — право выбора работы и профессии. Изменение одного из условий договора посредством отстранения рабочих и служащих от работы допускается только в исключительных случаях, предусмотренных законодательством о труде. Заметим, речь идет не о прекращении трудового договора, а об отстранении от определенного в договоре рода занятий или работы, т. е. от выполнения трудовых обязательств. Поскольку затрагивается такое условие трудового договора, как обязанность выполнения работы, то, следовательно, в соответствии со ст. 90 КЗоТ УССР не выплачивается заработная плата.

Причиной изменения условий договора в виде отстранения от работы, как правило, являются изменения в личностной характеристике работника (волевой момент), и поэтому в конечном счете затрагиваются условия трудового договора (объективный момент). Так, за нарушение правил движения Госавтоинспекция лишила шофера Т. водительских прав сроком на шесть месяцев. Т. не мог выполнять работу, обусловленную в трудовом договоре, и поэтому был отстранен от работы до окончательного решения вопроса. Администрация предприятия приняла решение об увольнении его с работы. Поскольку увольнение по п. 2 ст. 40 КЗоТ допускается только в случае, если невозможно перевести работника с его согласия на другую работу, Т. был переведен на ремонтные работы. Отстранение от работы, таким образом, затронуло лишь одно условие — род работы. Но оно не нарушило общего принципа права на труд, т. е. права на получение гарантированной работы, как не нарушается этот принцип и при увольнении с работы.

Итак, наличие у гражданина способности трудиться позволяет ему реализовать право на труд. Наличие же у работника определенной профессии, специальности и квалификации дает ему возможность выбрать определенную работу. Выбору определенного рода занятий или работы соответствует обязанность администрации по организации труда. В силу п. 12 Типовых правил внутреннего трудового распорядка администрация обязана организовать труд рабочих и служащих так, чтобы каждый из них работал по своей специальности и квалификации.

Таким образом, новым элементам права на труд соответствует обязанность администрации организовать работу по специальности и квалификации, имеющихся у работников. И только в исключительных случаях, предусмотренных в законодательстве о труде и связанных, как правило, с личностной характеристикой работника, администрация приобретает право на изменение этого условия трудового договора. По общему правилу, предписания об изменении условий договора о специальности, квалификации, должности в виде отстранения от работы

исходят от уполномоченных на то органов. Предприятие как сторона трудового договора выступает исполнителем воли органов, наделенных правом требовать отстранения от работы.

Гарантии права на труд, находящие проявление в законодательном закреплении оснований перевода на другую работу, прекращении трудового договора и отстранения от работы не позволяют согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что круг лиц, обладающих правом отстранять от работы, и круг лиц, обладающих дисциплинарной властью, во многом (но не полностью) совпадает [5, с. 327]. В качестве основания такого вывода делается ссылка на ст. 38 КЗоТ РСФСР (ст. 46 КЗоТ УССР), в силу которой работника, появившегося на работе в нетрезвом состоянии, администрация предприятия не допускает к работе в этот день (смену). Анализ ч. II ст. 38 КЗоТ РСФСР почему-то делается без сопоставления с ч. I этой же статьи, в силу которой отстранение рабочего или служащего от работы (должности) с приостановкой выплаты заработной платы может производиться только по предложению уполномоченных на то органов в случаях, предусмотренных законодательством о труде.

Сопоставление ч. I и ч. II ст. 38 КЗоТ РСФСР свидетельствует о различии понятий отстранения от работы и недопущения к работе работника, появившегося на работе в нетрезвом состоянии. Отстранение от работы и недопущение к работе отличаются по их отношению к условию договора о специальности, квалификации, должности. При отстранении от работы это условие трудового договора, как общее правило, изменяется; при недопущении к работе работника, появившегося на работе в нетрезвом состоянии, условие о специальности, квалификации не затрагивает, а лишь отодвигает время исполнения трудовых обязанностей. В литературе предпринята попытка разграничить эти понятия по сроку [4, с. 33].

Разграничение понятий отстранения от работы и недопущения к работе работника, появившегося на работе в нетрезвом состоянии, необходимо еще и потому, что законодательство о труде устанавливает высокие гарантии стабильности трудовой функции. Собственно, эти гарантии в конечном счете проявляются и в гарантиях стабильности самого трудового договора, чем можно объяснить отказ законодателя от перевода на другую работу независимо от специальности и квалификации при применении меры дисциплинарного взыскания, которое было введено в ноябре 1966 г. и отменено в 1970 г. Смысл ограничения возможностей администрации на изменение условий о характере трудовой деятельности следует расценивать как повышение гарантий стабильности трудового договора и, следовательно, как проявление свободы труда в условиях социалистического способа производства.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова. — Полн. собр. соч., т. 6, с. 212—235. 2. Брежнев Л. И. О Конституции СССР. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1977. 93 с. 3: Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве. — Сов. государство и право, 1970, № 7. 4. Комментарий судебной практики за 1974 г. М., Юрид. лит., 1975. 285 с. 5. Пашков А. С., Семенов В. И., Уржинский К. П. Законодательство о труде. Минск, Наука и техника, 1972. 351 с. 6. Бюл. Верховн. Суда СССР. 7. Бюл. Госкомтруда СССР. 8. Правда, 1979, 20 янв.

П. Р. Стависский, канд. юрид. наук

Одесский госуниверситет

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПОНЕСЕННОГО РАБОТНИКОМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТИ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ УЩЕРБА, УГРОЖАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЮ, ПО СОВЕТСКОМУ ТРУДОВОМУ ПРАВУ

На всех граждан СССР ст. 61 Основного Закона возлагает обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность, бережно относиться к народному добру. Это конституционное положение конкретизируется в трудовых отношениях нормами трудового права. Рабочие и служащие должны беречь социалистическое имущество при исполнении трудовых функций, бережно относиться к оборудованию предприятия, сырью, материалам, спецодежде и т. п. Эти обязанности неверно понимать только как воздержание от причинения ущерба имуществу своего предприятия. Они имеют и другой аспект. Сохранять социалистическое имущество одновременно означает и предотвращать угрожающий ему и другим имущественным интересам предприятия ущерб. Именно так, очевидно, необходимо толковать указание ст. 5 Положения о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации [5], возлагающей на работника обязанность принимать меры к его предотвращению. Такое положение впервые прямо отражено в правовой норме, причем относящейся к трудовому праву. Эту обязанность следует считать элементарным содержанием трудового правоотношения.

Отметим, что обязанность рабочего и служащего предотвращать ущерб, угрожающий предприятию, может реализовываться по-разному. Во-первых, работник должен выполнять свои обязанности так, чтобы не допускать порчи, поломки, уничтожения оборудования, инструментов, приборов, спецодежды, сырья и материалов; возникновение обстоятельств, при которых со стороны предприятия потребуются излишние или штрафные выплаты; выпуск бракованной продукции и т. д. Во-вторых, работать добросовестно, экономно, эффективно использовать машины, станки, инструменты. В-третьих, совершать определенные действия в случаях, когда предприятию непосредственно может быть на-

несен ущерб. Здесь уже речь идет не только о простом исполнении своих трудовых функций, но и о чрезвычайных обстоятельствах: стихийное бедствие, пожар, авария, нападение преступников и т. п. Однако такую обязанность не следует отрывать от норм трудового права, обеспечивающих охрану труда. Поэтому от работника можно требовать совершения действий по предотвращению ущерба, угрожающего предприятию, только в том случае, если его жизни и здоровью не угрожает опасность, ибо в соответствии со ст. 153 КЗоТ УССР администрация не вправе обязывать работника выполнять работу, сопряженную с явной опасностью для жизни, а также в условиях, не отвечающих законодательству об охране труда. Следовательно, обязанность рабочего и служащего предотвращать ущерб, угрожающий предприятию, носит правовой характер только в указанных пределах. Ее наличие влечет определенные правовые последствия, установленные законом. Так, согласно ст. 33 КЗоТ УССР администрация имеет право переводить рабочих и служащих на срок до одного месяца на безусловленную трудовым договором работу на том же предприятии или на другое предприятие в той же местности с оплатой труда по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе, если это необходимо для устранения стихийного бедствия, производственной аварии или их последствий, предотвращения несчастных случаев, простоя, гибели или порчи государственного или общественного имущества и т. п. Такой перевод по существу является переводом для исполнения обязанности по предотвращению ущерба, угрожающего предприятию. Отказ без уважительных причин от этого перевода считается нарушением трудовой дисциплины.

В соответствии со ст. 8 Положения о материальной ответственности (п. 2 ст. 133 КЗоТ УССР) руководящие работники предприятий и их заместители несут материальную ответственность за непринятие мер к предотвращению ущерба.

Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 15 суд при определении возможности уменьшения размера возмещения причиненного ущерба, взыскиваемого с работника, помимо степени вины, конкретных обстоятельств и его материального положения должен также учитывать, принимал ли он зависящие от него меры к предотвращению ущерба [6, с. 281]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что предотвращение ущерба, угрожающего предприятию, является трудовой обязанностью рабочего или служащего в пределах, предусмотренных нормами об охране труда. Как исполнение этой обязанности, так и ее нарушение влечет определенные юридические последствия.

Однако иногда возникают ситуации, при которых предотвращение вреда, угрожающего предприятию, связано с совершением определенных действий в условиях опасности для жизни

и здоровья работника. Это может оцениваться только как выполнение им своих моральных обязанностей перед предприятием, как проявление высокой сознательности. Такие действия совершаются только добровольно. И тогда, когда работник исполняет свои обязанности по предотвращению вреда в рамках правил по технике безопасности, и тогда, когда это делается в условиях большой опасности, возможно возникновение у него определенного ущерба в виде как увечья или иного повреждения здоровья, так и порчи или уничтожения его личного имущества или вещей. В отдельных исключительных случаях, как показывает практика, возможна и гибель работника. Вот несколько примеров такого рода.

При ликвидации лесного пожара погибли работники Тюменского лесхоза помощник лесничего Пандырев, тракторист Пальянов, лесники Сергазинов и Шаркунов [9, 1975, 27 сент.]. Тяжелые ранения получили старший помощник капитана танкера «Новороссийский партизан» Ушатый [10] и боцман плавучего консервного завода «Мария Поливанова» Горюшкин [11], когда в штормовых условиях обрубил швартовые своих судов для их спасения. Два часа в ледяной воде работали водопроводчик Мачуха, мастер Старостенко и начальник цеха Плеханов, чтобы ликвидировать аварию на Ждановском заводе «Азовсталь» [9, 1976, 14 апр.]. На Череповецком металлургическом заводе произошла авария блока, в котором получают кислород методом глубокого охлаждения воздуха. Для ремонта требовалась остановка блока на пять суток, что влекло большой ущерб для завода. Слесари Масленников, Содемчук, Михайлов вызвались отремонтировать блок в кратчайший срок. Работая при температуре минус 120 градусов, они устранили неисправность за четыре часа [8].

Приведенные примеры показывают, что при совершении действий по предотвращению вреда, угрожающего предприятию или его интересам, у работника может возникнуть материальный ущерб. В связи с этим немаловажное значение приобретает вопрос о возмещении пострадавшему понесенного ущерба.

Нужно указать, что законодательство о социальном обеспечении и социальном страховании учитывает подобные ситуации. Согласно п. «а» ст. 33 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий [7] инвалидность рабочего или служащего считается наступившей вследствие трудового увечья, если несчастный случай, вызвавший инвалидность, произошел при совершении каких-либо действий в интересах предприятия, учреждения или организации, хотя бы и без поручения администрации. При таких обстоятельствах, как известно, пенсии по инвалидности назначаются на льготных условиях. Аналогично решается вопрос и при назначении пособий по государственному социальному страхованию, в частности пособий по временной нетрудоспособности, в соответствии с Приложением № 2 к п. 63 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию. Однако выплаты из средств социального обеспечения и социального

страхования не всегда полностью возмещают ущерб. Поэтому представляет интерес вопрос о возмещении материального ущерба за счет предприятия, учреждения, организации. Трудовое законодательство ответа на него не дает. Вне зависимости от взгляда на отраслевую принадлежность ст. 456 ГК УССР она не может служить основанием возмещения ущерба в рассматриваемой ситуации, как и ее подзаконный акт, Правила возмещения ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой. Непременным условием ответственности предприятия по ст. 456 ГК УССР является, как известно, его вина в причинении своему работнику ущерба. В нашем же случае повреждение здоровья работника — следствие его собственных действий независимо от вины предприятия, от нарушения им каких-то обязанностей. Отсутствует причинная связь между понесенным работником ущербом и действиями предприятия. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в подобных случаях рабочие и служащие нередко нарушают правила охраны труда, добровольно подвергая себя опасности.

Отсутствие специального нормативного регулирования возмещения работником ущерба, понесенного при предотвращении вреда, угрожающего интересам предприятия, ставит в затруднительное положение суды, на рассмотрение которых попадают такие дела, а также хозяйственные организации. В литературе излагалось судебное дело по иску Фурсенко к Орскому гормолзаводу о возмещении ущерба в связи с увечьем. Заводской шофер Фурсенко добровольно выехал в пургу в совхоз за молоком для завода. В пути из-за плохой видимости его машина сорвалась в старое русло реки, и он получил увечье, став инвалидом второй группы. Народный суд удовлетворил иск Фурсенко. Оренбургский областной суд оставил решение в силе и указал: «Из материалов дела видно, что истец выполнил распоряжение администрации, имея в виду обеспечить снабжение гормолзавода сырьем, а население города — молоком, сознательно пошел на риск — выехал в пургу в степной совхоз и получил увечье. Поступок истца хотя и не может быть поставлен в вину администрации, однако ущерб не может быть возложен и на самого истца, так как истец рисковал не в своих интересах, а в интересах производства, в общественных интересах, причем действия истца, повлекшие причинение вреда, не содержали серьезных просчетов» [2, с. 37].

По этому и другим аналогичным делам суды в своих решениях не ссылались на нормы материального права, удовлетворяя иски потерпевших: Однако сомнений в правильности и справедливости таких решений не возникает, если оценивать их на основе общих принципов трудового права. Но все же В. В. Лазарев назвал такую практику незаконной, ибо, по его мнению, она противоречит ст. 91 Основ гражданского законодательства [3,

с. 100]. С его утверждением трудно согласиться. Решение таких дел не может соответствовать ст. 91 Основ (ст. 456 ГК УССР), поскольку характер и природа рассматриваемых отношений и отношений, регулируемых ст. 456 ГК УССР, принципиально различаются. Кроме того, В. В. Лазарев считает неправильным и применение к подобным случаям аналогии права, ибо это, с его точки зрения, «исправляет» ст. 91 Основ, что относится к компетенции только законодательных органов [3, с. 101]. И эта позиция вызывает возражения.

Действительно, ст. 456 ГК УССР может быть применена в тех случаях, когда работник предпринимает действия по предотвращению ущерба в рамках прямого исполнения своих трудовых обязанностей, когда администрация должна обеспечить ему в силу требований закона здоровые и безопасные условия труда, а за необеспечение таких условий она несет материальную ответственность по указанной статье. Иное положение создается, если работник, исполняя свои обязанности, добровольно ставит себя в опасность во имя предотвращения вреда, угрожающего предприятию. Как уже отмечалось, здесь отсутствует неправомерность в действиях администрации и вина в возникновении ущерба у работника, а также причинная связь между противоправными действиями (бездействием) предприятия и возникшим вредом. Нет и состава трудового имущественного правонарушения, являющегося основанием привлечения предприятия как субъекта трудового правоотношения к материальной ответственности. Следовательно, применить ст. 456 ГК УССР здесь нельзя.

Некоторые авторы полагают, что подобные случаи должны квалифицироваться по ст. 95 Основ (ст. 467 ГК УССР), регулирующей возмещение вреда, понесенного гражданином при спасении социалистического имущества [4, с. 4]. Едва ли можно с этим согласиться. Прежде всего ст. 95 Основ — это норма гражданско-правовая, а рассматриваемые отношения трудовые. Хотя подобные действия и совершаются добровольно, но они находятся в непосредственной связи с исполнением трудовых обязанностей и осуществляются в интересах предприятия. Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что рабочий или служащий является членом трудового коллектива данного предприятия, участвует в управлении производством и в силу этого рассматривает свои действия как продолжение исполнения трудовых и моральных обязанностей по отношению к предприятию, интересы которого совпадают с его коренными материальными и моральными интересами. Все это свидетельствует о том, что невозможно оторвать добровольные действия работника по предотвращению вреда, угрожающего предприятию, от его трудовых отношений с ним и от исполнения им трудовых обязанностей.

Ст. 95 Основ не может быть прямо применена еще и потому, что она регулирует возмещение вреда, понесенного гражданином

только при спасании социалистического имущества. Здесь же речь идет о предотвращении ущерба в самом широком плане (аварий, простоев, гибели или повреждения здоровья других рабочих и служащих, вредных последствий стихийного бедствия и т. д.). Поэтому проблему невозможно решить ни использованием ст. 467 ГК УССР, ни включением в трудовое законодательство нормы, аналогичной этой статье. Нужны, очевидно, более радикальные пути.

В литературе было выдвинуто предложение дополнить ст. 91 Основ (ст. 456 ГК УССР) указанием на то, что вне зависимости от вины организация-страхователь потерпевшего должна возместить ущерб, причиненный работнику в связи с исполнением им своих трудовых обязанностей, когда он сознательно, с целью лучшего выполнения производственных задач или в интересах общества поставил себя в опасное положение [1, с. 30]. Думается, что это предложение неприемлемо. Во-первых, речь должна идти о дополнении трудового, а не гражданского права. Во-вторых, ст. 456 ГК УССР, как уже указывалось, имеет в виду материальную ответственность предприятия в случае совершения правонарушения; в нашем же случае правонарушение с его стороны отсутствует. Обязанность возмещения должна быть возложена на предприятие вне зависимости от его вины в качестве меры защиты субъективных прав работника. Основанием применения такой меры являются самоотверженные действия работника, направленные на предотвращение вреда, угрожающего предприятию и его интересам. В силу подобной природы этих отношений их регулирование не охватывается и не может охватываться ст. 456 ГК УССР даже с соответствующим дополнением.

Таким образом, можно заключить, что ущерб, понесенный рабочим или служащим при предотвращении вреда, угрожающего предприятию, подлежит возмещению со стороны последнего; правовая связь, возникающая в таких случаях, имеет трудовую природу и является элементом трудового правоотношения; назрел вопрос о дополнении трудового законодательства нормой, которая бы регулировала возмещение предприятием вреда, понесенного работником при предотвращении ущерба, угрожающего предприятию и его интересам. Это возмещение должно носить характер меры защиты субъективных прав работника и не обуславливаться совершением правонарушения предприятием.

Как же следует решать вопрос о возмещении понесенного работником ущерба в настоящее время, до восполнения указанного пробела в трудовом праве? Представляется, что наиболее правильным будет использование в субсидиарном порядке ст. 467 ГК УССР. По целому ряду признаков рассматриваемые действия работников в интересах своего предприятия сходны с действиями граждан по спасанию социалистического имущества, не-

смотря на отмеченные выше принципиальные различия. Социальные корни и тех и других действий однородны. Возмещение вреда, понесенного при спасании социалистического имущества, также не является формой юридической ответственности, а носит характер меры защиты.

В заключение формулируем условия, необходимые для возложения на предприятие обязанности по возмещению вреда в этих случаях.

1. Возникновение угрозы имуществу или иным интересам предприятия. Под угрозой понимается возможность возникновения ущерба. Необходимость совершения действий с целью предотвращения вреда должна вытекать из реально сложившейся обстановки, т. е. если угроза действительна и налична. Не имеет значения происхождение угрозы. Она может быть обусловлена действием стихийных сил природы, виновным действием (бездействием) каких-либо лиц, неправильными действиями администрации или работников предприятия и т. д. Правовое значение в данном случае имеет только такая угроза, которая создала вероятность повреждения или уничтожения имущества предприятия, возможность остановки работы предприятия или его подразделений, невыполнения плановых заданий, выпуска недоброкачественной продукции, аварии, простоя, повреждения здоровья работающих.

2. Возникновение у работника имущественного ущерба. Имеется в виду ущерб, возникший вследствие повреждения здоровья или смерти работника. Вместе с тем подлежит возмещению и учету также ущерб, который понес работник в связи с повреждением или уничтожением его личных вещей, иного имущества. Этим предлагаемая норма будет отличаться, в частности, от ст. 456 ГК УССР, предусматривающей возмещение только вреда, причиненного здоровью работника.

3. Совершение работником действий, направленных на предотвращение угрожающего предприятию ущерба, в связи с исполнением трудовых обязанностей.

4. Причинная связь между действиями работника по предотвращению вреда и понесенным им ущербом.

Обязанность предприятия возместить ущерб, понесенный рабочим или служащим, возникает при наличии всех четырех условий.

В случаях возникновения спора по поводу возмещения понесенного в подобных ситуациях ущерба целесообразно установление такого же порядка его рассмотрения, как и по спорам о возмещении ущерба в связи с увечьем или иным повреждением здоровья, причиненным по вине предприятия, т. е. в ФЗМК и суде.

Список литературы: 1. *Боровик Е.* Возмещение вреда, полученного работником в результате рискованных действий. — Сов. юстиция, 1970, № 15, с. 29—30. 2. *Васильев Ю.* Убеждение и воспитание в судебной деятельности. — Соц. законность, 1959, № 9, с. 35—39. 3. *Лазарев В. В.* Разрешение гражданских дел при отсутствии закона, регулирующего спорное отношение. — Правоведение, 1973, № 6, с. 99—106. 4. *Седугин П.* Обязательства, возникающие при спасении социалистического имущества. — Сов. юстиция, 1963, № 17, с. 3—5. 5. Ведомости Верховного Совета СССР, 1976, № 29, ст. 427. 6. СП Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 1. М., Известия, 1978, 7. СП СССР, 1972, № 17, ст. 86. 8. Известия, 1976, 20 янв. 9. Труд. 10. Сов. Крым, 1977, 20 марта. 11. Веч. Одесса, 1977, 8 февр.

**ДОПЛАТЫ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО
НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ И ПОВЫШЕНИЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА**

Успешное решение задач десятой пятилетки, обеспечение непрерывного роста социалистической экономики, поиск наиболее эффективных путей достижения высоких конечных результатов общественного производства и качества работы [9], выполнение программы социального развития и повышения уровня жизни народа, намеченной XXV съездом КПСС, постановлениями Пленумов ЦК КПСС и нашедшей отражение в Конституции СССР, неразрывно связаны с дальнейшим совершенствованием системы оплаты труда. На XXV съезде КПСС указывалось, что следует усилить стимулирующую роль зарплаты рабочих и служащих в росте производительности труда, ускорении научно-технического прогресса, повышении качества продукции и снижении ее себестоимости, максимальном использовании интенсивных факторов экономического роста [2, с. 217]. В этом воплотилась ленинская идея о роли распределения при социализме, о том, что «когда речь идет о распределении продовольствия... нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства» [1, с. 359].

Во исполнение решений XXV съезда партии ЦК КПСС Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли совместное постановление, в котором не только повышалась заработная плата ряду категорий рабочих и служащих, но и решались ключевые проблемы развития тарифной системы. Большое внимание уделялось и стимулированию повышения рабочим и служащим своего профессионального мастерства [9], которое не только дает работнику удовлетворение в его деятельности, труде, вызывает чувство гордости своим умением, уважение товарищей, почет [3, с. 31], но и способствует росту эффективности и качества работы.

Действующая тарифная система в целом обеспечивает материальную заинтересованность рабочих и служащих в повышении ими производительности труда, качества продукции, снижении ее себестоимости, укреплении дисциплины. Она достигается увеличением тарифных ставок по мере роста квалификации работника и присвоения ему в установленном порядке соответствующего квалификационного разряда. Вместе с тем не во всех условиях тарифная система является достаточно гибкой. Она устанавливает повышение тарифной ставки лишь при присвоении работнику более высокого разряда квалификации. Однако это может иметь место по прошествии достаточно продолжительного времени работы, а именно: после приобретения таких тех-

нических и экономических знаний, производственного опыта и навыков, необходимых для овладения передовой техникой, научной организацией труда, высокопроизводительными методами выполнения сложных и ответственных работ, которые тарифицируются по более высокому квалификационному разряду [7]. Тем не менее еще не достигнув таких знаний и опыта, которые тарифицируются по более высокому разряду, работник может существенно повысить свое профессиональное мастерство по уже присвоенному ему квалификационному разряду, т. е. совершенствовать трудовые навыки и опыт, сократить затраты рабочего времени на выполнение принятой им на себя работы, улучшить качество ее выполнения. О повышении профессионального мастерства могут свидетельствовать также производство более сложных работ по присвоенному работнику разряду, экономия им сырья, материалов, инструментов, электроэнергии и т. п. Однако тарифная ставка остается неизменной вплоть до присвоения ему очередного тарифно-квалификационного разряда. Сдельщик вследствие указанных выше факторов имеет возможность перевыполнить установленную для него норму труда и тем самым увеличить свою заработную плату. Однако у временно оплачиваемого рабочего оплата труда при таких условиях остается неизменной вплоть до присвоения ему нового разряда квалификации.

Таким образом, наблюдается известное несоответствие между возросшим уровнем профессионального мастерства у временно оплачиваемого работника и оплатой его труда по тарифной ставке присвоенного ему разряда. Тем самым не обеспечивается достаточный и своевременный материальный стимул к дальнейшему совершенствованию им трудовых навыков и опыта, повышению качества работ, выполнению более сложных работ, повышению технологической, трудовой дисциплины и т. д. Это может усугубляться такими обстоятельствами, как несвоевременная сдача квалификационного экзамена, отсутствие на предприятии работы по более высокому тарифно-квалификационному разряду и т. п. Поэтому в последние годы предприятия ищут способы более эффективного использования тарифной системы. Уже имеется опыт целого ряда объединений и предприятий, особенно с массовым поточным производством, высоким уровнем автоматизации и механизации [4, с. 26], в частности Волжского автомобильного завода [8], Калининской и Тираспольской швейных фабрик [6, 1973, № 3, с. 3] и др. Это опыт учета при организации оплаты труда наряду с другими факторами, такими, как условия труда, установление работнику нормированных заданий, снижение им трудоемкости операций, повышение производительности труда и др., прежде всего повышения работником своего профессионального мастерства.

В чем же он состоит? Что означает понятие профессионального мастерства? Какова правовая природа доплат, основание,

условия, размеры, срок и порядок их выплаты?

Профессиональное мастерство — понятие, обладающее признаками лишь одному ему признаками. Оно отличается от других понятий, прежде всего от понятия профессиональной квалификации. Под профессиональным мастерством в пределах имеющейся у работника профессиональной квалификации понимается наличие у него более совершенных трудовых навыков, производственного опыта, умения с меньшими затратами рабочего времени более доброкачественно выполнять порученную ему работу, что позволяет ему в случае необходимости принять на себя выполнение операций или работы смежных профессий. Последнее особенно важно в условиях массового поточного производства, с высоким уровнем его автоматизации и механизации. Приведенный перечень признаков профессионального мастерства не может быть исчерпывающим. К нему можно было бы отнести также производство работником более сложных операций в пределах присвоенного ему разряда квалификации, экономное расходование сырья, материалов, инструментов, электроэнергии и т. д.

Характеризует ли профессиональное мастерство наличие всех этих признаков одновременно или достаточно одного или нескольких из них? Для него характерным может быть один, два или более признаков, в зависимости от условий труда и производства.

Показатели для определения степени профессионального мастерства на разных участках предприятия могут быть различными. Опыт Волжского автомобильного завода, Калининской и Тираспольской швейной фабрик свидетельствует, например, о том, что на поточно-массовом производстве не менее важным условием является освоение рабочим смежных операций. Поэтому критерием профессионального мастерства здесь, кроме всех прочих условий, будет количество освоенных им смежных профессий и качество их выполнения. В решениях XXV съезда КПСС особое внимание уделяется необходимости повышения наряду с эффективностью производства качества продукции. Поэтому требование обеспечения надлежащего качества стало неперенным показателем определения степени профессионального мастерства [5, с. 31—32]. Критерием оценки степени профессионального мастерства вспомогательных рабочих является выполнение помимо основных обязанностей также и дополнительных работ по данной профессии, необходимых для обеспечения всего комплекса работ на обслуживаемом участке.

Степень профессионального мастерства обуславливается не только уровнем совершенства трудовых навыков, качеством работы, сокращением сроков выполнения операций, экономным расходованием материалов, инструментов и т. д., но и освоением смежных профессий. Например, на Калининской и Тираспольской швейных фабриках степень профессионального мас-

терства, а значит, и размер доплат определяются следующим образом. В швейных цехах при освоении 40% разных смежных операций размер доплаты составляет 4% межразрядной разницы; 70% всех операций — 8%; 100% смежных операций — 10%; в закройно-подготовительных цехах и экспериментальном цехе при освоении двух, трех, четырех и более смежных профессий доплачивается соответственно 4, 8, 10% межразрядной разницы [6, 1973, № 3, с. 3].

Обычно степень профессионального мастерства определяется один раз в год, не чаще, исходя из того, что именно в течение этого срока у работника могут появиться те или иные признаки профессионального мастерства или более высокая его степень. Полагаем, что это правило не может не иметь исключений и что тот или иной работник, благодаря своей старательности, может достичь такого мастерства и ранее. Следовало бы в соответствующем положении отразить возможность установления работнику той или иной степени профессионального мастерства в порядке исключения и до истечения одного года после определения предыдущей степени профессионального мастерства. Это стимулировало бы проявление работником максимальной старательности, инициативы в порученном ему деле. В отличие от этого степень профессиональной квалификации обычно проявляется в течение более длительного срока и, как правило, после специального обучения.

Практика свидетельствует о том, что признание у работника наличия профессионального мастерства допускается только начиная со второго разряда профессиональной квалификации. Полагаем, что такое ограничение необоснованно, так как любой работник, даже первого разряда, может иметь более совершенные трудовые навыки, доброкачественнее, чем другие работники того же разряда, выполнять работу и т. д., а следовательно, овладеть известной степенью профессионального мастерства.

Профессиональное мастерство — это качество, которого работник достиг в результате своей старательности, внимания, инициативы, заботы при выполнении принятой на себя по договору работы. Ослабление этой старательности, внимания и т. д. может привести к временной или длительной утрате данных качеств. В таком случае его нельзя будет отнести к числу лиц, обладающих профессиональным мастерством.

Профессионального мастерства могут достичь не все рабочие. У каждого из них имеется различные образование, призвание, способности, старательность, внимание, инициатива, опыт, дисциплинированность, стаж работы и т. д. Как показывает практика, таким мастерством обладает лишь около 15% работающих [4, с. 26]. На разных предприятиях этот процент может быть различным. Чтобы необоснованно не завышалось количество лиц, обладающих той или иной степенью профессионального

мастерства, положения обычно ограничивают их число по предприятию, цеху или участку 25%. Во всяком случае граница эта весьма подвижна. Установление степени профессионального мастерства зависит от единоличного усмотрения руководителя процесса труда. Такой порядок, однако, не исключает возможности субъективного подхода. Представляется, что в целях обеспечения большей объективности при решении этого вопроса следовало устанавливать степень профессионального мастерства в коллегиальном порядке. Одним из возможных путей его решения была бы передача соответствующего права квалификационной комиссии, которая бы рассматривала представление руководителя.

Степень профессионального мастерства следует отличать от степени профессиональной квалификации. Последняя означает наличие у работника не только определенного профессионального мастерства, но и таких технических и экономических знаний, методов выполнения более сложных и ответственных работ, которые квалифицируются по более высокому разряду, присваиваемому работнику квалификационной комиссией в предусмотренном законом порядке.

Наличие у работника профессионального мастерства означает появление у него таких профессиональных качеств, которые отсутствовали у него в момент присвоения ему тарифно-квалификационного разряда и которые не были и не могли быть учтены при определении ему тарифной ставки. Более доброкачественное производство работ, сокращение сроков их исполнения, постоянное выполнение смежных операций и т. п., естественно, должно найти отражение в оплате труда. Это и производится путем введения надбавок в виде доплат в процентном отношении к тарифной ставке. Для введения доплат недостаточно лишь достижения работником определенной степени профессионального мастерства. Необходимы еще и известные условия, а именно: выполнение определенной работнику нормы труда и соблюдение трудовой дисциплины. При отсутствии этих условий доплаты за профессиональное мастерство работнику установлены быть не могут. Поскольку профессиональное мастерство — это устойчивое качество работника, то и доплаты носят стабильный характер до тех пор, пока рабочий обладает такими качествами. Если он утратил их, то теряет право на надбавку частично или полностью в зависимости от степени утраты.

Величина надбавки должна соответствовать степени профессионального мастерства. Поскольку эта степень определяется ежегодно, также ежегодно устанавливается и размер надбавки. Опыт названных выше предприятий свидетельствует о том, что для рабочих 2-х — 3-х разрядов надбавка составляет в первый год работы не более 3, во второй — не более 6, в третий — не более 10% тарифной ставки; для рабочих 4-х — 6-х разрядов в первый год работы — не более 4, во второй — 8, в третий —

12% тарифной ставки. Во всех случаях доплата не может превышать разницы между тарифной ставкой более высокого разряда и разряда, присвоенного работнику. Доплаты к тарифным ставкам, а также дальнейшее их повышение до размеров, предусмотренных положением, устанавливаются в размере не более 4% тарифной ставки и не чаще одного раза в год. Эти надбавки не везде назначаются в одинаковом порядке. На одних предприятиях — начальником цеха по представлению мастера, на других — директором предприятий по представлению начальника цеха, согласованного с цеховым комитетом профсоюза после установления ими степени профессионального мастерства рабочего. Если бы эту степень определяла квалификационная комиссия, ее решение означало бы возникновение у работника субъективного права на надбавку. Такое решение вопроса о моменте возникновения субъективного права на надбавку отвечало бы более объективному установлению размера оплаты труда.

Снижение или утрата работником той или иной степени профессионального мастерства (отсутствие или снижение показателей), либо невыполнение установленной для него нормы труда, нарушение им трудовой дисциплины (отсутствие условий), либо то и другое вместе взятое является основанием для уменьшения или лишения работника надбавки. Такое уменьшение или лишение производится под контролем профсоюза — начальником цеха или директором предприятия с согласия ФЗМК.

Источником доплат за профессиональное мастерство является установленный предприятию фонд заработной платы. Быстрейшее освоение проектной трудоемкости продукции, производственной мощности предприятия, ускорение роста производства и производительности труда, качества продукции, привлечение и закрепление кадров — должны стать источником рационального расходования средств по фонду заработной платы и дать средства к выплате надбавок. Тем самым надбавки должны стать одним из стимулов к улучшению всех показателей в работе предприятия.

Поскольку надбавки к тарифным ставкам предполагают совершенствование организации труда и производства, то они вводятся министерствами и ведомствами СССР по согласованию с соответствующими ЦК профсоюзов на предприятиях с массовым поточным производством и высоким уровнем автоматизации. С 1979 г. комплексная система организации производства, труда, управления и заработной платы, элементом которой являются надбавки к тарифным ставкам за профессиональное мастерство, внедряется, в целях накопления опыта, в порядке эксперимента, в базовых производственных объединениях (комбинатах) и на предприятиях промышленности согласно перечню, утвержденному Госкомтруда СССР [6, 1979, № 7, с. 3—4]. Надбавки к тарифным ставкам за профессио-

нальное мастерство — элемент тарифной системы. Поэтому они входят в ту сумму, из которой начисляются все виды гарантийных и иных выплат, предусмотренных действующим законодательством.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Речь на III Всероссийском продовольственном совещании 16 июня 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 350—360. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, 256 с. 3. Брежнев Л. И. Возрождение. М., Политиздат, 1978. 62 с. 4. Архипов А., Егоров М. Стимулирование высокого качества в отрасли. — Соц. труд, 1976, № 7, с. 21—31. 5. Емельянова Е. Жизненность и действенность системы оплаты труда Волжского автомобильного завода. — Соц. труд, 1977, № 12, с. 27—33. 6. Бюл. Госкомтруда. 7. Бюл. нормативных актов, 1979, № 2, ст. 15. 8. Информ. бюл. ВЦСПС, 1974, № 5, с. 39—42. 9. Правда, 1976, 28 дек.

Т. Н. Губарь, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОННОЙ СИЛЫ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов граждан и социалистических организаций не ограничивается разрешением спора. Не менее важно исполнить или реализовать решение суда. Именно эти две стороны судебной деятельности составляют его правоохранительную функцию. Если бы исполнение решения не было гарантировано, то вся деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел утратила бы всякий смысл.

Проведению в жизнь судебного решения служит институт его законной силы. В процессуальной литературе этому вопросу уделяется должное внимание, но тем не менее он еще полностью не изучен. Прежде всего нуждается в уточнении само понятие законной силы судебного решения, так как именно здесь существует множество различных суждений. Так, М. Г. Авдюков [1, с. 137] и Д. И. Полумордвинов [2, с. 23] под законной силой судебного решения понимают его правовое действие, К. С. Юдельсон [3, с. 234] и Н. Б. Зейдер [4, с. 113] — обязательность, А. Ф. Клейнман [5, с. 90] — юридическое действие и общеобязательность, М. А. Гурвич [6, с. 199] — неизменяемость. Приведенные определения, как видно, сводятся к правовым последствиям, приобретаемым решением по вступлении в законную силу, что не может не вызвать возражений.

По справедливому замечанию В. М. Семенова, понятие «законная сила судебного решения» имеет самостоятельное определение и не может автоматически заменяться его правовыми последствиями [7, с. 246]. П. В. Логинов к определению законной силы решения подходит с другой позиции. Выражение «решение вступает в законную силу», по его мнению, употребляется условно для обозначения того, что решению придается си-

ла закона, на основании которого оно было вынесено. П. В. Логинов подчеркивает лишь степень обязательности решения, приравненной к обязательности закона [8, с. 94]. Таким образом, он отождествляет понятие «законная сила судебного решения» с понятием «решение вступило в законную силу». Между тем такое толкование законной силы судебного решения подрывает его авторитет и устойчивость.

Что касается вступления решения в законную силу, то здесь действительно необходимы определенные условия. Ими являются необжалование (неопротестование) решения в течение установленного срока после его вынесения, оставление его без изменения, если оно обжаловано, либо изменение или вынесение кассационной инстанцией нового решения в соответствии с п. 4 ст. 46 Основ гражданского судопроизводства, истечение срока (10 дней) на кассационное обжалование (опротестование). В случае обжалования (опротестования) решения оно вступает в законную силу по оглашении судом кассационной инстанции названных выше определений (ч. 1, ст. 39 Основ).

Решения Верховного Суда СССР, Верховных Судов союзных республик, а также народных судов по делам по жалобам на неправильности в списках избирателей, по жалобам граждан об административных штрафах и лишении водителей водительских прав вступают в законную силу немедленно после их оглашения.

Представляется более правильным понятие законной силы судебного решения определять через содержание его сущности как акта социалистического правосудия, раскрывающейся в том, что оно является властным актом, выраженным в форме подтверждения наличия или отсутствия прав и обязанностей сторон или охраняемых законом интересов граждан и социалистических организаций.

Властный характер предписания судом должного поведения сторон обусловлен, с одной стороны, властно-волевым содержанием применяемых судом норм материального и процессуального права при рассмотрении конкретного дела, а с другой — положением суда как органа государственной власти, наделенного полномочием применять в случае необходимости государственное принуждение в целях восстановления и защиты прав и охраняемых законом интересов [7, с. 234]. Само по себе властное предписание будущего поведения сторон не является самостоятельной целью решения, так как оно закреплено в норме материального права. Оно направлено на принудительное исполнение обязанностей ответчика (в исках о присуждении), если он не выполняет их добровольно. Кроме того, нужно иметь в виду, что судебное решение укрепляет социалистический порядок в государстве путем разрешения судом правовых споров между сторонами и вместе с тем воспитывает граждан в духе соблюдения законов и точного исполнения своих обязан-

ностей, выраженных в правовой норме, примененной судом в конкретном случае. В судебном решении личные интересы сочетаются с общественными. В силу этого оно приобретает огромное политико-воспитательное значение. Вся деятельность судов должна осуществляться в соответствии с поставленными Коммунистической партией Советского Союза задачами по искоренению правонарушений, воспитанию коммунистической сознательности граждан, укреплению правопорядка и законности на основе критического анализа своей работы [11, с. 49—50]. Все это также должно находить отражение в решении.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 февраля 1978 г. № 1 «Новая Конституция СССР и задачи дальнейшего совершенствования судебной деятельности» не случайно подчеркивает, что решения, выносимые судами, должны способствовать укреплению государственной, трудовой и производственной дисциплины, уважительному отношению к нуждам и запросам трудящихся, претворению в жизнь конституционных норм и воспитанию граждан в духе коммунистической нравственности [12, с. 9]. Поскольку решение суда всегда основывается на законе, то вступление его в законную силу означает действие закона, примененного судом в конкретном случае. Закон, реализуясь в судебном решении, не может не присваивать последнему силу, присущую самому праву. Олицетворением этой силы права и является законная сила судебного решения [2, с. 29]. Поэтому, вступив в законную силу, решение становится устойчивым и общеобязательным, как и закон, на основании которого оно вынесено.

Устойчивость судебного решения обеспечивается невозможностью неоднократного рассмотрения в суде одних и тех же требований и постановления по ним нескольких решений. Это качество законной силы решения придает устойчивый характер и подтвержденным правоотношениям. Вследствие этого все факты и правоотношения, установленные в судебном заседании при рассмотрении дела и сформулированные в решении, вступившем в законную силу, предполагаются истинными. Поэтому они не могут быть оспорены сторонами, их правопреемниками и другими участвующими в деле лицами при разбирательстве другого гражданского дела. Вступив в законную силу, решение как акт применения права к конкретным правоотношениям обязательно не только для сторон и других участвующих в деле лиц, но и для всех административных органов, социалистических организаций, которые соприкасаются с его действием, должностных лиц и граждан, т. е. становится общеобязательным.

Исходя из изложенного широкого понимания содержания судебного решения, законную силу его можно определить как приобретение решением в указанный в законе срок и при наступлении определенных условий устойчивости, в силу чего оно

как акт социалистического правосудия становится общеобязательным. Приведенное определение имеет сходство с определением, предложенным В. М. Семеновым [6, с. 248], но в то же время существенно от него отличается. Если В. М. Семенов, определяя законную силу решения, исходит только из его обязательности вследствие императивного подтверждения судом правоотношения в результате применения норм права к установленным фактам, то в данном определении законную силу решения характеризуют все признаки, присущие судебному решению как акту социалистического правосудия.

Вступив в законную силу, решение влечет за собой определенные правовые последствия, под которыми понимается правовой результат, наступивший вследствие действия решения. Что же является основной категорией, определяющей правовые последствия законной силы судебного решения? По поводу этого вопроса в литературе также высказаны различные мнения. Одни авторы считают, что такой категорией выступает обязательность [4, с. 119] или общеобязательность [3, с. 234] решения. Другие идут дальше, полагая, что обязательность судебного решения — самостоятельное правовое последствие его законной силы наряду с другими последствиями [1, с. 139; 9, с. 141—144].

Приведенные точки зрения были подвергнуты критике и отвергнуты как неправильные М. А. Гурвичем, который общеобязательность решения отделяет от законной силы. Общеобязательность судебного решения, по его мнению, «есть выражение социалистической законности как метода государственного управления в применении к правоотношению, подтвержденному судебным решением», а также «возможность и необходимость для юридических лиц и граждан учитывать правоотношение, подтвержденное судом, в своих действиях, сделках и право рассчитывать на него» [10, с. 135—147].

Однако выводы М. А. Гурвича не основываются на процессуальном законе. В ст. 15 Основ указывается, что вступившее в законную силу решение суда обязательно для всех государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, должностных лиц и граждан и подлежит исполнению на всей территории СССР, т. е. оно общеобязательно. Таким образом, совершенно очевидно, что общеобязательность является следствием законной силы судебного решения. Посредством общеобязательности выражается сущность его законной силы как властного акта. Общеобязательность судебного решения обусловлена, как уже отмечалось, общеобязательностью закона, воплощенного в решении. Общеобязательность решения проявляется в непровержимости, исключительности, преюдициальности и исполнимости для решений о присуждении.

Общеобязательность решения с точки зрения его процессуально-правового действия не имеет субъективных пределов. Со-

гласно ст. 15 Основ оно обязательно на всей территории Союза ССР, поэтому никто не может ставить его правильность под сомнение. Что касается материально-правового действия судебного решения, то здесь субъективные пределы существуют. Они распространяются на стороны, третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, на правопреемников, заявителей, недоимщиков и других лиц, в отношении которых состоялось решение.

Объективные пределы общеобязательности судебного решения определяются предметом решения — установленными судом правоотношениями сторон, а также юридическими фактами в делах особого производства. Такое мнение согласуется с нормой ч. 2 ст. 15 Основ.

Поскольку затронутые вопросы имеют большое практическое значение, представляется целесообразным сформулировать понятие законной силы судебного решения и ее правовых последствий в нормах процессуального права. Следовало бы также изменить наименование ст. 231 ГПК УССР «Условия вступления решения в законную силу» как не соответствующее ее содержанию. Поскольку в ней содержатся не только нормы об условиях вступления решения в законную силу, ее нужно привести в соответствие со ст. 39 Основ и озаглавить «Вступление решения в законную силу».

Список литературы: 1. *Авдюков М. Г.* Судебное решение. М., Госюриздат, 1959. 192 с. 2. *Полумордвинов Д. И.* Законная сила судебного решения. Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964. 188 с. 3. Гражданский процесс. Под общ. ред. *К. С. Юдельсона*. М., Юрид. лит., 1972. 439 с. 4. *Зейдер Н. Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., Юрид. лит., 1966. 192 с. 5. *Клейнман Н. А.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Изд-во МГУ, 1967. 119 с. 6. Советский гражданский процесс/Под ред. *М. А. Гурвича*. М., Юрид. лит., 1975. 399 с. 7. Советский гражданский процесс/Отв. ред. *К. И. Комиссаров, В. М. Семенов*. М., Юрид. лит., 1978. 431 с. 8. *Логинов П. В.* Решение государственного арбитража. М., Юрид. лит., 1964. 151 с. 9. *Чечот Д. М.* Некоторые вопросы вступления решения в законную силу. — Уч. зап. ЛГУ. Сер. юрид. наук, 1958, вып. 10, с. 140—157. 10. *Гурвич М. А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. М., Юрид. лит., 1976. 175 с. 11. СП Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 1. М., Известия Советов народных депутатов СССР, 1978, с. 49—56. 12. Бюл. Верховн. Суда СССР, 1978, № 2, с. 9—14.

И. Е. К р а с ь к о, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

К ИСТОРИИ НАУКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА В СССР

Концепция хозяйственного права как самостоятельной отрасли права в СССР впервые нашла отражение в монографии *А. Г. Гойхбарга* [4]. Отказавшись от традиционного в буржуазной юридической литературе деления права на частное и публичное, он пришел к выводу о том, что это различие постепенно исчезает и что результатом его является ненужность права гражданского, которое, как частное право, противоположное

публичному. перестает существовать в качестве самостоятельной отрасли и поглощается новой отраслью права — хозяйственным.

Будучи подобно ряду других юристов (С. Вольфсон, А. Малицкий) сторонником теории социальной функции, А. С. Гойхбарг перенес в советское право модную тогда на западе буржуазную теорию Дюги, отождествлявшую субъективные права с социальными функциями, с правами-обязанностями. Так, А. Г. Гойхбарг писал о собственности как о социальной функции, об эволюции буржуазного права. Вместе с тем сторонники социальной функции фактически скатывались на позиции правового нигилизма¹. «Судья, — подчеркивал А. Г. Гойхбарг, — и всякий применяющий право не связан у нас словом закона, он связан только общей целью закона, он обязан пресекать всякие злоупотребления правом, идущие вразрез с объективной целью закона» [4, с. 19]. Конструируя систему хозяйственного права, А. Г. Гойхбарг освещал в своей работе обычные институты гражданского права, называя их хозяйственно-правовыми. С. И. Раевич тогда же писал, что развитие пролетарского права ведет «к неправу и административно-техническому регулированию», что по мере продвижения к социализму правовое регулирование приобретает служебный по отношению к планам народного хозяйства характер [8, с. 27]. Право постепенно отмирает.

П. И. Стучка, исходя из концепции двухсекторного права, в начале 1929 г. выдвигает идею о гражданском и хозяйственно-административном праве. В основу этого деления он кладет реальное обособление в советской экономике обобщественного социалистического сектора от частного. Гражданское право, писал П. И. Стучка, имеет дело с регулированием имущественных отношений в частном секторе и так называемых межсекторных отношений, хозяйственно-административное право призвано регулировать хозяйственные отношения органов социалистического хозяйства (государственных и кооперативных организаций). Между гражданским и хозяйственно-административным правом идет непрерывная борьба, объединение их в единую систему невозможно, — оно и принципиально неприемлемо, так как основы, на которых покоится правовое регулирование в той и другой области, различны. В гражданском праве господствует анархия, выражающаяся в преобладании договорных отношений, в другом — плановость, подчинение, выполнение обязательных предписаний планово-регулирующих органов [10,

¹ Причину такого отношения к праву впоследствии раскрыл П. И. Стучка. «У нас было общепринято, — писал он, — право рассматривать лишь как контрреволюционный, в лучшем случае антиреволюционный элемент, как бы в силу инерции задерживающий всякую революцию... Только работа В. И. Ленина «Государство и революция» открыла нам глаза на роль и значение государства в переходный к коммунизму период» [11, с. 31, 45].

с. 43]. Итáк, необходимы две системы хозяйственно-правового регулирования, два законодательных акта — Основы гражданского законодательства СССР и Хозяйственно-административный кодекс.

В конце 20-х годов в науке была предпринята попытка дифференциации хозяйственного права на отдельные функциональные разновидности¹. К ним относятся: гражданское право, торговое право и промышленное право. Гражданскому праву отводилась роль регулятора распределения хозяйственных благ и закрепления их в самостоятельное обладание между гражданами преимущественно в домашнем хозяйстве [7, с. 71]. Торговое право определялось как совокупность норм, регулирующих обращение, циркуляцию хозяйственных благ. Таким образом, в какой-то своей части торговое право смыкалось с правом гражданским, что позволяло отдельным авторам признавать его частью гражданского права, связанной со сделками по обороту. Наконец, промышленное право рассматривалось в виде системы норм, определяющих организацию и функцию промышленных предприятий. Иными словами, оно выступало как система организационных норм производства.

Следовательно, промышленное право выделялось из смежных отраслей — гражданского и торгового права. Движение имущества, находящегося в торговом обороте, т. е. в стадии перехода от производителя к потребителю, подлежало регулированию нормами торгового права, перемещение же его в сферу производства — нормами промышленного права. При этом подчеркивалось, что «вещь в обороте» требует смены юридических форм обладания ею, в то время как «вещь в производстве» не требует такой смены. В юридической литературе конца 20-х — середины 30-х годов теории промышленного права уделялось очень много внимания, именно оно считалось ведущей отраслью права, основным ядром социалистического права. Промышленное право связывалось, с одной стороны, с плановыми началами в социалистическом секторе народного хозяйства, с другой — наличием рыночных, товарно-денежных отношений. В общей системе народного хозяйства низовые производственные звенья рассматривались как технические исполнители заданий, исходящих от центральных плановых органов, хотя в пределах плана за ними признавалась определенная оперативная самостоятельность. Однако эта автономия фактически сводилась на нет предоставлением центральным государственным органам права непосредственного участия в разрешении вопросов, связанных с выполнением производственно-финансовых показателей подведомственными предприятиями.

Представители промышленного права (Б. С. Мартынов, В. Н. Манцев, С. И. Аскназий, Н. И. Наумов) признавали

¹ Хозяйственное право в этот период рассматривалось в качестве совокупности всех институтов имущественного оборота.

возможность сочетания в деятельности государственных предприятий плановых и рыночных начал с учетом того, что в социалистическом хозяйстве рынок в противоположность неорганизованному капиталистическому рынку превращен в объект государственного воздействия. Роль планирования как основного способа регулирования деятельности государственных промышленных предприятий ставилась в зависимость от методов планирования. При этом плановое начало воздействует на сферу хозяйственной деятельности двояко — непосредственно либо косвенно. В первом случае планирование принимает форму прямых плановых предписаний, безусловно обязательных для их адресатов, во втором задача планирования сводится к воздействию на отношения, непосредственно не связанные со сферой экономики, в области которой необходимо вызвать наступление желаемого результата. В процессе планового регулирования деятельности промышленных предприятий возникает два вида отношений: административные («вертикальные») и порождаемые ими гражданско-правовые отношения обязательственного характера («горизонтальные») [1, с. 22]. Однако договор, заключенный адресатами плановых заданий, не представлял собой, по мнению С. И. Аскназия, правового основания сложившихся между ними правоотношений. Взаимные притязания сторон возникают до заключения договора, вне его. Последний призван лишь уточнить, конкретизировать установленное сторонам задание. Поэтому, если плановым актом определены все элементы правоотношений, договор может и не заключаться. Даже в тех случаях, когда необходимость его заключения обуславливается неполнотой планового предписания, правовым основанием взаимоотношений сторон опять-таки является не договор, а это предписание [1, с. 22]. Наряду с этим многие представители науки хозяйственного права (Б. С. Мартынов, С. И. Аскназий и др.) подчеркивали правовой характер актов планирования, рассматривая их как систему распорядительных юридических актов, издаваемых органами планирования в пределах своей компетенции.

Несмотря на умаление роли договора как основания возникновения хозяйственного обязательства, представители хозяйственного права уделяли этому институту много внимания. Особенно детально разрабатывались теоретические основы генерального договора — нового тогда правового института, опосредствующего реализацию промышленной продукции на строго плановых началах. Эти договоры применялись главным образом в отношениях между объединениями государственной промышленности и кооперативными системами. В споре о том, является ли генеральный договор 20-х годов административным приказом, облеченным в договорную форму, либо обычным договором с ограниченной автономией сторон, представители промышленного права занимали в подавляющем большинстве

правильную «договорную» позицию, объективно рассматривали его как плановый договор, не представляющий собой, однако, товарную сделку¹. Этим было положено начало весьма плодотворным впоследствии исследованиям (40—50-х годов) теории планового договора в социалистическом народном хозяйстве.

Выделение промышленного права из права хозяйственного как системы организационных форм производства, тесно связанной с плановыми началами, было по существу стремлением воплотить в качестве отрасли права не реальную совокупность норм, predeterminedенных характером общественных отношений, регулированию которых эти нормы были призваны способствовать, а ветвь законодательства, регламентирующего централизованно обобществленный сектор народного хозяйства в условиях существования наряду с ним частнохозяйственного оборота. Эта концепция оказалась нежизненной, так как она не соответствовала объективной дифференциации общественных отношений, но усилия ее представителей не были напрасными. Постановка и разработка ими ряда важных организационно-правовых проблем оставила свой след в науке советского права, обратила внимание на серьезное изучение отношений, складывающихся в системе социалистического хозяйства, и на совершенствование их правового регулирования.

Сторонники хозяйственного (хозяйственно-административного) права 20—30-х годов допускали наряду с многими другими одну, по нашему мнению, самую существенную ошибку: строя различные системы, структуры, создавая теоретические начала хозяйственного права, они не задумывались о необходимости выявления его предмета, а если и предпринимали попытки его определения, то делали это без достаточной научной аргументации, допуская серьезные методологические и фактические просчеты.

Конечно, данное обстоятельство нельзя вменить в вину ученым-хозяйственникам 20—30-х годов прежде всего потому, что в период фактического становления социалистического хозяйства, борьбы с буржуазной идеологией в области права, подготовки новых кадров для органов юстиции разработка серьезных теоретических проблем заслонялась необходимостью первоочередного решения практических задач, создания учебных курсов права, комментариев, пособий, осмысливания основных его институтов и т. д. Однако отказ от определения предмета правового регулирования либо его поверхностное определение не могли не сказаться на построении системы права в целом. Механическое перенесение в область социалистического права отдельных принципов и институтов права буржуазного либо огульное их отрицание, стремление полностью обусловить право

¹ Вместе с тем отдельные авторы признавали генеральный договор плано-регулирующим актом, облеченным в договорную форму (С. И. Аскназий, П. И. Стучка).

политикой социалистического государства, более того, смешение права с политикой, непонимание обратного воздействия права на экономический базис — все это на долгие годы задержало развитие науки права, мешало совершенствованию законодательства, вело к отрыву науки от практики.

Серьезные ошибки в определении предмета права вообще и хозяйственного в частности допускал, например, П. И. Стучка. Ссылаясь на слова К. Маркса из предисловия к «Критике политической экономии» об отношениях собственности как выраженных на юридическом языке отношениях производства и обмена, П. И. Стучка определял право как систему общественных отношений, совпадающих с отношениями производства и обмена, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемых его организационной силой [9, с. 27 и след.]. Здесь право смешивалось с предметом регулирования, растворялось в нем. Принимая за основу теорию интереса Иеринга, значение которого в развитии правовой науки П. И. Стучка преувеличивал, он в качестве основного признака права признавал классовый интерес, защищаемый государством. Л. Я. Гинцбург в качестве предмета хозяйственного права называл систему имущественных отношений социалистического общества, отношения, в которые люди вступают в процессе производства материальных условий своего существования, т. е. производственные отношения, взятые со стороны их юридического выражения, отношения собственности [2, с. 21]. Вместе с тем Л. Я. Гинцбург тут же относил к предмету хозяйственного права и отношения в области организации управления хозяйством, организации хозяйственных связей. Но это уже отношения не имущественные (производственные), а организационные (административные), имеющие иное содержание, складывающиеся в иных плоскостях, выражающиеся, как пишет Ю. М. Козлов, в «...установлении правил поведения, определяющих взаимоотношения между людьми... в распределении общих усилий коллективов» [5, с. 13]. Имущественные же отношения сами нуждаются в упорядочении, в регулировании путем воздействия на них извне. Имущественные и организационные (административные) отношения не могут смешиваться, выступать в качестве унитарного предмета какой-либо отрасли права.

С. Н. Ландкоф, отождествляя хозяйственное право с гражданским, предметом последнего считал общественные отношения, складывающиеся между гражданами, организациями и предприятиями в процессе производства и обмена. Отношения, возникающие в социалистическом секторе народного хозяйства на основе плановых средств, признавались им предметом хозяйственно-административного права [6, с. 12].

Концепция хозяйственно-административного права в таком изложении была бы допустимой, если бы автор дал четкое оп-

ределение предмета этой отрасли права. Однако характер отношений, которые признавались им ее предметом, не раскрылся. Они скорее всего напоминали предмет административного права, тем более, что С. Н. Ландкоф разницу между административным и хозяйственно-административным правом видел в том, что первое призвано опосредствовать организационную деятельность государства вообще, а второе — эту же деятельность в области социалистического хозяйства.

С. Н. Ландкоф фактически присоединился к авторам, называвшим ту часть хозяйственного права, которая регулировала деятельность социалистического сектора народного хозяйства, публично-хозяйственным, т. е. правом государственного хозяйствования, связанного с интересами социалистического строительства, основным признаком которого явилась организационная деятельность государства (Ю. Мазуренко, Г. Шретер и др.). При этом он резко критиковал представителей публично-хозяйственного права главным образом по формальным соображениям. Он полагал, что публично-правовые элементы свойственны и частному хозяйству, а при создании отрасли права нельзя исходить из признаков, присущих всем системам хозяйства. Заслугой С. Н. Ландкофа явилась последовательно проводимая им идея о недопустимости смешения советского хозяйственно-административного (хозяйственного) права с буржуазными концепциями хозяйственного права. Он подчеркивал, что в системе капиталистического хозяйства теория хозяйственного права превратилась в идеологию буржуазии, монополистического капитала, враждебную пролетарскому государству [6, с. 13].

Серьезной ошибкой представителей науки хозяйственного права 20—30-годов является «привязка» всей системы права к товарному производству. И дело не только в том, что при этом не учитывалась область товарного обращения — важная сфера проявления хозяйственно-организационной функции Советского государства, но и в том, что и товарное производство, и товарное обращение определяются особенностями экономического строя общества, который обуславливает также и право в качестве надстройки, что игнорировалось ими. К. Маркс подчеркивал, что право в обществе товаропроизводителей — это вырастающее из экономического строя отношение, складывающееся между свободными и автономными личностями, отличительными чертами которого служат абстрактность, равенство сторон, волевой характер¹. И, наконец, ошибкой являлось признание в государственном регулировании экономической технико-организационных моментов главенствующими над моментами правовыми. Законодательные и административные акты сохраняли для представителей хозяйственного права

¹ Говоря о равенстве сторон, К. Маркс имел в виду правовое регулирование товарных отношений в капиталистическом хозяйстве, связанное с формальной свободой товаропроизводителей на рынке.

«слабую примесь элементов юридических» (Е. Б. Пашуканис). Свертывание правовой формы соответствовало, по их мнению, исчезновению рыночных отношений [3, с. 102]. Следовательно, большинство ученых 20—30-х годов, разрабатывая узловые проблемы хозяйственного права, не связывали его с наличием конкретных общественных отношений в социалистическом секторе народного хозяйства, с изучением всей совокупности многообразных факторов, способствующих возникновению этих отношений. Они, как правило, ограничивались анализом признаков, не дающих ни порознь, ни в совокупности возможности признания этих отношений предметом самостоятельной отрасли права. Неудачный подход к выявлению сущности экономических отношений в народном хозяйстве породил значительные противоречия во взглядах на возможность выявления особой их разновидности, нуждающейся в особом правовом регулировании в тех случаях, когда необходимость в этом ими признавалась.

Правильное представление о природе и роли хозяйственного права является условием решения важных вопросов систематизации законодательства, разработки актуальных проблем теории права, организации социалистической экономики и управления народным хозяйством в СССР в свете решений XXV съезда КПСС.

Список литературы: 1. *Аскназий С. И.* Правовые формы планирования промышленности в СССР. — В кн.: Очерки по советскому промышленному праву. М., Гостехиздат, 1929, с. 20—54. 2. *Гинцбург Л. Я.* Курс советского хозяйственного права. Т. 1. М., 1935. 174 с. 3. *Гинцбург Л. Я.* Наука гражданского (хозяйственного) права в СССР в 1929—1931 гг. — Правоведение, 1976, № 6, с. 98—104. 4. *Гойхбарг А. Г.* Хозяйственное право РСФСР. 2-е изд. М., 1924. 221 с. 5. *Козлов Ю. М.* Управление народным хозяйством СССР. Ч. 1. Изд-во МГУ, 1969. 159 с. 6. *Ландкоф С. Н.* Хозяйственно-административное право. ДВОУ, 1931. 241 с. 7. *Мартынов Б. Г.* Советское промышленное право. — В кн.: Очерки по советскому промышленному праву. М., Гостехиздат, 1929, с. 3—28. 8. *Раевич С. И.* Основы хозяйственного права. Вып. 1., М. Госфиниздат, 1932. 153 с. 9. *Стучка П. И.* Революционная роль права и государства. М., 1921. 85 с. 10. *Стучка П. И.* Курс советского гражданского права. Т. III. М., 1931. 243 с. 11. *Стучка П. И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, Латгосиздат, 1964. 528 с.

В. А. Ч у й к о в, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ

Высокие темпы развития производительных сил в процессе научно-технической революции обуславливают во все возрастающем масштабе использование природных ресурсов. Влияние хозяйственной деятельности человека испытывают все виды природной среды: атмосфера, почвы, вода, полезные ископае-

мы, растительный и животный мир. Для обеспечения дальнейшего прогресса производительных сил и сохранения природы настоящим и будущим поколениям необходимо обеспечить воспроизводство благоприятной человеку природной среды, восстановление или хотя бы сохранение всех ее компонентов на современном этапе. Поэтому в Конституции СССР 1977 г. закреплён принцип охраны и научно обоснованного, рационального использования земли, ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств, улучшения окружающей человека среды, а также обязанность граждан СССР беречь природу, охранять ее богатства (ст. 18, 67).

В связи с тем, что ускоренный научно-технический прогресс, являясь одной из важнейших закономерностей развития социалистического общества, связан с некоторыми негативными последствиями (истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды отходами промышленного производства), проблема рационального использования и охраны природы приобрела глобальный характер и имеет важное международное значение. Партия и Советское правительство на всех этапах развития нашего государства постоянно уделяют внимание данной проблеме. В Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг., принятых XXV съездом КПСС, разработана большая программа мероприятий по охране окружающей среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов¹. Кроме того, охрана природы осуществляется и специфическими правовыми средствами и методами. Не последнее место в комплексе природоохранительных мероприятий принадлежит народным судам, которые своей деятельностью способствуют укреплению законности и правопорядка в деле борьбы за рациональное использование и охрану природных ресурсов. Правильное разрешение судами дел, связанных с нарушением законодательства об охране природы, имеет важное значение для усиления охраны дикого животного мира, лесов, водных ресурсов, атмосферного воздуха и т. д.

Изучение судебной практики по данной категории дел свидетельствует о том, что народные суды в основном правильно разрешают их. Вместе с тем, как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы», при рассмотрении этих дел все еще допускаются ошибки². Иногда суды неправильно исчисляют материальный ущерб, причиненный правонарушениями, что порождает ошибки в квалификации преступлений и определении размера ущерба, подлежа-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 159—238.

² Бюл. Верховн. Суда СССР, 1977, № 4, с. 11—17; 1978, № 5, с. 24—32.

щего возмещению. Для разрешения вопросов, требующих специальных знаний, судами не всегда привлекаются соответствующие специалисты. При наличии оснований, предусмотренных ст. 26 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, суды в ряде случаев не разрешают вопрос о лишении виновных лиц права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Отдельными судами еще недооценивается применение к правонарушителям мер общественного воздействия.

Действующее законодательство предусматривает материальную, административную и уголовную ответственность за нарушение законодательства об охране природы. В частности, граждане, причинившие ущерб нарушением законодательства об охране лесов, правил охоты, рыболовства и охраны рыбных ресурсов, обязаны возместить его согласно ст. 440 и 441 ГК УССР и соответствующим статьям ГК других союзных республик. Размер ущерба определяется по специальным таксам, утвержденным постановлениями правительства, в частности, за порубку и повреждение деревьев (в зависимости от диаметра ствола и группы леса), за уничтожение диких животных (в зависимости от их видов, а в некоторых случаях и возраста) и за незаконный вылов или уничтожение ценных пород рыб (в зависимости от их вида и независимо от размера и веса). Суммы ущерба, причиненного незаконной охотой, добычей или уничтожением рыбы и других водных животных, согласно действующему законодательству должны взыскиваться в пользу органов управления охотничьим хозяйством и органов рыбоохраны, которые в установленном порядке перечисляют часть этих сумм в доход государственного бюджета.

При рассмотрении дел о возмещении ущерба, причиняемого нарушением правил охоты, одним из распространенных недостатков является то, что в протоколах о нарушении правил охоты отсутствуют сведения о месте нахождения незаконно добытой продукции охоты, которая подлежит изъятию и реализации. При невозможности ее изъятия с нарушителя правил охоты должна взыскиваться ее стоимость согласно ст. 469 ГК УССР и соответствующим статьям ГК других союзных республик. Народные суды не выясняют этих вопросов, а поэтому и неправильно определяют размер ущерба, подлежащий взысканию с виновных. Так, из материалов дела по иску Киргизглавохоты к гр. Ганич о взыскании 260 р., рассмотренному народным судом Октябрьского района г. Харькова, видно, что он был задержан при попытке провезти из Киргизской ССР в Харьков по месту жительства 9 шкурок сурка, 3 шкурки ондатры и одной шкурки лисицы. В материалах дела отсутствовали сведения о способе приобретения продукции незаконной охоты и месте ее нахождения. Народный суд, не выяснив этих вопросов, иск удовлетворил. Что касается судьбы незаконно приоб-

ретенной или добытой продукции охоты, т. е. изъята она у нарушителя, сдана на хранение или реализована, то это осталось невыясненным. Суд не потребовал от истца данных о том, где находится продукция незаконной охоты, изъята она или осталась у ответчика. Выяснение указанных вопросов имеет немаловажное значение, ибо от этого зависит размер взыскания за причиненный ущерб охотничьей фауне. По этому поводу Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 6 от 3 июня 1977 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы» разъяснил судам, что в соответствии с действующим законодательством незаконно добытая продукция (звери, птица, рыба и др.) подлежит изъятию у нарушителя и реализуется. Суммы, вырученные от реализации этой продукции, зачету в счет возмещения ущерба не подлежат.

Если такая продукция была изъята у правонарушителя и реализована до судебного разбирательства дела, то в приговоре, решении суд должен указать о зачислении вырученной суммы на текущий счет соответствующей организации. В тех же случаях, когда незаконно добытая продукция была использована или реализована правонарушителем, суд независимо от предъявления иска должен решить вопрос о взыскании с осужденного или ответчика в доход государства ее стоимости, исчисленной по государственным розничным ценам.

Судами допускаются ошибки и при рассмотрении дел о возмещении ущерба, причиненного нарушением правил рыболовства и охраны рыбных ресурсов. По факту нарушения указанных правил должен составляться протокол, являющийся основным документом для подтверждения исковых требований. На его основании органы рыбоохраны выносят постановление, в котором определяется размер ущерба, подлежащего возмещению. Нередки случаи, когда суды не уделяют должного внимания этим документам. Так, без соблюдения вышеуказанного порядка народный суд Боровского района Харьковской области рассмотрел дело по иску Харьковской инспекции рыбоохраны к гр. Бабенко о взыскании с него 68 р. за браконьерство. В данном случае суд принял дело к производству без протокола о нарушении «Положения об охране рыбных запасов и о регулировании рыболовства в водоемах СССР», в котором должно быть указано, в чем заключается нарушение правил рыболовства, какие виды рыб незаконно выловлены или уничтожены и в каком количестве. Таким образом, в деле отсутствовали необходимые сведения о продукции, являющейся результатом браконьерства. Суд вынес решение лишь на основании искового заявления, что явно недостаточно для правильного определения размера ущерба, подлежащего возмещению.

Иногда народные суды при возмещении ущерба ошибочно руководствуются отмененными таксами, тогда как новые таксы значительно увеличили размер взыскания за ущерб, причинен-

ный незаконным выловом или уничтожением ценных видов рыб. Так, народный суд Харьковского района, рассмотрев 12 февраля 1976 г. дело № 2-118 по иску Белгородской инспекции рыбоохраны к гр. Лихтаренко В. И. о взыскании 188 р. за незаконный вылов тарани, руководствовался п. 3 постановления Совета Министров СССР от 10 декабря 1969 г. «О мерах по усилению охраны рыбных запасов в водоемах СССР». Следует иметь в виду, что этот пункт был отменен постановлением Совета Министров СССР от 25 октября 1974 г. «Об усилении охраны запасов ценных видов рыб, морских млекопитающих и водных беспозвоночных в рыбохозяйственных водоемах СССР», которым утверждены новые таксы для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный гражданами незаконным выловом, добычей или уничтожением ценных видов рыб.

В некоторых случаях нарушается установленный порядок привлечения к административной ответственности виновных в нарушении законодательства об охране природы. Например, народный суд Волчанского района Харьковской области удовлетворил иск госрыбинспекции к гр. Лещенко о взыскании с него штрафа в сумме 30 р. за сброс в реку неочищенных сточных вод. В нарушение порядка взыскания штрафов народный суд неправильно руководствовался законодательством, предусматривающим не административную, а материальную ответственность граждан за незаконный вылов или уничтожение ценных видов рыб, тогда как вина гр. Лещенко состояла в том, что он как завхоз районной больницы не принял соответствующих мер по предотвращению сброса неочищенных сточных вод в реку, причем ущерб рыбным ресурсам в результате этого не был причинен. Кроме того, суд не обратил внимания на то, что за данное правонарушение гр. Лещенко может быть привлечен к административной ответственности в виде штрафа не госрыбинспекцией, а только инспекцией по охране водных ресурсов Министерства мелиорации водного хозяйства Украинской ССР согласно постановлению Совета Министров УССР от 7 июля 1962 г. «Об установлении штрафов за нарушение правил охраны и использования водных ресурсов Украинской ССР».

Не всегда достаточно мотивированно и обоснованно снижается народными судами размер взыскания за ущерб, причиненный незаконным выловом или уничтожением ценных видов рыб. Так, народный суд Дзержинского района г. Харькова, рассмотрев дело по иску Харьковской инспекции рыбоохраны к гр. Филоненко о взыскании 610 р., без достаточных к тому оснований снизил эту сумму до 380 р. Суд мотивировал это материальным положением виновного, а также тем, что у него на иждивении находятся дети. Однако в материалах дела отсутствуют какие-либо справки или документы, подтверждающие род занятий виновного, его заработную плату, количество членов семьи, их

возраст и род занятий, наличие подсобного хозяйства и прочие обстоятельства, которые могут быть приняты во внимание при снижении суммы иска. Протокол судебного заседания свидетельствует о том, что народный суд не выяснил этих вопросов и во время рассмотрения дела по существу.

Значительное число ошибок связано с неправильным определением размера ущерба, причиняемого лесному хозяйству лесонарушениями. Многие лесхозы размер ущерба исчисляют неверно, а суды это не проверяют, тогда как в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 30 июня 1969 г. «О судебной практике по делам о лесонарушениях» указывается народным судам на необходимость тщательной проверки правильности определения размера ущерба за лесонарушения. Так, 15 июня 1976 г. народный суд Валковского района Харьковской области взыскал с гр-ки Остапенко 242 р. за уничтожение лесного массива в результате пожара по вине ее несовершеннолетнего сына. Размер ущерба был неправильно определен органами лесного хозяйства по таксе № 1, утвержденной постановлением Совета Министров Украинской ССР от 29 ноября 1968 г. № 616, тогда как за данное лесонарушение ущерб должен устанавливаться согласно методике, предусмотренной Приложением № 1 к «Инструкции о порядке привлечения к ответственности за лесонарушения в лесах СССР», утвержденной Председателем Госкомитета лесного хозяйства Совета Министров СССР от 26 марта 1969 г. По жалобе ответчицы дело рассматривалось Судебной коллегией по гражданским делам Харьковского областного суда и Верховным Судом Украинской ССР, однако ни в одной судебной инстанции не было обращено внимание на неправильный порядок определения ущерба, причиненного данным лесонарушением. Кроме того, ущерб был взыскан не в доход бюджета республики, как это предусмотрено действующим законодательством, а в доход лесничества.

Изучение судебной практики показало, что многие народные суды ошибочно возмещают ущерб в доход органов лесного хозяйства. Действующим же законодательством предусмотрено, что суммы, взыскиваемые в возмещение ущерба, причиненного лесному хозяйству лесонарушениями (в том числе с колхозов, межколхозных лесхозов и лесничеств за совершенные ими лесонарушения в колхозных лесах), и суммы, полученные от реализации незаконно добытой в лесу продукции, а также суммы неустоек за нарушение Правил отпуска леса на корню в лесах СССР, зачисляются в доход бюджета союзной республики как лесной доход. Взысканные с предприятий, организаций, учреждений и граждан, в том числе с членов данного колхоза, суммы в возмещение ущерба, причиненного лесонарушениями в колхозных лесах, а также суммы неустоек за нарушение правил отпуска леса в колхозных лесах зачисляются в неделимый фонд колхоза, в фонд укрепления и расширения хозяйства меж-

колхозного лесхоза или лесничества и расходуются на ведение лесного хозяйства.

Многие суды не выполняют требование закона в части определения судьбы лесоматериала, незаконно добытого лесонарушителем. Так, народный суд Золочевского района Харьковской области удовлетворил иск лесхозага к колхозу им. 1 Мая о взыскании 172 р. за незаконную порубку деревьев. При этом незаконно добытый колхозом лесоматериал был сдан на хранение бригадирю этого же колхоза. Однако суд не решил вопрос о судьбе сданного на хранение лесоматериала, хотя Пленум Верховного Суда СССР в своих разъяснениях неоднократно обращал внимание народных судов на это обстоятельство.

Некоторые суды не соблюдают требований ч. II п. 7 «Инструкции о порядке привлечения к ответственности за лесонарушения в лесах СССР» от 26 марта 1969 г., в которой предусматривается, что при невозможности изъятия у лесонарушителя незаконно добытой им древесины сумма исчисленного ущерба увеличивается на однократную стоимость ее по таксам на древесину, отпускаемую на корню.

Не всегда выполняется требование закона устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению правонарушений, и принимать меры к их устранению. Из 101 изученного дела в отношении 107 привлеченных к имущественной ответственности граждан и организаций за лесонарушения по Харьковской области за 1976 г. только по двум делам были вынесены частные определения народным судом Золочевского района. При этом они были составлены весьма поверхностно, без выявления недостатков в деле охраны лесов и должного анализа причин, способствовавших совершению лесонарушений в данном районе. Отсутствуют конкретные предложения о том, что следует предпринять для устранения обстоятельств, вызывающих нарушение законодательства об охране лесов. Необходимость же в этом была по значительно большему количеству дел. Так, народный суд Двуречанского района Харьковской области привлек к имущественной ответственности 20 рабочих совхоза Топольский в селе Петровка, причинивших ущерб лесному хозяйству на сумму 3884 р. Несмотря на систематичность совершения лесонарушений рабочими данного совхоза, проживающими в одном населенном пункте, народный суд не выяснил условий и причин, способствующих лесонарушениям и не направил частного определения ни дирекции совхоза, ни органам лесного хозяйства, ни сельскому Совету народных депутатов для принятия надлежащих мер по охране леса.

Итак, результаты анализа практики применения судами законодательства об охране природы свидетельствуют о необходимости его дальнейшей кодификации путем: а) создания стройной системы правовых норм и правил о природопользовании, установления их необходимой связи, соподчинения и координации в соответствующих нормативных актах; б) разработ-

ки и обновления нормативных актов, определяющих виды и порядок привлечения к ответственности за нарушение правил о природопользовании в соответствии с современными требованиями оптимизации отношений между человеком и природой.

Эта задача может быть решена частично в основах законодательства Союза ССР и союзных республик об охране окружающей среды, о необходимости разработки и принятия которых уже неоднократно ставился вопрос в юридической литературе¹, в принятых в настоящее время общесоюзных и республиканских Законах об охране атмосферного воздуха и дикого животного мира, а также путем формирования нормативных материалов о рациональном использовании и охране природных ресурсов в Своде законов Союза ССР и Своде законов Украинской ССР. Создание таких общесоюзных и республиканских Сводов законов будет способствовать упрочению правовой основы государственной и общественной жизни, обеспечивать большую стабильность и доступность для всех граждан и должностных лиц всего законодательства, так и законодательства о рациональном использовании и охране природных ресурсов, а также дальнейшему укреплению социалистической законности, усилению охраны правопорядка в области природопользования, оптимизации отношений между обществом развитого социализма и природной средой.

В указанных Основах и республиканских законах должны быть сформулированы основные принципы и порядок привлечения к соответствующим видам ответственности за нарушение законодательства о рациональном использовании и охране природы. Они должны служить базой для дальнейшего развития и совершенствования института юридической ответственности в иных нормативных актах, регулирующих земельные, водные, лесные и другие общественные отношения в сфере природопользования.

В соответствии с основными принципами формирования материалов Свода законов Украинской ССР целесообразно подразделить главы его третьего раздела «Законодательство о рациональном использовании и охране природных ресурсов» на более мелкие структурные подразделения, обеспечивающие последовательное развитие темы, с выделением на первый план соответствующих кодексов (земельного, кодекса о недрах, водного, лесного, законов об охране атмосферного воздуха, дикого животного мира). Затем, как нам представляется, должны располагаться нормативные акты, которые развивают, конкретизируют соответствующие разделы республиканских кодексов (законов). Таким образом, структура подразделений каждой главы должна соответствовать структуре кодекса (закона). Например, глава 2 «Земельное законодательство» должна иметь следующую структуру.

1. Основные положения. В это структурное подразделение целесообразно включить полностью Земельный кодекс Украинской ССР и другие республи-

¹ Шемшученко Ю. С., Мунтян В. Л., Розовский Б. Г. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды. Киев, Наук. думка, 1978, с. 270.

канские нормативные акты, конкретизирующие и дополняющие (развивающие) нормы первого раздела данного кодекса, т. е. ст. 1—30.

2. Земли сельскохозяйственного назначения. Здесь должны располагаться нормативные акты, регулирующие правовой режим указанных земель (за исключением Земельного кодекса УССР, размещаемого в I структурном подразделении) и т. д. Последние структурные подразделения каждой главы третьего раздела Свода законов Украинской ССР должны содержать нормативные акты, устанавливающие виды ответственности и порядок привлечения к ответственности за нарушение земельного, водного, лесного и прочего законодательства о рациональном использовании и охране природных ресурсов.

Н. И. Пацов, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Правильное применение уголовного закона и назначение справедливого наказания во многом зависят от точности и конкретности предусмотренных в УК понятий. Для описания признаков состава преступления законодатель, как правило, прибегает к понятиям точного значения. Эти понятия характеризуются четкостью, определенностью, их содержание строго фиксировано, они обладают основными существенными признаками, выяснение которых позволяет точно устанавливать объем и содержание этих понятий, а следовательно, и правильно применять закон. Смысловое значение таких, например, понятий, как тайное похищение личного имущества граждан (ст. 140 УК) или приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных отчетных данных (ст. 147¹ УК), может быть выяснено путем использования соответствующих приемов толкования и правил логики.

Однако наряду с понятиями точного значения в нормах Общей и Особенной частей УК применяются и оценочные понятия [8, с. 120]. В отличие от понятий точного значения они характеризуются неопределенностью, отсутствием однозначных, четких, строго фиксированных признаков. Это такие понятия, как «особая жестокость», «особая дерзость», «исключительный цинизм», «тяжкие последствия», «существенный» либо «значительный вред», «злостность» и др. Применение норм, содержащих оценочные понятия, вызывает на практике значительные сложности, так как содержание и объем указанных понятий раскрываются и уточняются лишь по отношению к конкретному случаю, в результате оценочно-познавательной деятельности субъекта, применяющего норму права [3, с. 63—64]. Поэтому выяснение юридической природы и логико-гносеологических особенностей оценочных понятий, правил их толкования и применения имеет важное теоретическое и практическое значение.

Всякое понятие, включенное в норму уголовного закона, в обобщенной форме закрепляет наиболее существенные призна-

ки всех общественно опасных деяний данного вида (класса). Оценочным же понятиям свойственен более высокий уровень обобщения, что и вызывает трудности при определении их объема и содержания. Наличие таких понятий в уголовном праве, а также их логико-юридическую природу нередко объясняют необходимостью придания уголовно-правовому регулированию большей полноты, гибкости, динамичности с тем, чтобы уголовный закон мог учитывать все многообразие явлений в их динамике и развитии [6, с. 68—74; 14, с. 87—91]. Думается, однако, что главными обстоятельствами, определяющими логико-гносеологические особенности оценочных понятий и их необходимость в уголовном праве, являются множественность, сложность и неопределенность явлений (объектов, фактов) объективного мира, которые эти понятия призваны отражать.

Оценочные понятия всегда объединяют большое количество (множественность) объектов. Но известно, чем большее количество объектов обобщается в понятие, тем больше его объем и уже содержание, под которым подразумевается разнообразие признаков, позволяющих отождествлять объект с классом, закрепленным в понятии. Поэтому с увеличением объема понятия возрастает его неопределенность, что затрудняет применение оценочных понятий. Таким, например, является понятие «иные тяжкие последствия» (ст. 218—220 УК), под которыми судебная практика понимает причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, менее тяжких телесных повреждений двум и более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственным, общественным организациям или гражданам [15, с. 320]. Аналогично трактуется в составе изнасилования понятие «особо тяжкие последствия», под которыми разумеют смерть или самоубийство потерпевшей либо расстройство душевной деятельности, последовавшие в результате изнасилования, а также причинение ей телесных повреждений в процессе изнасилования или покушения на него, повлекшее потерю зрения, слуха, прерывание беременности или иные последствия, предусмотренные ст. 101 УК [15, с. 196]. Указанные виды последствий, имея различную форму внешнего проявления, множество отличающих их признаков, объединяются в соответствующий класс в том и другом понятии по одному наиболее общему и существенному их признаку — тяжести последствий в первом случае и особой тяжести — во втором. Важно также то, что перечень приведенных видов последствий лишь примерно характеризует объем и содержание указанных понятий. Последние включают в себя и другие виды последствий, которые могут наступить в результате совершения названных преступлений и относятся к классу «тяжких» или «особо тяжких».

Как видно, особенность такого рода оценочных понятий состоит в том, что они всегда отражают некоторую множест-

венность (класс) явлений, имеющих наиболее существенный, объединяющий их в одном понятии признак, характерный для данного преступления (группы преступлений), и в то же время проявляются в различных многообразных формах. Однако это не означает, что здесь обобщаются, как иногда утверждают, различные, неоднородные факты [7, с. 7]. Понятия всегда объединяют в целое только однородные факты, что и является основанием объединения последних в один класс. Различие же форм внешнего проявления этих фактов при общем наиболее существенном и присущем им всем признаке (нескольких признаков), образующем содержание оценочного понятия, не исключает их однородности. Заметим также, что здесь возможны и новые, еще неизвестные теории и судебной практике формы внешнего выражения явлений соответствующего класса, закрепленного в оценочном понятии. Поэтому справедливо мнение, что в содержание оценочного понятия всегда может быть включен новый, ранее неизвестный признак, на основании которого эти явления (факты) относят к множеству, отражаемому данным понятием [5, с. 136]. Необходимо лишь уточнить, что в таком случае этот новый признак, обладая теми же свойствами, что и множество, обобщенное в оценочном понятии, не увеличивает объем понятия и не изменяет его содержания, а только уточняет данное понятие.

Особенность оценочных понятий в уголовном законе заключается также и в том, что они отражают и закрепляют явления объективной действительности, характеризующиеся сложностью, неопределенностью. Это, например, явления в сфере морально-этических и нравственных отношений (исключительный цинизм, тяжкое оскорбление), имущественных отношений (крупный размер, значительный ущерб), психики (сильное душевное волнение), свойства личности (жестокость, особая жестокость) и т. д. Состояния, оттенки, переходы этих явлений из одного качества в другое не всегда могут быть четко определены при помощи понятий точного значения. Поэтому в оценочных понятиях часто дается качественно-количественная характеристика соответствующего явления [13, с. 41]. Обозначения, применяемые в законодательстве для такой характеристики, различны: «значительный», «существенный», «исключительный», «особый» и т. п. С их помощью законодатель уточняет явление (объект), закрепленное в понятии, с точки зрения его величины, числа, меры, объема и др. Однако ввиду сложности, неопределенности указанных явлений их качественно-количественная характеристика всегда носит не конкретный, а общий характер, выражается преимущественно в обозначениях, для уяснения которых всегда требуется осуществление измерений по шкале порядка «больше-меньше».

Отметим также, что всякая качественно-количественная характеристика явления в оценочном понятии в то же время все-

да свидетельствует о том или ином его значении для правоохраняемых интересов (например, крупный ущерб, существенный вред и т. п.). В оценочном понятии содержится законодательная оценка того или иного явления исходя из его ценности-антиценности. Следовательно, качественно-количественная характеристика явления (объекта) в оценочном понятии одновременно есть и его оценка. Последняя предполагает необходимость сравнения, сопоставления соответствующего явления с другими явлениями, что позволяет уточнить его объективные (качественно-количественные) признаки, а также его значение для социалистических общественных отношений, охраняемых нормами уголовного права.

Отмеченные особенности объектов, отражаемых в оценочных понятиях, определяют и их логико-гносеологическую природу. В объем таких понятий входит широкий круг объектов, формы проявления которых многообразны. Содержание оценочных понятий характеризуется нечеткостью, неопределенностью, признаками, образующие содержание этих понятий, не исчерпывающи. Оценочные понятия содержат в себе качественно-количественную характеристику соответствующих явлений, а также оценку этих явлений с точки зрения их значения для правоохраняемых интересов. Все это определяет и особенность оперирования данными понятиями в процессе правоприменительной деятельности, в которой превалирующее значение имеют оценочно-познавательная и правоконкретизирующая деятельности.

Субъект, применяющий норму права, содержащую оценочные понятия, производит оценку соответствия конкретного факта явлениям, закрепленным в таком понятии. Но ввиду неконкретности, нечеткости оценочных понятий подобная оценка всегда сопряжена с необходимостью выяснения объема, содержания и признаков самих этих понятий. Иногда утверждают, что содержание оценочных понятий, их признаки формируются [14, с. 88], определяются не законом, а лицом, применяющим норму права [9, с. 97; 5, с. 136]. Однако если согласиться с подобным утверждением, то придется признать, что содержание и объем оценочных понятий, используемых в уголовном законе, зависят не только от волеизъявления законодателя, но во многом от их интерпретатора. Кроме того, это будет означать, что круг явлений, относящихся к классу, отражаемому оценочными понятиями, и признаваемых, таким образом, преступными и наказуемыми, может в значительной мере определяться усмотрением субъекта, применяющего норму права, а не законодателем. Такой подход неприемлем уже потому, что может привести к произвольной криминализации или декриминализации социальных явлений по усмотрению субъекта, применяющего уголовный закон, что не соответствует принципу социалистической законности.

Понятия, в том числе и оценочные, являясь результатом познания человеком объективного мира, представляют собой единство субъективного и объективного, но такое единство, в котором примат имеет объективное. «Человеческие понятия, — писал В. И. Ленин, — субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [1, с. 190]. В оценочных понятиях объективное отражается, в частности, в их объеме и содержании. В ходе правоприменительной деятельности субъект выясняет объем и содержание оценочных понятий, т. е. не создает их в своем представлении, а познает как факт реальной действительности, уточняет признаки, образующие эти понятия. — Причем такое познание осуществляется путем выяснения свойств конкретного факта и сопоставления, сравнения (оценки) его с признаками, образующими содержание оценочного понятия. С учетом же высокого уровня абстрагирования, большого объема этих понятий и, как следствие, нечеткости, неопределенности их содержания подобного рода оценочная деятельность всегда выступает и как правоконкретизирующая деятельность.

Конкретизация оценочных понятий состоит в том, что их содержание, признаки выясняются и уточняются применительно к конкретному факту. Затруднительно, например, представить в полном объеме признаки, образующие такое понятие, как «кража, причинившая значительный ущерб потерпевшему» (ч. 2 ст. 140 УК), но можно конкретизировать содержание данного понятия применительно к отдельному случаю с учетом стоимости похищенного, имущественного положения потерпевшего и т. п.

Правоконкретизирующая деятельность по применению оценочных понятий может быть различной в зависимости от особенностей объектов, обобщенных в этих понятиях. Так, иногда лицо, применяющее закон, должно установить соответствие конкретного факта одной из множества форм внешнего выражения класса явлений, закрепленных в оценочном понятии. Последнее будет применено правильно лишь в том случае, если признаки конкретного факта будут соответствовать признакам, образующим содержание оценочного понятия, и сам этот факт не будет выходить за пределы его объема. Большое значение для выяснения объема и содержания оценочных понятий в этих случаях имеет указание в законе примерного перечня явлений, относящихся к классу, закрепленному в оценочном понятии (например, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия — ст. 77 УК; умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, совершенное путем поджога или иным общеопасным способом — ст. 89 УК и т. п.). Для конкретизации оценочных понятий важна также их интерпретация в по-

становлениях Пленума Верховного Суда СССР и пленумов Верховных Судов союзных республик, в которых указывается примерный перечень признаков, образующих эти понятия и характеризующих формы внешнего проявления соответствующих явлений. Например, в п. 9, 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» разъяснено понятие «умышленного убийства, совершенного с особой жесткостью», а также «способом, опасным для жизни многих лиц» [15, с. 188—189].

В ряде случаев конкретизация оценочных понятий требует выяснения качественно-количественных признаков этих понятий, уточнения их применительно к отдельному факту, установления значения последнего для правоохраняемых интересов. Такая правоконкретизирующая деятельность неизбежно сопряжена с определенным «усмотрением» лица, применяющего закон, так как на оценку, т. е. на оценочно-познавательную деятельность, не могут не влиять субъективные представления правоприменителя, его ценностные ориентации, правосознание. Однако включение субъективного начала в оценочную деятельность едва ли можно рассматривать, как иногда утверждают, как возможность «свободного усмотрения», свободной оценки фактов или же как завершение правосозидательной деятельности в процессе применения норм права. Конкретизация оценочных понятий в судебной практике является правоприменительной деятельностью, которая носит строго подзаконный характер, осуществляется на основе юридических норм. Поэтому и «усмотрение» лица, применяющего уголовный закон, содержащий оценочные понятия, имеет поднормативный характер, т. е. является не «свободным», осуществляется лишь в пределах, определяемых законодателем. Таким образом, «усмотрение» при применении оценочных понятий носит условный, ограниченный характер. Оно лишь в незначительной степени определяется субъективными моментами [2, с. 36], но более всего объективными обстоятельствами.

Выясняя качественно-количественные признаки оценочных понятий по отношению к отдельному факту, правоприменитель делает вывод о соответствии или, наоборот, несоответствии его свойств признакам оценочного понятия. Знания, полученные в результате такой оценочно-познавательной деятельности, являются по характеру их образования субъективными, но по источнику и содержанию эти знания всегда объективны. Они есть отражение объективно реальных процессов, действующих на сознание и волю человека [4, с. 116]. Следовательно, оценочное суждение в своей основе должно иметь определенные объективные факты, свидетельствующие о качественно-количественных характеристиках конкретного явления и самого оценочного понятия. В этой связи важное значение имеет выработка объективных критериев оценки, на основании которых мож-

но сделать вывод о содержании качественных и количественных признаков, образующих оценочное понятие. Например, при решении вопроса, является ли хищение мелким, следует учитывать не только стоимость, но и размер похищенного в натуральном виде (вес, количество предметов и т. д.), а также значимость похищенного для народного хозяйства [15, с. 176, 159]. При определении крупного размера спекуляции необходимо, исходя из обстоятельств дела, учитывать размер фактически полученной или предполагаемой наживы, количество скупленных и перепроданных товаров, а также их стоимость [15, с. 224] и др. С учетом множественности критериев, при помощи которых могут раскрываться оценочные понятия, и различного их значения целесообразно выделять основные и дополнительные критерии оценок. Так, при установлении крупных размеров коммерческого посредничества к основному критерию относятся суммы вознаграждения, включающие все формы оплаты, которую виновный получил или предполагал получить; к дополнительным — количество приобретенных или реализуемых товаров, число клиентов, которым оказывается услуга и т. п. [11, с. 63]. Крупный размер выпуска недоброкачественной промышленной продукции определяется такими основными критериями, как стоимость выпущенной предприятием бракованной промышленной продукции и ее количество. Дополнительными критериями здесь будут стоимость израсходованного сырья, его дефицитность, соотношение бракованной продукции с общим количеством продукции, выпускаемой предприятием, и др. [12, с. 44—45]. Основные критерии свидетельствуют о сущности преступления, обусловлены объектом и объективными признаками преступного посягательства и поэтому имеют решающее значение для выяснения содержания оценочных понятий и отнесения конкретного факта к классу явлений, отраженных в этих понятиях. Дополнительные же критерии имеют вспомогательное значение и должны учитываться в так называемых пограничных ситуациях, когда при помощи основных критериев невозможно или затруднительно принять окончательное решение.

Критерии оценок вырабатываются теорией уголовного права и судебной практикой. Чем совершеннее и детальнее они разработаны, тем точнее может быть применен уголовный закон. В таких случаях применение оценочных понятий упрощается, приближается к применению понятий точного значения. Так, обстоятельная разработка критериев оценок, позволяющая относить хищения в зависимости от размера похищенного к мелкому, в значительных, крупных или особо крупных размерах, имеет важное значение для правильной квалификации названных преступлений. Но эти понятия продолжают быть оценочными, так как совершенство критериев оценки не превращает их в понятия точного значения, а лишь упрощает задачу их

применения. В связи с изложенным нельзя согласиться с мнением о том, что стабильность критериев оценок трансформирует оценочные понятия в понятия точного значения [10, с. 6].

Для правильного применения закона, содержащего оценочные понятия, большое значение имеет отражение в актах применения права тех обстоятельств объективного характера, на основании которых конкретный факт относят к классу, закрепленному в оценочном понятии. Важные указания по этому вопросу содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», где сказано, что квалифицируя хулиганство по ч. 2 ст. 206 УК по признаку исключительного цинизма или особой дерзости, суд должен указать в приговоре, какие конкретные действия виновного он относит к исключительно циничным или особо дерзким [15, с. 264]. В связи с этим представляется, что по каждому уголовному делу в случаях квалификации преступления по статьям УК, содержащим оценочные понятия, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и приговоре должно быть указано, на основании каких именно объективных обстоятельств делается вывод о наличии в действиях лица признаков преступления, обозначенного в законе оценочным понятием. Такая конкретизация оценочных понятий будет способствовать правильному применению уголовного закона, соблюдению социалистической законности. Поэтому целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» указанием на то, что суд, применяя уголовный закон, содержащий оценочные понятия, должен указать в приговоре, какие конкретные факты объективного характера положены в основу признания в действиях подсудимого признаков преступления, описанного при помощи оценочных понятий.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 77—218. 2. Боннер А. Т. Применение закона и судебное усмотрение. — Сов. государство и право, 1979, № 6, с. 34—42. 3. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., Юрид. лит., 1967. 240 с. 4. Дейнеко Н. И. Объективное и субъективное в процессе отражения. Киев-Одесса, Вища школа, 1978. 166 с. 5. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, Вища школа, 1976, 150 с. 6. Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе. — Сов. государство и право, 1973, № 11, с. 68—74. 7. Кошанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук, Свердловск, 1974, 16 с. 8. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., Юрид. лит., 1963, 324 с. 9. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1979. 176 с. 10. Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук, Свердловск, 1979. 16 с. 11. Сташис В. В. Уголовно-правовая охрана социалистического хозяйства. Харьков, Вища школа, 1973. 158 с. 12. Тацкий В. Я. Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной промышленной продукции. Харьков, 1978. 64 с. 13. Фролов Е. А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве. — В кн.: Проблемы советского уголовного права и криминологии. — Уч. тр./Свердловск. юрид. ин-т, 1973, вып. 28, с. 37—47. 14. Фролов Е. А., Питецкий В. В. Гарантии законности и оценочные понятия в уголовном праве. — Сов. государство и право, 1979, № 6, с. 87—91. 15. СП Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 2. М., Известия Советов народных депутатов СССР, 1978. 520 с.

**ЗНАЧЕНИЕ НОРМЫ ЗАКОНА О ДОБРОВОЛЬНОМ ОТКАЗЕ
В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ, ВЕДУЩИХ БОРЬБУ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Добровольный отказ, освобождающий в силу ст. 16 Основ уголовного законодательства лицо от уголовной ответственности — это отказ лица от продолжения и доведения до конца начатой им преступной деятельности по собственной воле при наличии сознания возможности ее окончания. Таким образом, особенность добровольного отказа состоит в том, что решение о нем принимается субъектом по своей воле, по своим внутренним побуждениям.

Закон не ставит добровольный отказ от совершения оконченного преступления в зависимость от каких-либо определенных мотивов. Ими могут быть, например, чистосердечное раскаяние лица, осознавшего антиобщественную направленность своих действий, угрызения совести, жалость к потерпевшему, боязнь уголовной ответственности или наказания и т. д. Важно, чтобы эти мотивы привели лицо к добровольному прекращению начатой преступной деятельности.

Органы, ведущие борьбу с преступностью, имеют возможность своевременно устанавливать и выявлять лиц, которые готовятся к совершению какого-либо преступления либо покушаются на него, что позволяет им принимать меры к тому, чтобы побудить их к добровольному отказу. Однако решение о добровольном отказе должно быть всегда принято по воле самого лица, реализующего преступный замысел. Поэтому деятельность органов, ведущих борьбу с преступностью, при побуждении того или иного субъекта к добровольному отказу имеет своей целью не принуждение его к отказу от начатой преступной деятельности, ибо такой отказ нельзя признать добровольным, а направлена на возбуждение у него различных мотивов, ведущих к добровольному прекращению начатого преступления. В связи с этим побуждение к добровольному отказу не должно исключать у виновных сознание возможности успешного окончания начатой преступной деятельности. Если же субъект узнает, что органам, ведущим борьбу с преступностью, стало известно о его преступной деятельности, и в силу этого он прекращает совершение преступления, то о добровольном отказе в подобных случаях говорить нельзя, поскольку здесь будет либо неудачная попытка совершить преступление, либо вынужденное прекращение преступных действий с намерением возобновить их в более подходящий момент.

Иногда в литературе возражают против такой деятельности, побуждающей к добровольному отказу¹, что не соответствует требованиям ст. 103 УПК УССР, которая обязывает органы дознания принимать все надлежащие меры, необходимые не только для пресечения, но и для предупреждения преступлений. Поэтому в числе мероприятий, направленных на предупреждение преступлений, значительное внимание должно уделяться и побуждению лиц к добровольному отказу от начатой преступной деятельности. Из положений закона о добровольном отказе вытекает, что данный отказ должен быть обусловлен не личной инициативой, а личной волей субъекта. Отсюда следует, что добровольный отказ имеет место и тогда, когда лицо отказывается от продолжения начатой преступной деятельности по инициативе и благодаря побуждению к такому отказу со стороны органов, ведущих борьбу с преступностью. Разумеется, побуждение к добровольному отказу на стадии покушения может быть осуществлено не всегда, что объясняется самим характером посягательства при покушении, где возможность наступления преступного последствия в подавляющем большинстве случаев близка, что отсутствуют условия и время для побуждения субъекта к отказу от начатой преступной деятельности. Однако, нельзя игнорировать такую возможность, когда посягательство занимает более или менее значительный промежуток времени, и момент возможности наступления последствий отдален от начала совершения преступления.

Выбор тактических приемов побуждения того или иного лица к добровольному отказу зависит прежде всего от общей характеристики субъекта, готовящегося либо уже начавшего совершать преступление, т. е. от его поведения в быту и на производстве, от нравственных качеств личности, от его ближайшего окружения и т. п. Берется во внимание также и характер совершаемых им действий, объем их выполнения и общественная опасность преступного посягательства в целом. Все это позволяет правильно определить характер воздействия, которое может оказать наиболее благоприятное влияние на лицо и будет способствовать побуждению его к отказу от реализации замысла. Как показывает практика, чаще всего побуждение лиц к добровольному отказу осуществляется путем проведения индивидуальных бесед воспитательно-профилактического характера, дачи советов, которые проводятся как непосредственно сотрудниками органов, ведущих борьбу с преступностью, так и по их инициативе другими лицами (родственниками виновных, их друзьями и знакомыми, руководителями предприятий, учреждений, представителями различных общественных организаций). Большое внимание при этом об-

¹ Дядько Д. Е. Добровольный отказ от совершения преступления по советскому уголовному праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1974, с. 9—10.

ращается на разъяснение смысла закона об исключении уголовной ответственности при добровольном отказе. Нередко данная работа дополняется проведением и иных мероприятий, в результате чего искусственно создаются условия, затрудняющие либо вовсе устраняющие возможность совершения окончательного преступления. Однако в последнем случае эти мероприятия не должны исключать у субъекта сознание возможности успешного окончания начатой преступной деятельности, ибо если он будет знать, что в создавшихся условиях совершить преступление невозможно и в результате этого прекратит его совершение, то будет иметь место не добровольный, а вынужденный отказ.

Положения закона о добровольном отказе представляют сотрудниками органов, ведущим борьбу с преступностью, большие возможности для работы по ликвидации преступных групп. Здесь необходимо прежде всего воздействовать на колеблющихся участников групп, чья роль в ней незначительна; затем, используя помощь лиц, отказавшихся от совершения преступления, повлиять и на других участников группы. Однако, когда это может принести успех, побуждение к добровольному отказу осуществляется и непосредственно в отношении тех лиц, выход которых из группы может привести к ее распаду. Такими лицами могут быть организаторы либо активные участники группы.

Побудительная деятельность органов, ведущих борьбу с преступностью, в отношении преступных групп должна строиться на основе строгого соблюдения законов и не может быть связана с какими-либо элементами провокации преступления со стороны отдельных участников группы, которые не желают добровольно отказываться от доведения начатой преступной деятельности до конца.

Ю. В. Баулин

Харьковский юридический институт

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ДЕЙСТВИЙ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ПРЕСТУПНИКА В СИСТЕМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Действия граждан по задержанию преступника являются эффективным средством в деле борьбы с преступностью. Многими юристами обосновано положение, что действия по задержанию преступника — самостоятельное обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния и, следовательно, уголовную ответственность. Однако вопрос о месте этих действий в системе обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, решается различным образом.

И. И. Слуцкий относил принятие мер для задержания преступника наряду с необходимой обороной, крайней необходимостью, согласием потерпевшего, исполнением законного приказа, выполнением служебных и профессиональных обязанностей, осуществлением своего права и принуждением к повиновению к обстоятельствам, устраняющим общественную опасность деяния. В эту же группу он включал также добровольный отказ от преступления, изменение закона, изменение социально-политической обстановки, истечение сроков давности, малозначительность правонарушения, физическое принуждение и непреодолимую силу [11, с. 11—12]. А. Н. Красиков, предлагая создать единый институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, относит к нему задержание преступника наряду с деяниями, предусмотренными ч. 2 ст. 7 УК, освобождением от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности или по иным основаниям (например, ч. 2 ст. 56 УК УССР), наличие которых дает право освободить лицо от уголовной ответственности или наказания [7, с. 21—22].

Взгляды И. И. Слуцкого и А. Н. Красикова представляются неубедительными. В литературе уже отмечалось, что необходимо проводить четкое различие между обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность, и обстоятельствами, освобождающими от таковой. Указывалось, что об освобождении от уголовной ответственности нельзя говорить, когда факт преступления отсутствует, что такое освобождение возможно лишь тогда, когда лицо совершило преступление [4, с. 78]. Действия же по задержанию преступника не только не являются преступлением, но, напротив, общественно полезны, поощряются правом и моралью социалистического общества. Поэтому задержание преступника нельзя включать в число обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности, применяемых только тогда, когда лицом совершено преступление.

Б. А. Куринов и Е. А. Фролов также рассматривают задержание преступника как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния, но наряду лишь с необходимой обороной и крайней необходимостью. Что касается других обстоятельств (например, исполнение обязательного приказа, выполнение профессиональных функций и т. п.), то они, по мнению этих авторов, имеют иную природу [12, с. 181—182; 13, с. 203—204]. Различие в природе названных обстоятельств ими усматривается в том, что правомерность действий по задержанию преступника (как и при необходимой обороне и крайней необходимости) определяется в уголовном законе, а таких обстоятельств, как исполнение обязательного приказа, исполнение закона и т. д., — в нормах других отраслей права. Следовательно, Б. А. Куринов и Е. А. Фролов исходят из того, что только уголовный закон определяет и должен определять понятие и условия правомерности действий по задержанию пре-

ступника, необходимой обороны и крайней необходимости. Однако такая позиция вызывает сомнение. Дело в том, что главным системообразующим фактором выделения определенных институтов в отдельную отрасль права, как известно, служат общественные отношения, объективно требующие особой правовой регламентации. Эта группа общественных отношений составляет ядро предмета регулирования данной отрасли. В то же время, как отмечает С. С. Алексеев, когда и предмет правового регулирования и соответствующая ему отрасль права уже сложились, «в орбиту регулирования данной отрасли втягиваются смежные, родственные, «сопряженные» отношения, а то и нетипические отношения, для которых оказалось возможным использовать уже сложившийся отраслевой механизм» [1, с. 172]. Необходимо учитывать также и то, что отрасль права формируется в общем русле развития правовой системы конкретной страны, определенное влияние оказывают также и правовые системы других государств, научные концепции по вопросу о структуре правовой системы, наконец, законодательные традиции.

Уголовное право, как известно, регулирует общественные отношения, возникающие между государством и преступником в связи с совершенным им преступлением. Эти отношения регулируются специфическим, присущим только данной отрасли методом: путем определения того, какие общественно опасные деяния являются преступными, и установления наказания, подлежащего применению к лицам, совершившим преступления. Уголовно-правовые отношения носят властный характер, где государству в лице соответствующих органов принадлежит право и обязанность привлечь преступника к уголовной ответственности, а преступник имеет право требовать назначения ему справедливого наказания в соответствии с законом и обязан претерпеть все неблагоприятные последствия совершенного преступления, в том числе отбыть назначенное ему приговором суда наказание.

Вместе с тем уголовное право регулирует и отношения, возникающие при совершении действий в состоянии необходимой обороны и при задержании преступника. Отношения по задержанию преступника, урегулированные уголовным правом, не являются, однако, отношениями власти — подчинения, властотношениями [9, с. 137]. Это, как отмечают П. Дагель и Л. Зусь, «нетипичные» для уголовного права отношения [5, с. 93], которые складываются вне основного уголовного правоотношения [3, с. 14].

Регулирование таких отношений вовсе не обязательно только в уголовном законодательстве. В свое время Н. Д. Дурманов справедливо писал, что положение несколько не изменится, если нормы, касающиеся необходимой обороны и крайней необходимости, «включить, скажем, в число норм администра-

тивного права, что, кстати сказать, нередко и наблюдается в части действий по задержанию преступника, очень близких к необходимой обороне. В этом случае в системе уголовного права констатировалось бы только, что действия, совершенные при названных обстоятельствах, правомерны и, следовательно, к области уголовного права не относятся... Вообще все учение об этих обстоятельствах не обязательно должно относиться к уголовному праву, так как последнее трактует о преступлениях и наказаниях, здесь же речь идет об одном из правомерных действий» [6, с. 205—206]. Регламентацию действий по задержанию преступника именно в уголовном законодательстве можно объяснить, по-видимому, влиянием нашей судебной практики, которая приравнивает действия по задержанию преступника к необходимой обороне, а также науки уголовного права, рассматривающей вопрос о правомерности задержания преступника в прямой связи с необходимой обороной, предусмотренной в УК.

Если же обратиться к таким общественно полезным действиям, как выполнение профессиональных функций, исполнение обязательного приказа и т. п., то их регулирование вообще, как правило, не может иметь место в уголовном законодательстве. Отношения, возникающие при совершении подобных действий, не составляют предмета уголовного права, ибо они не являются отношениями, возникающими между государством и преступником в связи с совершенным им преступлением. Эти отношения составляют предмет регулирования иных отраслей права: административного, гражданского, трудового и др. Однако такое положение не оказывает влияния на то, что именно теория уголовного права и судебная практика, основываясь на законодательном материале этих отраслей права, вырабатывают условия правомерности указанных действий. В свою очередь, понятия необходимой обороны, задержания преступника, крайней необходимости используются другими отраслями права. Так, правомерное причинение вреда преступнику при задержании имеет значение для решения вопроса об исключении не только уголовной ответственности за такие действия, но и, например, имущественной ответственности.

Далее, различать вслед за Б. А. Куриновым и Е. А. Фроловым действия по задержанию преступника и другие правомерные действия лишь по тому признаку, что последние в уголовном законодательстве не предусмотрены, значит использовать лишь внешний, несущественный признак. Если законодатель, например, в будущем установит в уголовном законе условия правомерности допустимого производственно-хозяйственного риска, как это имеет место в УК ряда социалистических государств, то сразу же перестанет существовать и различие в природе задержания преступника и производственно-хозяйственного риска. Но такое решение вопроса явно неприемлемо.

Общественно полезные действия, не указанные в уголовном законе, как справедливо отмечается в литературе, в судебной практике встречаются редко [13, с. 203]. И, напротив, дела, связанные с решением вопроса о правомерности действий при необходимой обороне, крайней необходимости и задержании преступника, — явление сравнительно частое. Представляется, что в уголовном законе предусмотрены, как метко называет их И. Андреев, «типичные ситуации», «типичные случаи, исключаяющие преступность деяния» [2, с. 68], а именно: необходимая оборона, крайняя необходимость и задержание преступника. Таким образом, задержание преступника следует рассматривать в системе обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния, как предусмотренных, так и не указанных в уголовном законе.

Критерий отнесения задержания преступника к названным обстоятельствам будет обоснованным лишь при том условии, если все эти обстоятельства, в том числе и задержание преступника, имеют какой-то общий определяющий их признак. Этот критерий следует усматривать в том, что совершенное лицом при этих обстоятельствах деяние не только не может быть признано общественно опасным, но, напротив, является общественно полезным, содействует охране социалистического правопорядка, осуществлению функций государственных органов, той или иной общественно полезной деятельности [10, с. 342]. Следовательно, именно общественная полезность совершенного выступает тем критерием, который позволяет отнести то или иное обстоятельство в названную группу.

Право, как известно, регулирует не всякое поведение человека, а лишь такое, которое имеет наиболее важное общественное значение. Закрепленное в норме права такое поведение становится юридически значимым. «Социальным основанием для позитивного закрепления определенного поведения в нормах социалистического права служат его общественная возможность, полезность и необходимость» [8, с. 40—41]. Общественная необходимость такого поведения выражается в первую очередь в том, что оно получает свое выражение в виде обязанностей граждан, должностных лиц и коллективов. Эти соответствующие обязанности, как выражение того или иного позитивного поведения, закреплены в Конституции СССР и конституциях союзных и автономных республик, а также в текущем законодательстве. Отмечая, что социальные возможности отражаются прежде всего через субъективные права и что они не противоречат обязанностям, В. Н. Кудрявцев указывает, что «права и свободы личности, равно как и ее обязанности, выражают в конечном счете общественную полезность поведения, потребность в нем» [8, с. 39].

Общественная необходимость действий по задержанию преступника определяется положениями ст. 65 Конституции СССР,

которая возлагает на гражданина СССР обязанность «быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка». Социальная же возможность такого поведения вытекает из норм уголовного права. Так, в ч. 3 ст. 15 УК УССР, а также в ст. 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» действия по задержанию преступника признаются правомерными [14]. Право советских граждан на задержание преступника справедливо относится в литературе к абсолютным субъективным правам [9, с. 136]. Следовательно, наличие общественной необходимости такого поведения, как задержание преступника, в совокупности с социальной возможностью этих действий со всей очевидностью свидетельствует об общественно полезном их характере.

Социальная возможность того или иного поведения, равно как и его общественная необходимость, определяется не только и не столько нормами уголовного права. Как уже указывалось, такое правомерное поведение, например, как исполнение обязательного приказа, выполнение профессиональных функций, те права и обязанности, которые при этом возникают, регулируются нормами других отраслей права. Это, однако, не меняет основного вывода, что все они, как и необходимая оборона и крайняя необходимость, характеризуются как общественно полезные. Именно среди этих обстоятельств занимают свое место действия по задержанию преступника, правомерность и полезность которых полностью исключает уголовную и иную ответственность.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., Юрид. лит., 1975. 264 с. 2. *Андреев И.* Очерки по уголовному праву социалистических государств. М., Юрид. лит., 1978. 165 с. 3. *Галкин В. М., Блум М. И.* Уголовно-правовой запрет. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Рига, 1978, с. 4—21. 4. *Гальперин И. М.* Взаимодействие государственных органов и общественности в борьбе с преступностью. М., Юрид. лит., 1972. 184 с. 5. *Дагель П., Зусь Л.* (Рец. на кн.:) Н. А. Огуцов. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. — Соц. законность, 1977, № 3, с. 93—94. 6. *Дурманов Н. Д.* Понятие преступления. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948. 311 с. 7. *Красиков А. Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976, 119 с. 8. *Кудрявцев В. Н.* Право и поведение. М., Юрид. лит., 1978. 192 с. 9. *Огуцов Н. А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. 206 с. 10. Курс советского уголовного права. Т. II. М., Наука, 1970. 515 с. 11. *Слуцкий И. И.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., Изд-во ЛГУ, 1956. 116 с. 12. Советское уголовное право. Общая часть/Под ред. В. Д. Меньшагина и др. М., Изд-во МГУ, 1974. 444 с. 13. Советское уголовное право. Общая часть/Под ред. Н. А. Беляева, М. И. Ковалева. М., Юрид. лит., 1977. 544 с. 14. Ведомости Верховн. Совета СССР, 1966, № 30, ст. 595.

В. П. Тихий, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ В ч. 2 ст. 222 УК УССР**

Главным направлением в борьбе с преступностью является ее предупреждение. В связи с этим «у нас проявляется все

большая забота о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить» [2, с. 81]. «Мудрый законодатель, — писал К. Маркс, — предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него» [1, с. 131].

Важную роль в этом деле играют нормы уголовного права, в частности нормы поощрительные, которые «нацелены на благоприятствование социальной переориентации лиц, совершивших преступление, на стимулирование к добровольному предотвращению, нейтрализации или уменьшению отрицательных последствий преступления» [5, с. 92]. К их числу относится и ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1974 г. «Об ответственности за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ» (ч. 2 ст. 222 УК УССР, примеч. к ч. 1 ст. 218 УК РСФСР), согласно которой «лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности» [11]. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 20 сентября 1974 г. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного оружия» разъяснил, что по смыслу названного Указа от уголовной ответственности освобождаются, в случае добровольной сдачи огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, не только лица, хранившие их без соответствующего разрешения, но и те, которые их «незаконно приобрели, изготовили или носили» [10, 1974, № 5, с. 10]. Таким образом, Пленум Верховного суда СССР, признав, что добровольная сдача огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ при любом их незаконном владении исключает уголовную ответственность, дал в полном соответствии с Указом от 11 февраля 1974 г. распространительное толкование данного закона.

Принятие этой нормы законодателем направлено на то, чтобы предотвратить применение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ в преступных целях, исключить возможность совершения неосторожных преступлений и несчастных случаев при обращении с этими предметами. Законодатель учитывал характер данных предметов и возможность наступления тяжких последствий при пользовании ими, так как они представляют повышенную опасность для правоохраняемых интересов. Эта опасность вызвана тем, что огнестрельное оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества по своей вещественной природе таят в себе большую и притом реальную угрозу общественной безопасности. Им свойственна значитель-

ная разрушительная сила, они предназначены либо для поражения живой цели, либо для разрушения тех или иных преград окружающей среды. Обращение с ними создает угрозу жизни и здоровью граждан, уничтожения и повреждения имущества.

Нахождение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ у преступных элементов дает им дополнительные возможности для совершения преступлений. Не имея этих предметов, лицо во многих случаях не решилось бы пойти на преступление. У него при таком положении вещей даже могло не возникнуть мысли о преступлении. Владение же огнестрельным оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами в какой-то мере может побудить к совершению преступления, создает уверенность в успешности будущих преступных действий, так как облегчает их совершение, а равно помогает избежать задержания и поимки. В значительной мере это связано с тем, что указанные предметы в силу своей легкости и портативности являются удобными для скрытого и незаметного их ношения и внезапного применения. Причем они приводятся в действие весьма простыми и более того общеизвестными способами, для овладения которыми по существу не требуется какого-либо специального обучения.

Высокая степень общественной опасности со стороны лица, незаконно хранящего огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, определяется и тем, что ему легче и проще найти соучастников, подавить сопротивление граждан, которые попытаются воспрепятствовать или помешать преступлению, равно как и избежать задержания и ответственности. Наличие оружия способствует формированию и деятельности преступных групп, нередко возглавляемых рецидивистами [9, с. 141].

Очевидно, вооруженный преступник действует более дерзко, что затрудняет или вовсе исключает применение необходимой обороны и предупреждение опасных последствий, которые могут быть причинены. Сам факт вооруженности преступника может оказать на граждан парализующее воздействие, а применение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ при совершении преступления «увеличивает интенсивность насилия, доводя его до степени опасного для жизни» [6, с. 38]. Не случайно, что к незаконному владению оружием нередко стремятся лица, которые имеют намерение использовать его в преступных целях, а наиболее опасные преступления во многих случаях связаны именно с применением оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ [10, 1974, № 5, с. 3]. Наконец, незаконное хранение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ существенно увеличивает опасность причинения тяжких последствий, так как неумелое с ними обращение, а также небрежное их хране-

ние может явиться причиной неосторожных преступлений и несчастных случаев.

В связи с этим охрана наиболее важных социалистических общественных отношений требует, чтобы преступления, связанные с применением огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, были предупреждены в том числе и ценой освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших данные предметы. Интересы наказания таких преступников уступают здесь место интересам действенной охраны общества. Таким образом, задача уголовно-правовой охраны социалистического правопорядка от преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ решается законодателем двояким образом — не только и не столько путем усиления наказания за их незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт, но и путем освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших эти предметы. Именно эти обстоятельства и учитывал законодатель, когда во вводной части Указа от 11 февраля 1974 г. указал, что он издается в «целях повышения эффективности борьбы с преступлениями, связанными с применением огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ» [11].

Эффективность этого Указа нужно связывать с результатами, достигаемыми в борьбе с преступлениями, за которые в нем установлена ответственность, ибо результативность уголовно-правовых норм оценивается с точки зрения того, в какой мере они способствуют целям укрепления социалистического правопорядка, охране прав и интересов советских граждан [8, с. 3]. То обстоятельство, что лицо освобождается от уголовной ответственности в случае добровольной сдачи им огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, стимулирует поведение гражданина, заставляет прекратить незаконное хранение данных предметов и тем самым содействует предотвращению общественно-опасных последствий, связанных с незаконным владением этими предметами. Добровольная сдача огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ означает, что опасность насильственного причинения вреда социалистическими общественными отношениями устраняется: эти предметы не могут быть использованы в преступных целях, исключается и возможность совершения неосторожных преступлений и несчастных случаев при обращении с ними.

Именно исходя из интересов предупреждения преступлений законодатель признал необходимым освобождение от уголовной ответственности лица, прекратившего свою преступную деятельность путем добровольной сдачи оружия, боевых припасов в взрывчатых веществ, которыми он незаконно владел. В связи с изложенным представляются узкими трактовки целей анализируемой нормы, предложенные некоторыми авторами.

Так, М. Дубинина считает, что рассматриваемая норма имеет значение лишь для предупреждения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 218 УК РСФСР (ч. 1 ст. 222 УК УССР) [7, с. 43]. А. В. Барков полагает, что она служит целям создать у виновного стимул в способствовании органам государства в раскрытии указанного преступления [4, с. 69]. Однако законодателя интересует не только и не столько предупреждение и раскрытие незаконного ношения, хранения, приобретения и изготовления огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, ответственность за которое установлена в ст. 222 УК УССР, а то, чтобы эти предметы не выступили средством совершения других более тяжких преступлений, не привели к неосторожным преступлениям, к несчастным случаям.

Нельзя согласиться и с пониманием целей этой нормы Г. Агафоновым, который считает, что ее введение продиктовано целесообразностью создать благоприятные условия для своевременного исправления своей ошибки лицами, которые в результате личного легкомыслия хранили огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества [3, с. 34]. С целями этой нормы связан и вопрос о юридической природе установленного в ней освобождения от уголовной ответственности. В ч. 2 ст. 222 УК предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности, который характеризуется следующими свойствами. Во-первых, об освобождении от уголовной ответственности можно говорить лишь при условии, что в действиях лица имеются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК. Во-вторых, лицо добровольно сдает огнестрельное оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества, находившиеся у него без соответствующего разрешения. В-третьих, при наличии условий, указанных в ч. 2 ст. 222 УК, освобождение от ответственности наступает всегда, независимо от усмотрения следователя, прокурора или суда.

Таким образом, юридическая природа нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 222 УК УССР, заключается в том, что это специальный вид освобождения виновного от ответственности и, следовательно, от правовых последствий преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК УССР, в связи с тем, что своим поведением — добровольной сдачей огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ — лицо предотвращает не только вредные последствия совершенного им преступления, но и возможность совершения других, как умышленных, так и неосторожных преступлений и возникновения несчастных случаев.

Список литературы: 1. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 119—160. 2. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971. 320 с. 3. Агафонов Г. Законодательная регламентация відповідальності за незаконне володіння зброєю. — Рад. право, 1975, № 4. 4. Барков А. В. Юридическая природа освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного нормами Особенной части уголовного законодательства. — В кн.: Проблемы уголовного права. Минск, Изд-во

БГУ, 1976. 5. *Галкин В. М.* Система поощрений в советском уголовном праве. — Сов. государство и право, 1977, № 2, 6. *Гаухман Л. Д.* Борьба с насильственными посягательствами. М., Юрид. лит. 1969. 120 с. 7. *Дубинина М.* Ответственность за незаконное владение огнестрельным оружием. — Соп. законность. 1975, № 3. 8. *Кудрявцев В. Н.* Предисловие к книге «Эффективность применения уголовного закона». М., Юрид. лит., 1973. 9. *Тенчов Э. С.* Предупреждение случаев незаконного изготовления, пошения и сбыта оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (криминологическое исследование). — В кн.: Вопросы социалистического государства и права на современном этапе. Иваново, 1976. 10. Бюл. Верховн. Суда СССР. П. Ведомости Верховн. Совета СССР, 1974, № 7, ст. 116.

И. М. Гасанов

Московский госуниверситет

СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Ст. 22 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает возможность изменения условий содержания осужденных, отбывающих согласно приговору суда наказание в исправительно-трудовом учреждении. Наличие такой возможности изменения условий содержания лиц, отбывающих лишение свободы, ставит вопрос о существовании так называемой прогрессивной системы.

В соответствии со ст. 22 Основ возможно изменение условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы 1) путем перевода из одного вида исправительно-трудового учреждения в другое; 2) без такого перевода в пределах одного и того же исправительно-трудового учреждения. Для применения ст. 22 Основ необходимо, во-первых, отбытие осужденным определенного срока наказания в той исправительно-трудовой колонии (тюрьме и воспитательно-трудовой колонии), которая была ему определена в приговоре суда; во-вторых, наличие законных оснований, когда возможны такие изменения условий содержания; в-третьих, такие изменения (как в сторону усиления режимных правил, так и их смягчения) должны быть одним из средств достижения целей исправления и перевоспитания.

В литературе нет единого четкого подхода к прогрессивной системе. Одни авторы ее поддерживают, другие же указывают на ее неприемлемость. Так, А. Е. Наташев считает, что прогрессивная система отбывания наказания «вырабатывает у заключенных небескорыстное, потребительское отношение к своему поведению [2, с. 249—250; 3, с. 204—208] и тем самым стимулирует ложное исправление. Возражая против этого вывода, А. М. Яковлев пишет, что аргументация А. Е. Наташева «была направлена не столько против самой прогрессивной системы, сколько против возможных ее извращений на практике

[7, с. 185]. Н. А. Стручков справедливо полагает, что «в условиях деятельности советских исправительно-трудовых учреждений есть все возможности свести до минимума проявление негативных черт прогрессивной системы. Признание осужденным субъективных прав и обязанностей приводит к тому, что посредством прогрессивной системы изменяется правовое положение осужденных, а не «покупается» поведение за льготы. Порядок изменения условий содержания осужденных (иными словами — изменения их правового положения) таков, что возможность приобрести новые права путем угодничества сводится на нет» [5, с. 163—164].

Принято, как правило, считать, что прогрессивная система исполнения наказания у нас существует в «усеченном» виде. Так, Ю. М. Ткачевский пишет: «Вероятно, правильнее было бы говорить о наличии в действующем исправительно-трудовом праве не прогрессивной системы исполнения наказания, а ее отдельных элементов. Дело в том, что завершенная прогрессивная система исполнения наказания предполагает распределение осужденных по различным разрядам с переходом из низших в высшие и обратно...» [7, с. 143]. Данный вывод представляется спорным, так как вместо деления осужденных на разряды действующее законодательство устанавливает их классификацию, осуществляемую судом, исходя из вида лишения свободы (тюрьма или колония) и их режима. Подобная классификация является как бы делением осужденных на разряды. Поэтому следует считать, что в исправительно-трудовых учреждениях существует развернутая прогрессивная система исполнения наказания.

Целями прогрессивной системы отбывания наказания являются: 1) создание таких условий содержания осужденных в исправительно-трудовых учреждениях, которые стимулировали бы их стремление к исправлению и перевоспитанию; 2) постепенная подготовка осужденных к жизни на свободе путем перевода от более строгих форм лишения свободы к менее строгим, сопряженным с меньшей изоляцией от общества [5, с. 163—164]. Таким образом, прогрессивная система исполнения наказания заключается в изменении правового статуса осужденного в сторону смягчения режимных правил или же в сторону ужесточения [6, с. 143]. Эта система характерна своей наглядностью. Осужденный имеет возможность убедиться в том, как его поведение влияет на характер исполнения наказания.

При назначении наказания решается вопрос о его индивидуализации. Вместе с тем исправительно-трудовое законодательство также требует индивидуализации исполнения наказания. И. И. Карпец пишет: «Задачей исправительно-трудовых учреждений, а значит, целью индивидуализации отбывания наказания является в конечном счете исправление и перевоспитание человека, чье антиобщественное лицо проявилось в со-

вершенном им деянии. В соответствии с этим и индивидуализация отбытия наказания должна быть организована прежде всего исходя из личности человека, с учетом, конечно, характера деяния, совершенного им» [1, с. 147].

Очевидно, что прогрессивная система исполнения наказания изменяет не только объем и характер карательного воздействия на осужденного, но и сопряжена с изменением содержания и характера мер исправительно-трудового воздействия [4, с. 48].

Следовательно, перевод осужденного из одного исправительно-трудового учреждения в другое, реализуемый как элемент прогрессивной системы, сопряжен и с некоторыми изменениями содержания и характера применяемых к нему мер исправительно-трудового воздействия, что отражается на правовом статусе осужденного.

Определяя прогрессивную систему как особый порядок отбывания лишения свободы, следует указать, что вместе с тем она является важным средством исправления и перевоспитания осужденных, выступая одновременно критерием оценки деятельности исправительно-трудовых учреждений и нормой оценки поведения осужденного: его отношения к труду, учебе и т. д.

Список литературы: 1. *Карпец И. И.* Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., Госюриздат, 1961. 147 с. 2. *Наташев А. Е.* Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы. — В кн.: Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961, с. 249—250. 3. *Наташев А. Е.* Основные вопросы кодификации исправительно-трудового законодательства. — Уч. зап. ВИЮН, 1962, № 14, с. 204—208. 4. *Ременсон А. Л.* Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных. Автореф. дис... д-ра юрид. наук, Томск, 1965. 48 с. 5. *Стручков Н. А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. 6. *Ткачевский Н. А.* Советское исправительно-трудовое право. М., Изд-во МГУ, 1971. 143 с. 7. *Яковлев А. М.* Борьба с рецидивной преступностью. М., Юрид. лит., 1964. 185 с.

А. Я. Светлов, канд. юрид. наук

Институт государства и права АН УССР

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Субъектом должностных преступлений (расположенных как в главе VII УК УССР, так и в других главах) могут быть только должностные лица. Понятие должностного лица едино, поэтому не может быть субъекта взяточничества, отличающегося, например, от субъекта халатности или служебного подлога. Это положение подчеркивается и в ч. I п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г.¹, где говорится: «Разъяснить судам, что в силу закона уголовной ответственности за получение взятки подлежат должностные лица». Однако в ч. II этого же пункта отмечается: «Субъектом

¹ В дальнейшем изложении — постановление.

преступления — получения взятки следует признавать и тех работников государственных, кооперативных и общественных учреждений, предприятий и организаций, которые в силу своего служебного положения и выполняемых ими обязанностей могли за взятки принять меры к совершению другими должностными лицами действий, желательных для взяткодателей». Указание Пленума Верховного Суда СССР на работников государственных, кооперативных и общественных учреждений, предприятий и организаций, как на субъектов должностного преступления предполагает, по нашему мнению, право признавать субъектами взяточничества и недолжностных лиц, что не соответствует закону.

В деяниях должностного лица, которое за полученное материальное вознаграждение может принять меры к совершению другим должностным лицом действий, желательных для взяткодателя, несомненно, следует усматривать получение взятки. В диспозиции ст. 168 УК УССР говорится о совершении должностным лицом за взятку действия, которое оно может совершить с использованием своего служебного положения. К подобным действиям большинство юристов относит и склонение другого должностного лица к совершению деяния, желательного для взяткодателя¹. Так, директор магазина Н. получил от гр-на С. в качестве взятки 350 р. за обещанную продажу ему мотоцикла «Ява». Поскольку в тот момент в магазине мотоциклов этой марки не было, Н. попросил своего коллегу П. — директора другого магазина продать С. мотоцикл, что он и сделал. П. не знал о получении взятки Н. Последний обосновано был осужден по ст. 168 УК УССР. Следовательно, если должностное лицо получает материальные блага за содействие в силу своего служебного положения совершению другими лицами желательного для взяткодателя деяния, то, безусловно, такое преступление должно квалифицироваться как получение взятки. Поэтому из постановления целесообразно исключить ч. II либо, как это ранее предлагал В. Ф. Кириченко², уточнить его формулировку.

В п. «а» ст. 7 постановления говорится, что вопрос об ответственном положении должностного лица решается судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела с учетом занимаемой этим лицом должности и важности осуществляемых им функций. Представляется, что было бы целесообразным дополнить этот пункт указанием, что руководители предприятий, учреждений, организаций, ведомств, структурных подразделений, а также их заместители всегда (по смыслу закона) относятся к должностным лицам, занимающим ответственное поло-

¹ Кучерявый Н. П. Ответственность за взяточничество. М., Госюриздат, 1957, с. 94.

² Курс советского уголовного права. Т. VI. М., Юрид. лит., 1971. с. 66.

жение. Необходимо, кроме того, отметить, что руководители общественных организаций также относятся к этой категории должностных лиц.

Пленум Верховного Суда СССР рассматривает вымогательство (п. «г» ст. 7) как требование должностным лицом взятки под угрозой совершения таких действий по службе, которые могут причинить ущерб законным интересам взяткодателя, либо умышленное поставление последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку для предотвращения вредных последствий его правоохраняемым интересам¹. Следовательно, Пленум ограничивает вымогательство только случаями угрозы причинить ущерб законным правам или интересам, т. е. совершить незаконные действия, либо воздержаться от совершения законных действий. В практике, однако, встречаются случаи, когда должностные лица вымогают взятки под угрозой совершить какие-то законные действия, которые в той или иной мере нарушают интересы взяткодателя. В. Ф. Кириченко, в частности, обоснованно указывает, что, хотя нельзя признать законным стремление преступника избежать уголовной ответственности, угроза привлечения к ней может явиться действенным средством вымогательства взятки². Так, шофер одного из таксопарков был задержан перед выездом на линию в нетрезвом состоянии. Руководством парка у него были отобраны права для передачи в ГАИ. Начальник отдела безопасности движения парка Д. и его заместитель Б. стали требовать от шофера 100 р., обещая не передавать права в ГАИ. Вымогательство взятки продолжалось в течение нескольких дней. Шофер, уступая вымогателям, дал им 50 р., обещая отдать остальные после возвращения прав. Действия Д. и Б. были квалифицированы как получение взятки путем вымогательства. Если следовать разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР, то в данном случае нельзя признать факты вымогательства, поскольку Д. и Б. требовали взятку, угрожая совершить законные действия. Но разве от этого изменился общественно опасный характер преступных действий взяткополучателей, которые на протяжении длительного времени упорно вымогали взятку у шофера?

Тернопольским областным судом был осужден за получение взятки, сопряженной с вымогательством, заведующий откормочным пунктом совхоза К. Когда четверо граждан привезли на пункт коров для сдачи, К. отказался их принять, мотивируя это тем, что они жители другого района и у них нет ветеринарных свидетельств о здоровье животных. Отказываясь принимать коров, К., однако, намекнул о желательности «чем-то отблагодарить его». К вечеру граждане, убедившись, что

¹ Аналогичное положение содержалось и в п. «г» ст. 8 постановления Пленума от 31 июля 1962 г.

² Курс советского уголовного права, с. 145.

увезти коров назад из-за отсутствия транспорта невозможно, а без взятки К. коров не примет, предложили ему 20 р. Он ответил: «Мало». Тогда они сложились и дали К. 50 р., после чего он принял коров. В данном случае отказ К. принять коров был законным, так как прием скота из других районов, а тем более без ветеринарного свидетельства запрещался. Однако все обстоятельства этого дела свидетельствуют о том, что граждане оказались в безвыходном положении и взятка была ими дана только в силу вымогательства.

Б. В. Здравомыслов пишет: «При угрозе совершить в отношении взяткодателя законные действия (например, составить акт и передать в государственные органы) действия взяткополучателя характеризуются меньшей опасностью, поскольку он не угрожает нарушить правоохраняемые интересы потерпевшего»¹. С этим мнением вряд ли можно согласиться. Взятка является опасным преступлением, поэтому требование вручить ее под угрозой совершения любых действий (как законных, так и незаконных) необходимо признать вымогательством.

В ряде случаев вообще нельзя определить, какими действиями (законными или незаконными) угрожает лицо, вымогающее взятку. Например, два гражданина претендуют при поступлении на работу на одну вакансию. Руководитель может из двух человек принять только одного, но он требует взятки с обоих, рассчитывая принять на работу того, кто предложит (или даст) ему большую сумму. Как установить здесь, какое по форме действие угрожает совершить должностное лицо? Ведь выбирать из двух человек лучшего кандидата — прерогатива руководителя. Следовательно, внешне эти действия являются «законными». Однако бесспорно то, что и в данном случае мы имеем дело с вымогательством. В связи со сказанным целесообразно несколько видоизменить п. «г» ст. 7 постановления, изложив его в следующей редакции: «Вымогательство означает требование должностным лицом взятки под угрозой совершения действий по службе, которые могут причинить ущерб интересам взяткодателя, либо умышленное поставление последнего в условия, при которых он вынужден дать взятку для предотвращения вредных последствий его правоохраняемым интересам».

При совершении за взятку каких-либо действий, образующих должностное злоупотребление, считают, что все совершенное необходимо квалифицировать по совокупности, т. е. по ст. 168 и 165 УК УССР (Н. П. Кучерявый, А. Б. Сахаров, В. И. Соловьев, Н. С. Лейкина и др.). Пленум Верховного Суда СССР в постановлении указал, что ответственность за дачу и получение взятки не исключает одновременного привлечения к уголовной ответственности за действия, образующие самостоя-

¹ Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. М., Юрид. лит., 1975, с. 145.

тельный состав преступления: злоупотребление служебным положением и т. д. Представляется, что эта позиция необоснована. При решении вопроса о квалификации преступления в данном случае следует исходить из соотношения общего и специального составов преступления. Должностное злоупотребление есть общий состав, из которого законодатель выделил ряд специальных составов этого преступления, в том числе получение взятки. Если возникает конкуренция между общей и специальной нормами, предпочтение всегда отдается специальной. Сторонники квалификаций по совокупности получения взяток и должностного злоупотребления ссылаются на диспозицию ст. 168 УК УССР и утверждают, что в ней речь идет о совершении за взятку законных действий или, по словам Б. В. Здравомыслова, «неправомерных, но не преступных действий». Такое толкование диспозиции ст. 168 УК УССР является спорным, поскольку закон прямо не говорит о выполнении тем, кто получил взятку, законных действий, а предусматривает возможность любых действий с использованием служебного положения виновного. Подобное деление, по нашему мнению, искусственно, так как любое действие, совершенное за взятку, уже является незаконным.

Если стать на точку зрения сторонников квалификации по совокупности статей 168 и 165 УК УССР, то тогда необходимо квалифицировать и действия взяткодателя кроме ст. 170 УК УССР еще и как соучастие в должностном злоупотреблении в форме подстрекательства. Б. В. Здравомыслов отмечает, что «наличие же в действиях взяткодателя самостоятельного преступления — дачи взятки — не исключает возможности соучастия в ином должностном преступлении, совершаемом за взятку». Правда, автор тут же оговаривает, что «эта возможность должна быть ограничена объективными признаками (фактическое способствование злоупотреблению либо подстрекательство к его совершению) и признаками субъективными (совершаемое должностным лицом злоупотребление должно охватываться умыслом взяткодателя)»¹. Но ведь эти объективные и субъективные признаки всегда имеются в действиях взяткодателя. Если он дает взятку за совершение должностного злоупотребления в его пользу, значит, он подстрекает должностное лицо к совершению этого преступления. Он не только знает, что злоупотребление будет совершено — он желает этого и подстрекает к нему, как к цели своих действий. Однако практика (и вполне обоснованно) не идет по этому пути. Хотя лицо, дающее взятку, является соучастником в действиях взяткополучателя, однако за это соучастие закон предусматривает особую ответственность виновного не как соучастника, а как субъекта самостоятельного преступления — дачи взятки (ст. 170 УК

¹ Здравомыслов Б. В. Должностные преступления, с. 157—158.

УССР). Во избежание различного рода толкований данного вопроса целесообразно дополнить ч. II ст. 168 УК УССР еще одним квалифицирующим признаком, а именно указанием на «совершение за взятку должностного злоупотребления».

В п. 10 постановления указывается, что «получение в виде взятки должностным лицом по предварительному договору с взяткодателем заведомо похищенных государственных или общественных средств надлежит квалифицировать по совокупности преступлений как получение или дача взятки и хищение государственного или общественного имущества». С нашей точки зрения, это разъяснение Пленума является не вполне ясным. Так, непонятно, о каком предварительном сговоре идет речь? Это или сговор о даче взятки вообще без уточнения, откуда будут взяты деньги, или сговор не только о даче взятки, но и об источнике получения средств. Но даже и этого недостаточно для квалификации действий взяткополучателя как соучастника (не говоря уже как прямого исполнителя) хищения. Соучастием признается совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Поэтому если должностному лицу по предварительному сговору дают в качестве предмета взятки государственное или общественное имущество, заранее похищенное взяткодателем (до договоренности о даче взятки), то в силу ст. 19 УК УССР в действиях взяткополучателя соучастия не будет, так как никакого участия в хищении не принимал. Получение и использование взяткодателем в подобных случаях заведомо для него похищенного социалистического имущества будет заранее не обещанным приобретением имущества, добытого преступным путем, и должно влечь ответственность по ст. 213 УК УССР. Иная ситуация возникает, когда во время предварительной договоренности о даче-получении взятки государственное или общественное имущество еще не изъято. Если должностное лицо склоняет взяткодателя или посредников к даче ему социалистического имущества в виде взятки, то оно выступает как подстрекатель к хищению. Если же инициатива дачи взятки за счет имущества (которое будет похищено) исходит от противоположной стороны то в деяниях взяткополучателя будет пособничество в хищении. В обоих случаях действия получателя взятки необходимо квалифицировать по ст. 168 УК УССР и как соучастие в хищении.

По совокупности ст. 168 и 84 (или 86¹) УК УССР взяткополучатель может отвечать только в одном случае — когда дача взятки оформлена таким способом, что он лично взымает социалистическое имущество (например, при фиктивном совместительстве, получении незаконной премии и т. п.). Здесь взяткополучатель выступает и в качестве исполнителя хищения. Поэтому п. 10 постановления целесообразно изложить в следующей редакции: «Если взяткополучатель подстрекает взяткодателя дать ему взятку за счет похищенного социалистиче-

ского имущества или договаривается о получении такой взятки за счет социалистического имущества, которое будет для этого похищено, то его действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений как получение взятки и соучастие в хищении государственного или общественного имущества. Если взятка дана в такой форме, что взяткополучатель лично похищает социалистическое имущество (фиктивное совместительство, получение незаконной премии и т. п.), то в подобных случаях взяткополучатель должен по совокупности нести ответственность и за хищение государственного или общественного имущества».

В. М. Хотенец, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

ЗНАЧЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ МОТИВИРОВКИ КАССАЦИОННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

УПК УССР предусматривает, что в определении должны содержаться «выводы суда кассационной инстанции по жалобе или протесту» и «подробные мотивы принятого судом решения» (п. 8, 9 ч. 2 ст. 378). Кроме того, закон требует от кассационной инстанции указать в своем определении основание собственного решения (ч. 3—5 ст. 378)¹. Таким образом, вышестоящий суд не может ограничиться констатацией своих выводов по делу, а обязан их обосновать. Иначе говоря, неотъемлемой частью формы кассационного определения являются система мотивов, а также фактических и правовых оснований принимаемого судом решения, т. е. его мотивировка.

Требую постановления мотивированных решений, закон не дает определения понятия мотивировки. В процессуальной литературе под мотивировкой решения суда понимается внешнее выражение процесса формирования содержания знаний, приведших суд к определенным выводам по существу уголовного дела [4, с. 130]. Исходя из этого, а также учитывая функциональное назначение решений суда второй инстанции в уголовном судопроизводстве, их мотивировку следует рассматривать как систему доводов, соображений, аргументов фактического, правового, этического характера, выражающих процесс формирования знаний суда о состоятельности или несостоятельности жалобы (протеста) о правосудности или несправедливости проверяемого решения и последствия осуществленной этим судом проверки.

¹ Прямое указание о необходимости приведения в кассационном определении подробных мотивов, принятого судом решения содержат также УПК КазССР (п. 6 ст. 368) и КиргССР (п. 8 ст. 354). УПК остальных союзных республик требуют указывать в определении лишь основания его вынесения, что, естественно, недостаточно для решений суда второй инстанции.

В настоящей статье исследуются вопросы о значении и общих требованиях, предъявляемых к мотивировке кассационных определений.

Значение мотивировки кассационных определений можно рассматривать в нескольких взаимосвязанных аспектах. Первый из них условно может быть назван социальным. То обстоятельство, что мотивировка решения объективизирует, выражает ввне путь формирования выводов суда по существу дела, имеет большое значение для участников процесса, в первую очередь для осужденного, поскольку позволяет им знать, почему отклонена или удовлетворена жалоба (протест), и на основе этого защитить свои права и законные интересы. Данный аспект мотивировки облегчает осуществление судебного и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью решений суда второй инстанции, а также способствует единообразному пониманию и применению законов в судебной практике. Именно в этом плане реализуется руководящая роль суда второй инстанции в системе судебных стадий: судьи, которые постановили приговор, убеждаются в правосудности (неправосудности) постановленных ими решений, а те, которым надлежит рассмотреть дело повторно, — в необходимости поступать так, как об этом сказано в кассационном определении. И, наконец, выражение в мотивировке мыслительного процесса судей, приведшего их к определенному выводу по делу, придает решениям кассационной инстанции убедительность, создает у советских граждан уверенность в истинности содержащихся в них выводов, благодаря чему достигается их воспитательное и превентивное воздействие. В этой связи специалист по документалистике Г. Г. Воробьев имел все основания утверждать, что мотивы решения «облегчают функционирование документа в соответствующих информационных системах» [2, с. 48]. Именно из этого аспекта значения мотивировки судебных решений исходил Пленум Верховного Суда СССР, обращая внимание судов на то, что «неубедительные, немотивированные, наспех составленные судебные документы подрывают авторитет судов, снижают воспитательное и предупредительное значение принимаемых ими решений» [8, 1977, № 1, с. 15].

Не менее значительная роль мотивировки кассационного определения «собственно» для суда второй инстанции. Роль мотивировки решения состоит в том, что она не только выражает убеждение суда, но и помогает ему обосновать достоверность тех фактов, которые лежат в основе его убеждения, и осознать те основания, по которым он признает достоверной или недостоверной информацию, содержащуюся в обжалованном (опротестованном) приговоре и поданной на него жалобе (протесте). Процесс мотивировки своего решения является своеобразным фильтром, отсеивающим несущественную либо недостоверную информацию, нашедшую отражение в материалах дела, а также спо-

собствующим в отдельных случаях преодолению информационных конфликтов, которые порой возникают у судей при обсуждении в совещательной комнате вопросов о наличии или отсутствии оснований, влекущих отмену или изменение приговора.

Мотивировка решения помогает судье выработать личностное отношение к совокупности доказательственной информации, положенной в основу определения, осознать те причины, которые привели его к выводу о наличии или отсутствии в деле кассационных оснований, и обосновать тот вариант решения, который соответствует его убеждению. Иными словами, мотивировка решения имеет своей задачей установление соответствия уровня полученного судьями знания при рассмотрении конкретного уголовного дела с тем знанием, с которым процессуальный закон связывает правосудность кассационного определения, его законность и обоснованность.

Для того чтобы полностью выполнить свою служебную роль, мотивировка кассационного определения должна отвечать нескольким требованиям. Прежде всего она должна быть полной.

1. Мотивировка кассационного определения об оставлении приговора без изменения будет полной в том случае, если она выражает процесс проверки приговора под углом зрения всех кассационных оснований. В надлежаще (полно) мотивированном решении суда второй инстанции об оставлении приговора без изменения четко просматривается работа всей системы кассационных оснований, т. е. в нем обосновывается правильность установления фактических обстоятельств дела, адекватность применения уголовного или иных материальных законов, а также справедливость назначенного осужденному наказания и в тех случаях, когда в жалобе или протесте оспаривалась лишь правильность разрешения в приговоре одного из вопросов (скажем, о наказании). При этом в таком определении при мотивации вывода о правильности разрешения в приговоре вопроса о виновности осужденного приводятся не только доказательства, подтверждающие этот вывод, но и собственные доводы, высказывается отношение к мотивам, приведенным судом в обоснование достоверности или недостоверности тех или иных доказательств (например, о правильности мотивов суда первой инстанции, опровергающих показания свидетеля, заключение эксперта и др.). Иначе говоря, собственные мотивы суда второй инстанции должны быть направлены на обоснование отсутствия кассационных оснований к отмене или изменению приговора. Не может считаться полной мотивировка определения, когда в нем констатируется правильность установления фактических обстоятельств дела и отсутствует анализ не только мотивов суда первой инстанции, но и доказательств, положенных в основу приговора.

Перед вышестоящим судом иногда возникает необходимость в восполнении мотивировки проверяемого решения. При обосновании своего вывода о правосудности приговора, а также при опровержении доводов жалобы или протеста эти суды зачастую ссылаются на факты, которые не получили своей оценки в приговоре, но сведения о которых имеются в материалах дела. По изученным нами делам суды второй инстанции в своих определениях ссылались, в частности, на такие данные, которые фигурировали в материалах дела, но не были указаны в приговоре: а) в обоснование соразмерности наказания (отрицательное поведение в быту; привлечение к административной ответственности; неоднократное пребывание в медвытрезвителе; плохое отношение к обязанностям по службе; устранение от воспитания детей; ведение праздного образа жизни и др.), б) в обоснование правильности квалификации (данные, подтверждающие осведомленность осужденного о возрасте потерпевшей, данные, свидетельствующие о направленности умысла и др.).

Практика восполнения мотивировки проверяемого решения представляется правомерной при обязательном соблюдении двух условий: если факты, приводимые в обоснование вывода о правосудности проверяемого решения, исследовались судом первой инстанции и если они не ухудшают положение осужденного. Вышестоящий суд, принимая решение о правосудности приговора и опровергая доводы жалобы (протеста) на основе таких фактов, лишь усиливает обоснование вывода суда первой инстанции. Обоснование же кассационной инстанцией решений об оставлении приговора без изменения фактами, которые суд первой инстанции отверг или которые ухудшают положение осужденного, недопустимо. Так, нельзя признать правомерной ссылку в кассационном определении на такие неустановленные приговором факты, как «оказание осужденным сопротивления при его задержании», «попытка применить оружие» и др. Устанавливая эти факты, кассационная инстанция расширяет, во-первых, круготягчающих вину подсудимого обстоятельств, которые, как известно, исчерпывающе регламентированы законом; во-вторых, объем обвинения, тогда как она должна рассматривать дело в пределах того обвинения, по которому подсудимый был признан виновным или оправдан [8, 1972, № 1, с. 8].

2. Содержание мотивировки кассационного определения об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение либо прекращении дела во многом обусловлено основанием отмены. Например, мотивировка определения об отмене приговора ввиду неполноты предварительного или судебного следствия будет полной, когда вышестоящий суд: а) укажет на обстоятельства, оставшиеся неустановленными в ходе предварительного или судебного следствия (если неполнота выразилась в этой форме); б) приведет убедительные мотивы о существен-

ности этих обстоятельств для решения вопроса о виновности лица либо квалификации действий и наказания; в) аргументирует свое решение о направлении дела в ту или иную стадию процесса; г) при односторонности и неполноте, выразившихся в неполном исследовании доказательств, приведет убедительные мотивы о недостаточности доказательств, положенных в основу приговора для достоверного вывода по делу, а также укажет конкретные судебные-следственные действия, которые необходимо произвести для устранения названной неполноты.

Неправильность вывода вышестоящего суда в любом случае проявляется в ущербности его мотивировки. Так, неправильная отмена приговора выражается в неправильности мотивов о существенности того или иного обстоятельства для правильного разрешения дела¹.

3. Мотивировка кассационного определения об изменении приговора, как и определения об оставлении приговора без изменения будет полной, если она отражает процесс проверки приговора под углом зрения системы кассационных оснований. Нельзя признать мотивировку кассационного определения полной тогда, когда суд приводит мотивы в обоснование лишь своего вывода об изменении приговора (например, в части наказания), оставляя по существу немотивированным вывод о законности и обоснованности решения иных вопросов, подлежащих разрешению в приговоре (о квалификации деяния, о гражданском иске), либо в части осуждения лица за другие преступления. В свою очередь мотивы изменения приговора должны быть убедительными. В практике кассационных инстанций нередко еще случаи изменения приговора в части квалификации или наказания либо без приведения мотивов, опровергающих выводы суда, постановившего приговор, либо с приведением неубедительных мотивов. Этот недостаток особенно присущ определениям об изменении приговора в части назначенного осужденному наказания. Ущербность мотивировки таких решений проявляется в том, что вышестоящий суд принимает во внимание лишь смягчающие вину обстоятельства, игнорируя те из них, которые отягчают вину осужденного либо в которых в качестве мотива изменения приговора есть ссылки на «конкретную ситуацию происшествия», «данные о личности осужденного» и др. В постановлениях (определениях) надзорных инстанций, которыми отменяются такие кассационные определения, суду второй инстанции обычно предлагается привести убедительные доводы, опровергающие выводы суда, содержащиеся в приговоре [7, с. 576—577].

¹ См., напр., постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Мамедовых, опубликованное под тезисом «Направление дела на новое рассмотрение не может быть признано правильным, если подлежащее дополнительному выяснению обстоятельство не влияет на вывод о доказанности вины осужденного и квалификации преступления» [8, 1970, № 1, с. 29—31].

Мотивировка кассационного определения должна быть непротиворечивой. Противоречивость мотивировки может иметь самые различные проявления: вышестоящий суд признает недостоверными доказательства виновности одного из осужденных и в то же время считает их достоверными в отношении другого соучастника преступления; суд, соглашаясь с доводами кассационной жалобы потерпевшего, оставляет ее без удовлетворения, а приговор без изменения и др. [3, с. 471—472; 476—477]. Непротиворечивость мотивировки кассационного определения во многом обуславливается соотношением мотивов и оснований его постановления. Как правильно отмечает П. А. Лупинская «...точное выражение в мотивах решения его правового основания имеет важное значение для признания решения обоснованным и справедливым» [5, с. 147]. Однако изучение судебной практики показывает, что это положение не всегда соблюдается вышестоящими судами.

В кассационном определении должно содержаться три решения: о правосудности (неправосудности) проверяемого решения; об обоснованности (необоснованности) жалобы или протеста; о последствиях проверки обжалованного или опротестованного решения. В большинстве случаев ответ кассационной инстанции на доводы жалобы (протеста) и обоснование решения о правосудности (неправосудности) приговора представляет собой единый процесс. Отвечая на доводы жалобы (протеста) и признавая их несостоятельными, кассационная инстанция тем самым обосновывает правосудность приговора. Напротив, полагая, что доводы жалобы или протеста находят свое подтверждение в материалах дела, она обосновывает неправосудность приговора. Однако в силу ревизионного начала в деятельности суда второй инстанции этот процесс может не совпадать. Такое положение складывается тогда, когда и доводы жалобы (протеста) несостоятельны, и проверяемое решение неправосудно. В этом случае кассационная инстанция сначала отвечает на доводы жалобы (протеста), вскрывая их несостоятельность, а затем, указав, что это делается в порядке, предусмотренном ст. 363 УПК УССР (ст. 332 УПК РСФСР), обосновывает свой вывод о неправосудности приговора и формулирует окончательное решение о процессуальных последствиях рассмотрения дела.

Однако иногда вышестоящий суд не может ответить по существу на доводы жалобы. Это имеет место тогда, когда по делу принесен протест прокурора или подана жалоба потерпевшего, в которых ставится вопрос об отмене приговора ввиду необходимости применения закона о более тяжком преступлении и назначении более сурового наказания, а кассационная инстанция приходит к выводу, что по делу допущена такая неполнота предварительного и судебного следствия, которая не позволяет судить о состоятельности или несостоятельности протеста или

жалобы. Представляется, что в рассматриваемой ситуации суд второй инстанции должен оставить протест без удовлетворения, а приговор отменить в ревизионном порядке ввиду односторонности и неполноты предварительного судебного следствия. Мотивом указанного решения должны быть суждения суда о том, что по делу допущена такая неполнота, которая не позволяет судить о правильности применения уголовного закона и назначенного осужденному наказания. Иная мотивировка решения будет противоречивой и ориентировать суд первой инстанции на обвинительный уклон.

Суд второй инстанции не может ответить по существу кассационной жалобы и тогда, когда осужденный или его защитник оспаривают приговор в части виновности и просят суд отменить приговор и прекратить производство по делу, либо, оспаривая правильность применения уголовного закона и назначенного наказания, считают необходимым переквалифицировать действия осужденного или изменить наказание, а суд второй инстанции устанавливает, что по делу допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Представляется правильным мнение Г. Н. Омеляненко, полагающей, что в названных случаях кассационная инстанция должна отменить приговор и, не отвергая доводы жалобы, указать в определении, что они подлежат проверке при новом рассмотрении дела. Так же должен поступить вышестоящий суд и тогда, когда приговор отменяется по жалобе потерпевшего ввиду нарушения его процессуальных прав и дело в отношении осужденного, который также обжаловал приговор, будет рассматриваться повторно [6, с. 28—29]. Однако с Г. Н. Омеляненко нельзя согласиться в том, что в приведенных случаях в кассационном определении необходимо указать, что жалоба осужденного подлежит частичному удовлетворению. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что в рассматриваемой ситуации, а также в случае отмены приговора ввиду существенного нарушения процессуального закона, выразившегося в том, что осужденный не был предан суду, вышестоящие суды поступают по-разному. Одни из них, отменяя приговор, оставляют жалобу без рассмотрения, другие указывают в определении, что жалоба осужденного подлежит частичному удовлетворению и, не входя в обсуждение вывода суда о виновности осужденного, квалификации его действий и меры наказания, предлагают суду проверить доводы жалобы при новом рассмотрении дела. Вторым вариантом решения этого вопроса объясняется тем, что закон (ст. 364 УПК УССР, ст. 339 УПК РСФСР), устанавливая виды решений суда второй инстанции, предусматривает лишь два возможных решения по жалобе или протесту: удовлетворить или оставить их без удовлетворения.

Представляется, что решение о частичном удовлетворении жалобы или протеста может иметь место лишь при том усло-

вии, что суд второй инстанции действительно удовлетворяет одну или несколько просьб, содержащихся в них, тогда как другие признаются судом несущественными (например, если в жалобе содержится просьба о снижении наказания по каждому из преступлений, в совершении которых подсудимый признан виновным, а суд пришел к выводу о необходимости снижения наказания, назначенного за одно из них; если в жалобе ставился вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение, а суд второй инстанции счел необходимым приговор отменить, а дело направить на дополнительное расследование и др.). В тех же случаях, когда основания жалобы, а также изложенная в ней просьба не совпадают с мотивировкой суда второй инстанции, т. е. решение принимается в ревизионном порядке, вышестоящему суду должно быть предоставлено право указать в определении, что материалы уголовного дела не позволяют дать ответ по существу доводов жалобы или протеста и решение по данному делу принимается в ревизионном порядке.

Соотношение мотивов и основания имеет важное значение и для признания правосудным кассационного определения об изменении приговора. Закон, как известно, запрещает вышестоящему суду вносить в приговор изменения на основе тех доказательств, которые были отвергнуты судом первой инстанции. Руководствуясь этим правилом, суд второй инстанции, придя к выводу, что доводы, приведенные в приговоре в опровержение тех или иных доказательств, необидительны, обязан отменить приговор и направить уголовное дело на новое рассмотрение. При этом в определении должно быть указано на необидительность доводов, приведенных судом в опровержение одних и подтверждение достоверности других доказательств. Признание вышестоящим судом доказательств, которые были отвергнуты судом, постановившим приговор, достоверными и принятие на их основе решения об изменении приговора ведут к стиранию различий между деятельностью суда первой инстанции и суда, осуществляющего проверку правосудности его решений. В практике вышестоящих судебных инстанций нередки случаи, когда они, констатируя необидительность доводов суда, приведенных в опровержение тех или иных доказательств, изменяют проверяемый приговор. Такое положение допустимо лишь в тех случаях, когда вышестоящий суд приходит к выводу, что между положенными в основу приговора и опровергнутыми в нем доказательствами существует противоречие, которое не может быть устранено и при новом рассмотрении дела. Поскольку в подобной ситуации, по мнению вышестоящего суда, названные противоречия вообще неустраняемы, он обязан принять решение по делу в пределах своей компетенции, а именно: в силу презумпции невиновности изменить приговор и применить закон о менее тяжком преступлении. Однако при этом суд не вправе указать

В своем определении на достоверность отвергнутых судом первой инстанции доказательств, т. е. переоценивать их, а должен мотивировать свое решение об изменении приговора неустранимостью противоречий между доказательствами и при новом рассмотрении дела. Иная мотивировка решения об изменении приговора в названной ситуации наводит на мысль о превышении вышестоящим судом своих полномочий.

Представляется, что именно неправильная мотивировка решения об изменении приговора приводит В. Богачева к выводу о превышении своих полномочий Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР по одному из рассмотренных ею дел. Черниговский областной суд осудил О. за умышленное убийство с особой жестокостью. Факт убийства осужденный не оспаривал, но заявил, что совершил преступление в состоянии сильного душевного волнения, вызванного тем, что потерпевший З. первым намеревался ударить его ножом, когда осужденный выходил из дома. Версия о нападении З. была исследована судом первой инстанции и отвергнута как несостоятельная. Судебная коллегия признала факт нападения и поэтому приговор в отношении О. изменила, переквалифицировав его действия на ст. 95 УК УССР [1, с. 77]. Если бы в приведенном случае Судебная коллегия наряду с выводом о том, что показания подсудимого судом первой инстанции не опровергнуты, указала и на то, что все возможности в собирании доказательств, способных опровергнуть эти показания, исчерпаны и поэтому новое рассмотрение дела ничего не даст для выяснения обстоятельств совершения убийства, отпали бы все сомнения в правомерности ее решения.

Список литературы: 1. *Богачов В.* Зміна вироку в касаційному порядку. — Рад. право, 1971, № 5, с. 75—77. 2. *Воробьев Г. Г.* Документ. Информационный анализ. М., Юрид. лит., 1973. 121 с. 3. Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел. М., Юрид. лит., 1976. 494 с. 4. *Грошевой Ю. М.* Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, Вища школа, 1975. 134 с. 5. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве, Их виды, содержание и формы. М., Юрид. лит., 1976. 166 с. 6. *Омельяненко Г. М.* Зміст та мотивування касаційної ухвали. — Рад. право, 1975, № 12, с. 26—30. 7. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972. М., Юрид. лит., 1974. 646 с. 8. Бюл. Верховн. Суда СССР.

В. Н. Глибко, канд. юрид. наук, Н. Г. Ратманов

Харьковский юридический институт

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЫСКА

Обыск может дать положительные результаты при условии, что его тактические приемы и технические средства применяются с учетом психологических факторов. Обыск является коллективным следственным действием, которое характеризуется специфическими условиями, формами и способами его производства. Поэтому об обыске можно говорить как о следственном действии, в котором четко проявляются социально-психоло-

гические отношения. Психологический фактор при производстве обыска выступает как одна из сторон социальных отношений.

Производство обыска обуславливает конфликтную ситуацию между следователем и другими участниками, с одной стороны, и обыскиваемым лицом — с другой. Поэтому на начальной стадии обыска важное значение приобретает установление психологического контакта, который достигается путем взаимного восприятия сторон и обмена как вербальной, так и невербальной информацией.

Производственно обыска предопределяет значительные официальные социально-психологические (ролевые) способы отношения между следователем и обыскиваемым лицом. В процессе данного ролевого поведения следователь получает информацию, которая характеризуется способом обмена, способом ее передачи и способом воздействия со стороны следователя на обыскиваемое лицо. С учетом этих особенностей следователь строит мыслительные модели действий обыскиваемого лица [3, с. 263]. «Нередко решение таких мыслительных задач, — отмечает В. Е. Коновалова, — определяется имитацией мышления и действий других лиц, создавших или могущих создать ситуацию, сущность которой предстоит установить. Такая имитация возможного хода рассуждений другого лица определяется как рефлексивное мышление» [4, с. 96]. Однако к решению этого вопроса необходимо подходить с особой осторожностью: следователь может, например, учесть данные о психологии обыскиваемого, его профессии, укладе жизни, особенностях характера и привычек, но не всегда может достичь того, чтобы ход его мышления был полностью адекватен ходу мышления обыскиваемого. Это вызывается тем, что следователь не всегда имеет возможность установить, в какой обстановке протекала мыслительная деятельность обыскиваемого при выборе им места сокрытия интересующего следователя объекта. Как указывают А. М. Матюшкин и М. П. Егоров, мыслительная деятельность человека особенно усложняется в случаях так называемых «игровых ситуаций», включающих партнера «по игре», преследующего противоположные цели и вносящего на каждом из этапов неожиданные изменения ситуации» [5, с. 69]. Поэтому при построении мыслительной модели действий обыскиваемого следователю необходимо учитывать, что, предвидя возможность предстоящего обыска, обыскиваемый определяет выбор места и способ маскировки искомого объекта.

Знание личности обвиняемого, его привычек, особенностей характера, профессии играет положительную роль в установлении психологического контакта. Сам факт проведения обыска настраивает обыскиваемое лицо против следователя, однако это не исключает, как говорит В. Л. Васильев, возможности установления психологического контакта [1, с. 61]. Такой контакт может быть достигнут, например, если следователь перед

обыском предложит выдать указанные в постановлении предметы, мотивируя это тем, что не желательно, чтобы дети, вернувшись из школы, наблюдали картину обыска. Такое начало обыска, даже если требование о добровольной выдаче искомых объектов не увенчается успехом, послужит важным началом к установлению психологического контакта. Когда обыскиваемое лицо находится в возбужденном состоянии, необходимо снять напряжение и вести обыск в более спокойной обстановке. Если лицо замкнуто и самоуверенно, целесообразно сменить его состояние на более эмоциональное пробуждением воспоминаний об эмоционально значимых для него обстоятельствах, например беседа о семье, работе и т. д. [2, с. 174].

При построении розыскных версий следователь должен сознавать, что преступники также учитывают ряд факторов психологического характера: оставляют искомые предметы на виду, рассчитывают на появление фактора усталости, автоматизма. Устройство различного рода тайников в современной квартире крайне затруднительно, поэтому преступники чаще всего прибегают к созданию так называемых психологических тайников, рассчитанных на то, что при осмотре места сокрытия предмета внимание следователя будет отвлечено или ослаблено каким-то фактором или же искомое спрятано в таком месте, где на первый взгляд очевидна невозможность его укрытия. Так, при производстве 25 обысков в квартирах подозреваемых в 13 случаях искомые объекты оставляли на видных местах, т. е. на обеденном столе, вешалке, ящике для посуды и т. д. Например, при производстве обыска в квартире К., совершившего преступление с применением огнестрельного оружия, огнестрельная «труба» была обнаружена в столовой комнате за батареей центрального отопления. При допросе К. пояснил, что тайник оборудовал за батареей центрального отопления, рассчитывая на то, что она расположена на видном месте и следователь не будет ее тщательно осматривать [8].

Известную трудность представляет производство обыска по месту работы преступника, например, на предприятиях промышленности. Так, по делу о разбойных нападениях, совершенных группой во главе с Д., следователь установил, что оружием преступную группу снабжал К., работающий токарем на одном из заводов. В его квартире был обнаружен пистолет кустарного производства, а по месту работы обыск не дал положительных результатов. Расследование показало, что К. получил в качестве вознаграждения золотые часы, снятые у потерпевшей, которые хранятся на его рабочем месте. При повторном обыске часы были обнаружены в тумбочке в высверленной металлической заготовке, которая лежала среди других заготовок на видном месте. Устройство такого тайника было психологически оправдано и, как позже пояснил обвиняемый, он рассчитывал, что в случае обыска это не вызовет интереса у следователя.

Своеобразным психологическим моментом являются и случаи, когда в ответ на предложение следователя о добровольной выдаче названных в постановлении предметов обыскиваемое лицо указывает место сокрытия или выдает требуемое. Добровольная выдача интересующих предметов не освобождает следователя от дальнейшего производства обыска. Практике известны случаи, когда обыскиваемые лица с поспешностью выдавали следователю требуемые предметы, рассчитывая тем самым избежать обыска и изобличения в других преступлениях. Так, при производстве обыска в доме А. следователь предложил добровольно выдать похищенные моторы от стиральных машин. А. повел следователя в сарай, где показал спрятанные моторы. Чрезмерная суетливость и заверения о том, что у него больше ничего нет (и это при условии, что о каких-либо иных предметах в деле данных не было), насторожили следователя. В результате обыска было обнаружено шесть самоваров-сувениров, которые, как оказалось, были похищены на заводе [8].

Разгадывание способов и приемов сокрытия орудий преступления, предметов и ценностей возможно в ходе самого обыска. Присутствие в помещении, личное восприятие обстановки и взаимосвязей объектов позволяют следователю выдвинуть версии о возможных местах сокрытия искомых предметов, которые в процессе подготовки к обыску нельзя было предусмотреть. Как отмечает В. В. Дулов, «обычно существует определенная причинность нахождения предметов в различных комнатах. В связи с этим изменение такой общеустановленной причинности уже должно вызвать определенную настороженность, появление версии о необходимости глубже исследовать, изучить причины подобного нарушения» [3. с. 267].

Во всех случаях следователю необходимо ставить перед собой цель выявления отступлений от общих особенностей, которые должны быть присущи данному объекту (объем, вес), его связи с другими объектами и т. д. Однако на результатах обыска отрицательно сказывается утомление следователя, ему трудно сохранить устойчивое внимание на всех объектах в силу притупляемости остроты восприятия. Поэтому А. Р. Ратинов правильно рекомендует чаще варьировать характер своих действий [7, с. 229]. Например, после просмотра книг не следует заниматься изучением переписки, а лучше перейти к обследованию предметов, мебели. Для снятия психологического утомления, возникающего при производстве длительного обыска, связанного с осмотром много раз повторяющихся объектов, важно своевременно делать перерывы на отдых. Особенно ценную информацию можно получить в процессе наблюдения за поведением обыскиваемого лица и членов его семьи.

Наблюдение как форма деятельности в процессе тесно связано с ориентировкой, под которой в широком смысле слова понимают получение достаточно верного представления о месте

обыска, умение разобраться в окружающей обстановке. Очень важно правильно вести наблюдение и ориентироваться. Однако наблюдательность как одно из положительных свойств личности не сводится лишь к одному умению. Наблюдательность следователя — это способность замечать в предметах и явлениях малозаметные, но в то же время существенные или важные для расследования уголовного дела детали, признаки или свойства. Наблюдательность следователя — это постоянная готовность к восприятию именно того, что нужно для достижения определенной цели. Находясь в острой конфликтной ситуации, обыскиваемое лицо делает предположение относительно своего будущего и возможности обнаружения скрытых им предметов. Это обстоятельство, как правило, приводит его в состояние сильного эмоционального возбуждения, которое обычно пытаются скрыть. Отличительной чертой таких эмоциональных реакций является их избирательность, эпизодический характер и связь с отдельными этапами обыска. Появляясь совершенно произвольно, эти реакции вместе с тем различны с точки зрения возможности их подавления. Непроизвольные реакции организма вызываются высокой степенью нервного возбуждения, внешними признаками которых являются заикание, модуляция голоса, аритмия дыхания и т. д. Психологические исследования изменения характеристик речи при эмоциональной напряженности показывают, что под влиянием эмоциональной напряженности существенно изменяются многие характеристики личности, что дает возможность установить объект (предмет), который вызывает повышенную эмоциональную напряженность, диагностировать ее состояние, а также распознавать ситуации, в которых эта напряженность возникает [8, с. 27]. Однако есть и такие реактивные движения и состояния, которые бессознательно, проявляясь вовне, поддаются волевому контролю и управлению. Они выражаются, например, в том, что обыскиваемый комкает платок, жестикуляцией и мимикой выражает свои чувства: волнение, огорчение, радость и т. д. Все перечисленные признаки служат определенным сигналом для производящего обыск. Однако они могут быть и стимулированы для того, чтобы отвлечь следователя, направить на ложный путь, утомить бесполезными поисками. Так, по окончании обыска в сарае, где хранилось большое количество дров, следователь решил перейти к обыску в жилом помещении. Когда он направился к выходу, хозяин дома Н. облегченно вздохнул и поспешно вышел из сарая, проявляя чрезмерную радость. Это насторожило следователя и он решил провести в сарае более тщательный обыск. Были переложены все дрова, осмотрен потолок и пол, однако результаты оказались отрицательными. Успех пришел во время обыска жилого дома, когда на чердаке было обнаружено искомое охотничье ружье.

Обстановка обыска увеличивает силу эмоционального воздействия обнаруженных предметов. Использование этих факторов, предъявление найденного обыскиваемому лицу, выяснение обстоятельств происхождения обнаруженных предметов — все это позволяет в ряде случаев еще в ходе обыска получить интересующие данные по поводу фактов, выявленных при обыске. Сам процесс обыска, предполагающий детальное и последовательное обследование всех предметов обстановки, документов, подсобных помещений, несмотря на свою планомерность, в любой период может создать ситуацию для интуитивного решения поставленных задач. По мнению В. Е. Коноваловой, предпосылкой интуитивного решения задач являются два взаимно связанных фактора. Первым из них выступает профессиональный опыт, который позволяет не только быстро ориентироваться в способах решения задач, но и подсказывает возможные, имеющие место в практике варианты решения. Второй фактор — это обусловленное отсутствие готовых путей решения, мысленное напряжение, выразившееся в поиске возможного решения. Интуитивные представления являются определенным видом мышления и особую значимость приобретают при разработке и проверке следственных версий. Интуитивные догадки, как правило, основываются на реальных сведениях.

Результаты обыска желательно проанализировать сразу же после его производства. Оценку следует производить не только с точки зрения «обнаружил-не обнаружил», но и как обнаружил, где обнаружил, подтвердились ли розыскные версии, выдвинутые при подготовке к обыску, или более удачными оказались версии, выдвинутые в ходе его производства.

Известно, что в деятельности следователя постепенно складывается стереотип действий в сходных условиях. Он на определенном этапе дает положительный эффект, поскольку способствует быстрому отысканию нужных путей в решении поставленных задач и правильной оценке складывающейся ситуации, выдвижению следственных версий. Но нередко схематизм в мышлении, связанный с расследованием преступлений, преобладает над творчеством, что нередко ограничивает мыслительную деятельность следователя. Успех обыска в значительной мере зависит от ряда других факторов. Из них наиболее важным считаются опыт следователя, наличие у него субъективных исследовательских качеств и навыков, научно-техническая оснащенность и умение правильно и своевременно определить время обыска с учетом условий, которые могут благоприятствовать или, наоборот, затруднять его. Все эти обстоятельства указывают на необходимость тщательной подготовки к обыску с учетом рекомендаций судебной психологии.

Если первоначальный обыск не дал положительных результатов, необходимо еще раз проверить данные, имеющиеся в распоряжении следователя, тщательно проанализировать свои

действия во время обыска. Полезно проследить ход обыска и там, где обыск был проведен тщательно, на основе учета недостатков составить план и определить время производства повторного обыска. Преступники часто после первого обыска, успокоившись и, рассчитывая на то, что следователь больше не прибегнет к нему, извлекают из тайников похищенное имущество, ценности и документы, имеющие важное значение для дела. Так, первоначальный обыск в доме Г. с целью отыскания похищенного мотоцикла был проведен в дневное время. Однако он ничего не дал. На следующее утро следователь явился в дом Г. для производства повторного обыска, где и был обнаружен интересующий его мотоцикл [8].

Изложенное показывает, что правильно подготовленный и своевременно проведенный обыск способствует отысканию и изъятию предметов, имеющих значение доказательств по делу и в конечном счете служит средством изобличения виновных.

Список литературы: 1. *Васильев В. Л.* Юридическая психология. Л., Изд-во ЛГУ, 1974. 61 с. 2. Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., МООН СССР, 1967. 174 с. 3. *Дулов А. В.* Судебная психология. Минск, Высшая школа, 1970. 390 с. 4. *Коновалова В. Е.* Организационные и психологические основы деятельности следователя. Киев, МВД УССР, 1973. 122 с. 5. *Матюшкин А. М., Егоров М. П.* Исследование мышления в оценочной деятельности человека. — *Вопр. психологии*, 1974, № 1. 69 с. 6. *Носенко Э. Н.* Изменение характеристик речи при эмоциональной напряженности. — *Вопр. психологии*, 1978, № 6. 7. *Рапинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., МООН СССР, 1967. 291 с. 8. Примеры из практики прокуратуры г. Тулы за 1974—1975 гг.